ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ГОДЪ VIII—1870.

КНИЖКА II.

ТОМЪ I.

ВИЛЬНА.

Въ типографіи Штаба Виленскаго Военнаго Округа.

1870.

Дозволено Цензурою 24-го апрѣля 1870 года. Вильн

I.

№ 2.

ДОКУМЕНТЫ,

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Грамота, пожалованная митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ Іосифомъ супрасльскому монастырю, 2 февраля 1514 года *).

На рокахъ судовыхъ земскихъ, водлугъ порадку статутоваго на завтрее цо Трехъ Кроляхъ святе Рымскомъ прыпалыхъ и судовне на местцу звыкломъ отправованыхъ, передъ нами Кондратомъ Мелешкомъ судею, Яномъ Боуфа-

*) Документъ этотъ составленъ въ 1514 году, слѣдовательно около 100 лѣтъ прежде введенія Уніи. Языкъ его несравненно чище встрѣчаемаго въ прочихъ актахъ, въ которые вкралось ужъ множество польскихъ словъ. Между прочимъ замѣчательно то, что, по словамъ документа, супрасльская обитель была въ 1514 году только возобновлена, и существовала съ самыхъ древнихъ временъ на этомъ мѣстѣ, чѣмъ подтверждается древность существовонія православія въ великомъ княжествѣ. Наконецъ, содѣйствіе Ходкевичей казною своею къ возобновленію монастыря составляетъ неоспоримое доказательство ихъ православія.

ломъ подсудкомъ, а Стефаномъ Мешковскимъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городенского постановившыся очевисто вельможная ее милость пани Ярошовая Петровая Сапежынная старостинная Уевяцкая пани Зофия Васровна, по росправе за позвы жалобы ее милости зъ вельможными ихъ милостю княжатемъ Крыштофомъ Радивиломъ старостою Жизморскимъ, Сейненскимъ, Быстрыцкимъ, зъ его милостью паномъ Яронимомъ Ходкевичомъ, каштеляномъ Виленскимъ, зъ его милостю княжатомъ Янушомъ зъ Острога Жославскимъ, воеводою Волынскимъ и зъ сынами, зъ его милостю княжатемъ Александромъ, Константымъ и Юрьемъ Жославскими, зъ его милостю паномъ Рафаломъ Лещинскимъ каштеляномъ Висліцлимъ и пани малжонкою его милости, зъ его милостью княжатемъ Александромъ Пронскимъ, зъ его милостью княземъ Өедоромъ Масальскимъ, маршалкомъ его королевское милости, а зъ ихъ милостю паномъ Езофомъ Карпемъ о листы, справы, прывилея на розные мастности Ходкевичевские, за положенемъ умоцованныхъ особъ верху менованыхъ, чынечы досыть декретови и паказу нашому для всякихъ прыпадковъ для лепшого безпеченства, подавшы намъ врадовнику ведомости листы, прывилея розные, до актыкованя въ книги земские городненские подала, который мы огледавшы и руками нашими подписавшы, за потребованемъ такъ ее милости самое, яко и некоторыхъ, особъ позваныхъ, до книгъ вписать велели есьмо, которые порадне, водлугъ датъ, слово отъ слова вписуючы, такъ се въ собе маеть. А напродъ прывилея падання монастыру Супральскому служачые, а то есть першые:

Всякъ даръ совершенъ совышней исходя отъ отца световъ, должно есть и Богу всегдашнее благодаренье, — И достиже и до мени смеренного архиепископа Иосифа митрополита Киевского, Кгалицкого и всея Руси, имуща выне

пастыря и служытеля богоспасаемое митрополии Киевское и всея Руси, еяжъ престолъ великое соборное церкви премудрости божое святое Софии матере градовомъ богоспасаемого Киева, держащи я смиренны по благодати святого Духа данней намъ и благославеньемъ светейшого господина вселенского великого патрыярха Константина града новаго Рима Кирь Пахомиса и его великого вселенского собора по правиламъ и уставу светыхъ Апостолъ и светыхъ отецъ, учителей вселенскихъ, имѣя волю, власть, попечение имѣти о устроении церковномъ и о создани божественныхъ престоловъ, на нихъ же приносити жертву ко всесильному Богу во Тройцы едыному, сами о собѣ и о людскихъ согрешенииахъ, имѣя власть церкви и монастири общаго житильства уставляти и утверждати, абы были ничимъ непоколибливми ани отъ кого некривжоны, а стояли непорушни безъ всякихъ датковъ и платовъ нашихъ митрополитъ, посмотривши въ правила светыхъ отецъ, и обмовивши въ нашомъ собори зъ братею нашою епископы богоспасаемыхъ градовъ, со Смоленскимъ Варсонофиемъ, зъ Володымерскимъ и Берестейскимъ Пафнотиемъ, и съ Туровскимъ а Пинскимъ Арсениемъ и со архимандрити съ честными нашими клиромъ, тотъ монастиръ общiй, который сталъ ново по нашому благословению, у отчизне сына нашого смирения вельможного пана Александра Ивановича Ходкевича въ пущи Блудовской, на край реки Супрасли, на острови межи двухъ источниковъ водныхъ, Грабовки а Березовки, его даткомъ и воспоможенемъ и иншихъ православныхъ хрестиянъ великия церкви пресвятыя Богоматере, честнаго ея Благовещения и престола светаго великаго Иоанна Богослова Апостола и Евангелиста Христова и Светыхъ Великомученикъ князей рускихъ, Бориса и Глѣба, нареченныхъ во светомъ крещении Романа и Давида, и светыхъ преподобныхъ отецъ нашихъ архимандритъ Пе-

черскихъ, Антония и Өеодосия, тую честную лавру общую, на прозбу и чоломбите сына нашого пана Александра, утвержаемъ безвластну имѣти намъ митрополитомъ, мнѣ и по мни будучимъ, самымъ намъ тамъ неучасчати и слугъ своихъ непосылати на управку людей монастырскихъ и куницъ соборныхъ, и всякихъ нашихъ пошлинъ митрополичьихъ зъ монастыра и зъ имения монастырскаго и зъ людей не брати намъ и не судити ихъ и дѣцкихъ недавати. Имѣне монастырское и люди игуменъ тое честно лавры и зъ братею маетъ судити и рядити и справовати по уставу монастырскому и въ монастыри межи братею и о всякомъ прекословии а крамолѣ Игуменъ маетъ смотрити и виноватого карати, какъ есть обычай въ нашомъ православномъ хрестиянстве, монастири общии стоять и держать по нашому архиепископскому благословению. Нижли кому коли будетъ которое дело до самого игумена, тако деле и вещи смотрити намъ митрополитомъ судити игумена съ тымъ и тежъ въ монастырскомъ пребывани, аб игуменъ а зъ братьею жили чинно и законно по уста принятому тое честное обители и по утверженію светейшего вселенскаго патриарха Константина града новаго Рима киръ Иоакима и по нашого смирения благословени того намъ митрополитомъ назирати а стеречи и направляти, и виноватого казнити духовнымъ каранемъ. А ко въ томъ монастири игуменъ преставится, тогды того монастира старци по нашому архиепископскому благослоению, маютъ межи себе брата годного а достойного на степень игуменства выбрати и къ митрополиту прислати, мы и по насъ будучими митрополиты маемъ его на священичество совершити и благословити въ той лавре именомъ быти, и на соборъ уставленный светыми отцы, ли его листомъ нашимъ обошлемъ и узвемимъ ему къ с быти, тогды маетъ онъ къ намъ приехати безъ всяк

податей и пошлинъ соборныхъ нашихъ, тотъ ново соруженый монастиръ обчій обитель Пречистыя Богородицы честнаго ее Благовѣщеня у край реки Супрасли, на той устиве зоставляемъ и утвержаемъ на веки при цемъ, и по насъ, мнѣ митрополиту Киевскому Иосифу и по нимъ будучимъ митрополитомъ Киевскимъ и всея Руси, того запису ни въ чомъ нерухати и никоторыхъ пожитковъ и платовъ на митрополичій доходъ и станъ небрати, бо тая обитель стала на нове передъ тымъ издавна съ того мѣстца митрополитомъ продкомъ нашимъ никакихъ пожитковъ не бывало и не будетъ, а если быхъ я самъ или по мнѣ будучие митрополиты хотѣли тотъ записъ и утверждение въ чомъ рухати и монастыру кривду чинити, на таковыхъ будетъ клятва светыхъ отецъ никійского собора трехъ сотъ осминадесятъ, и судя имъ будетъ Богъ на страшномъ Судищи Христовѣ а на второмъ его пришествіи. А при томъ были духовенства нашото честный клиросъ, нашъ Архимандритъ Лавришовскій патриарха Цареградскаго, священно-Инокъ Филипосъ, и двора нашого архимандритъ Антоній, игуменъ священно-инокъ Ефросимъ, а протопопъ соборное церкви въ Новегородку попъ Нековъ Никольскій, а попъ Иванъ Каша Михайловскій и попъ Ифентій Масло Юревскій и попъ Романъ Пятницкій, а писалъ двора нашого декъ Евовъ Федковичъ—и для лепшое твердости и памети дали есмо нато, въ тотъ обчій монастиръ Пречистое Богоматере обитель сей листъ зъ нашими великими печатми моцы нашое Митропольское выюбраженемъ Пречистое Богоматере воплощеннемъ. Писанъ у Вильни во собори въ лѣто семъ тысечей двадцать второе мца второго февралѣ пятый. У того листу печатей привисистыхъ чотыри и подписъ руки епископское тыми словы: Волею Божиею Иосифъ архиепископъ митрополитъ Киевскій и Галицкій и всея Руси. Который тотъ листъ его милости

архіепископа Іосифа Митрополита Кіевского и Галицкого и всея Руси, за потребованемъ ее милости панее Яновое Петровое Сапежыное, до книгъ земскихъ Городенскихъ есть уписанъ.

2.

Привиллегія Владислава IV, данная архіепископу смоленскому и черниговскому и всея сѣвери Креузѣ Реускому и его наслѣдникамъ въ санѣ на твердилицкую и трисвятскую волости и на разныя церкви въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ смоленскаго уѣзда и другихъ воеводствъ. 1634 г. октября 12.

На рокахъ судовыхъ земскихъ водлугъ порядку статутового о святомъ Михале святе Римскомъ припалыхъ и судовне одправованыхъ, передъ нами Яномъ Мицутою судею, Криштофомъ Толочкомъ подсудкомъ и Остафіемъ

---

*) Эта привиллегія издана во время самой большой силы и разгара уніи, которая проникла уже въ Смоленскую и Сѣверскую области и распространилась по нихъ. Замѣчательно въ ней: 1) Подробное изчисленіе великаго множества церквей не только въ Смоленской, но и въ пограничныхъ областяхъ. Всѣ эти церкви, какъ свидѣтельствуетъ привиллегія, находились въ соединеніи съ Римомъ, слѣдственно были уніатскія. Между тѣмъ какъ спустя неболѣе 20-ти лѣтъ, по завоеваніи этихъ областей Алексѣемъ Михайловичемъ, изчезла въ нихъ унія скоро и незамѣтно, безъ всякихъ усилій со стороны русскаго правительства и православнаго духовенства. Явное доказательство, что въ областяхъ, находившихся подъ польскимъ управленіемъ, унія держалась одною только силою, страхомъ и принужденіемъ, и коль скоро ихъ не стало, увлеченные въ унію перешли тотчасъ на лоно прежней и настоящей своей матери—православной церкви. 2) Упоминается о церковищахъ, то есть мѣстахъ, занимаемыхъ нѣкогда православными церквами, на которыхъ построены Р. котолическіе костелы. Этимъ подтвер-

Кердеемъ писаромъ, врадниками судовыми земскими повету Городенского постановившеся очевисто у суду въ Бозѣ велебный его милость отецъ Леонъ Креуза Реускій, архіепископъ Смоленскій, Черниговскій и всея Сиверы, подалъ и покладалъ привилей его королевское милости теперь намъ щастливе пануючого Владислава четвертого ку актикованю, просечи, абы былъ до книгъ земскихъ Городенскихъ уписанъ; которого мы врадъ огледавшы, за потребованемъ и жаданемъ особы вышсей менованое, до книгъ вписать велели; который уписуючи слово въ слово, такъ се въ собе маеть: Владиславъ четвертый Божою милостію король польскій, великій князь литовскій, рускій, пруский, жомойтскій, мазовецкій, инфлянтскій, а шведскій, кготскій, вандальскій дедичный король, обраный великій царъ Московскій, ознаймуемъ тымъ листомъ нашимъ кому о томъ будеть ведати належало, ижъ велебный отецъ Леонъ архіепископъ Смоленскій, Черниговскій и всея Сиверы покладалъ передъ нами фундушъ продка нашого наяснейшого короля Польского и великого князя Литовского светое памети Жикгимонта третего, пана отца и добродѣя нашого, въ которомъ фундушу на архіепископію Смоленскую певныя добра, а особливе волость Твердилидскую и Трысвядскую фундова-

ждается упоминаемое не въ одномъ сказаніи обстоятельство, что противники православныхъ забирали церкви ихъ не только въ пользу уніатовъ, но отдавали ихъ нерѣдко папистамъ, и сіи пришедшія въ ветхость церкви, остававшіяся безъ поддержки по бѣдности духовенства и прихожанъ, перестраивали въ Р. католическіе костелы. 3) Въ концѣ привиллегіи показаны мѣры, принятыя королемъ для удержанія всѣхъ церквей смоленской эпархіи въ соединеніи съ Римомъ, а также мѣры предупредительныя, чтобы не допустить граждан и духовенство этой области къ сношенію съ Московскимъ царствомъ, чтобы когда нибудь не открылись глаза увлеченнымъ въ унію и не представилось средствъ сбросить съ душъ ихъ иго, накинутое коварствомъ и насиліемъ. Наконецъ, 4) важно обозначеніе границъ между Смоленскою областію и владѣніями московскаго государя.

ти рачилъ и вси церкви набоженства Греческого въ его архіепископіи зъ духовными ихъ подъ его радъ, владзу и оборону духовную подати, такимъ способомъ, абы теперешній архіепископъ Смоленскій и по нимъ будучые сами въ единости светой зъ костеломъ Рымскимъ были и всѣхъ собе повѣроныхъ овечокъ, такъ духовныхъ яко свецкихъ до нее приводили: и просилъ насъ господаря, штобысмо преречоный его фундушъ особливымъ привилеемъ нашымъ ствердили, абы тымъ снадней воли и обовязкомъ продка нашого досыть чынечы, единость светую съ костеломъ Римскимъ во всей своей архіепископіи Смоленской помножати могъ. Ино мы видечы слушную прозбу его и не хотечы ни въ чомъ воли отца и добродея нашого нарушати, за причиною пановъ радъ и урядниковъ нашихъ, вси добра на архіепископію Смоленскую наданые, а особливе волость Твердилидскую, такъ яко отецъ Сергій, бывшій архіепископъ Смоленскій за першымъ фундушомъ продка нашого въ старыхъ границахъ зо всеми приналежностями до пречоныхъ волостей здавна належачыми держалъ, яко теперешній архіепископъ держить зо всеми придатками одъ комисаровъ нашыхъ учынеными, такъ въ нагороду болотъ, которые се въ вышъ-помененыхъ волостяхъ найдують, яко и за знесене слободы архіепископское до муровъ, яко тежъ и для снаднейшого заложеня слободы на Трубникахъ при великой дорозе Дорогобузской, тымъ привилеемъ нашимъ на вечность стверждаемъ. Церкви въ Смоленску будучые, меновите въ мурехъ светую Пречистую соборную, со всеми добрами, пляцами и домами, здавна до нее належачыми, также монастыри светое Тройцы, светого Спаса, Михала Архангела, Бориса и Глеба, светого Духа, светыхъ Апостолъ Петра и Павла, и церкви Кузмы Демияна, Іана Богослова и иншые церковища, пляцы и огороды священническіе, которые предъ тымъ въ

месте нашомъ господарскомъ Смоленскомъ найдовали, до преречоныхъ церквей приворочаемъ и теперешнему архіепископу Смоленскому и по нимъ будучымъ въ моцъ и владзу подаемъ; также иншыхъ замковъ до воеводства Смоленского належачыхъ, меновите: церкви святое Тройцы на Морновце въ Сергѣевщизнѣ въ селѣ Алиферовѣ, въ месте Стародубскомъ и въ Дарьевичахъ, въ замку Почапове, Трубецку и Себежу, въ Невлю, на Ущы и на Глыбой, въ Белой и на Устю монастырь названый Днепровскій, и на Лыбе церкви светого Духа, на Высокомъ въ Досугове, и Бабиничахъ, въ Нежоде на Влестѣ, Дорогобужу на посаде въ Топали и въ Мглыне, въ Почанове въ замку и въ Красномъ городѣ, также въ стане Буйгородскомъ и Иванковскомъ и въ волости Щученской. Церкви Рожества Христова въ Дорогобущызне, въ Скопыли, въ Рославщызне на Слободце, въ Стародубе на посаде, въ Трубецку въ замку, и монастыръ Чолнскій надъ рекою Десною съ теплою церковью светаго Сергія, въ Красномъ на посаде, въ Невелю въ замку, церковь Богоявленія на Белой; церкви Воскресенія Христова въ Воротышыне на Горнахъ, подъ Краснымъ надъ рекаю Лостиною, въ Дорогобущызне, въ Громове, и межы кгрунтами урожоного Дубинского зъ теплою церковью, въ Стародубе на посаде и въ Мглыне; церкви Рожества Пречистое Богородицы, въ Лобнове, въ Божковс, на Влесте, на Волковѣ, въ Щучейской волости, въ Рославщызне, на селѣ Ладыжыне, въ Стародубе на посаде и въ Яковлевичахъ, въ Почановщызне монастыръ въ Себежу, на посаде и монастыръ Клинскій, въ Невлю на Спартыру, и на Язне монастыръ, въ Бѣлой на Монидове; церковь Воведенія пречистое Богородицы въ Щученской волости. Церкви Благовѣщенія Пречистое Богородицы, въ Басине, въ Дорогобущизнѣ. на Болдыне, Сырпейску, на Сижине, въ Рославлю на посаде, въ Невлю и

въ Бѣлой на посаде, церкви Успенія пречистое Богородицы въ Ельной, въ Белику, въ Хролпове, на Молохве, на Красномъ, въ Волхове, въ Сводѣдской волости, въ Катыни, въ Мушковичахъ, въ Залесю; въ станѣ Ветлицкомъ, межъ данилою урожоного Красновского, въ Дорогобущизнѣ, въ Свирповыхъ Лукахъ, въ Слободце, въ Прости, на Высокомъ, въ Исговли, въ Серпейщизнѣ, на Мокромъ, въ селѣ Любуни, въ Ждонове, въ Рославлю на посаде и въ Жолнцу, въ Себежу на посаде, въ Невлю на Долысе, въ Белой пресвятое Богородицы Верховское; церкви святое Покровы на Усіи, въ Пежоде, въ станѣ Малаховскомъ, въ Дорогобужу на посаде, въ Серпейщизнѣ, на селѣ Должынцахъ, въ Стародубщизнѣ, на Басехине, въ Трубецку на посаде, въ Себезщизне, въ Дединѣ, въ Красномъ на селѣ, въ Невлю за посадомъ, въ Вязовщызне; церковь положенія честныя ризы въ станѣ Руцкомъ; церкви светого Архангела Михаила, въ погосте надъ Вѣхрюю, въ Дорогобущызне, въ Пежоме, у Стародубе на посаде и въ Трубецку, въ Белой, въ волости Ладыжинской и межы кгрунтами урожоного Левоновского церкви; светого Предотечи въ Смоленщизне, въ Стрѣлкахъ, въ Себежу въ замку, въ Нижнемъ церкви светого Афанасия въ Диховщизнѣ, въ Бедреевичахъ въ стане Богородицкомъ и Дубровенскомъ, въ Дорогобущызне, въ Босманове и въ Болдыне, въ Серпейщизне, въ Мощынску и Стародубщизне; церкви светого Миколы въ Моготовѣ, на Прудкахъ, Хотеевскихъ, на Усіи, въ Городищу Ивасковскомъ, въ Яковлевичахъ, въ Стягрымове, въ Зверевичахъ, на Шмапове, въ Ядревичахъ на Радчыне, въ Каспли, въ Коробине, въ Мушговичахъ, въ Берновичахъ, въ Чепелевѣ, на Пляяхъ въ станѣ Буйгородскомъ и Иванковскомъ, въ станѣ Ветлицкомъ надъ Восню, тамъ же Верховскій, въ Новоселю, въ Конопровщыне, въ Лосевѣ, въ Духовщизне, Поничовскій, Полонскій, Немчын-

скій, на Малохве, въ стане Максимовскомъ, на поречю Понизовскій, въ Сусловичахъ, въ Дорогобущызне, въ Бологурове, въ Коскове, въ Савине, въ Пушкине, въ Княжымъ селѣ, въ Василевѣ, въ Серпеску на посаде, на Студенце, въ Сопкове, въ Мощынску, въ Лазарове, городищу и межы данною урожоного Кременовского, въ Рославлю на посаде и въ Пезнанове, въ Стародубѣ на посаде, Мглыне и въ Дропове, въ Почапове, въ замку, въ Трубецку на посаде, въ Себежу на посаде и монастыръ въ Яблонцу, въ Красномъ на посаде и на Дасце, въ Невлю на Илисе, въ Кротаяхъ Рабскихъ альбо Рикшискихъ и на Комшы въ Белой въ Понизовю на селе, на Овдеевѣ Шоптовскій, на Пышкове надъ рекою Ужею и въ Климятине; церкви светого мученика Георгія, на Волкове, въ Долгомостню, въ стане Еленскомъ, въ Малаховскомъ стане, въ Ветлицкомъ стане и на Лосевѣ, въ Серпейщизне, въ Печкахъ, на Демене, въ Рославщызне монастыръ, въ Стародубщызне, въ Калиткахъ, въ Бобовичахъ, въ Почапове монастыръ Шубаровскій, въ Невлю въ Пуповичахъ, въ Белой, въ волости Юрьевской надъ рекою Обшею и въ волости Заскеренской; церкви светого Иліи пророка, въ Ельпой Топоровскій, въ Шостокахъ, въ Липкахъ, Малаховскій, въ Дорогобущызне, па Ведрошы, къ Слюшнове и въ Василевѣ, въ Серпейщизнѣ, па Данилове и въ Лазенкахъ, въ Почапове Ходкевичовская церковъ, въ Себежу и Бѣлой; церкви святое Пятницы—въ Залесове, въ Пневе въ Тяполове, въ Скочкове, Дентяловская, въ волости Щучейской, въ стане Дубровенскомъ, па Чобзе, въ стане Руцкомъ въ Городне, въ Дорогобужу на посаде, въ Роказехъ, на Свержы, въ Серпейщизне, въ Жолне на Овчыной слободе, въ Демене, въ Заболоти, въ Рославлю въ месте, въ Стародубе, въ Заболоти и въ Лыщычахъ, въ Почапове въ замку, въ Белой на селе; церкви светого мученика Бориса и Глеба—

въ Дорогобужу на посаде, въ Стародубе въ замку и въ Ропску, въ Невлю въ стане Чесанскомъ надъ рекою Доволтею; церкви светаго мученика Флора и Лавра—въ Мамонове, въ Стародубе Гайнинская, въ Почаповщизне на селе; церчви светаго мученика Козмы и Демьяна въ Ноговичыне и на Вопцу; церковь светого мученика архидіакона Стефана—въ Болваничахъ, светого Никития—въ стане Ивановскомъ, светого Климентия надъ Днепромъ въ стане Дубровенскомъ, светого Володимера въ стане Ветлицкомъ: ку тому церкви въ Смоленщызне, въ Любовичахъ, въ стане Малаховскомъ, на Холме и на Лосевѣ, въ стане Ветлицкомъ межы кгрунтами урожоного Павловскаго въ Дорогобущызне, на Усвяти надъ Ужеею и на Озерыщы, въ Семлове и въ Колпыте, въ Серпейщызне, въ Гнѣзделове, въ Стародубщызне на Поповой горѣ,—а огуломъ мовечы вси церкви въ замкахъ, местахъ, местечкахъ, волостяхъ и данинахъ нашихъ розпымъ особомъ такъ светскимъ яко и духовнымъ наданыхъ и маетностяхъ земскихъ шляхецкихъ, которыя и теперь знайдуютъ и найдовати будутъ во всемъ князтве Смоленскомъ, Сиверскомъ и во всѣхъ мѣстахъ, которые до архіепископіи Смоленское належать и належати будуть, и вси церкви въ замкахъ, местахъ, местечкахъ, волостяхъ и селахъ, которыя до воеводства Смоленскаго теперь не належать, однакъ въ границахъ архіепископіи Смоленское замыкаютъ се, якимъ же кольвекъ именемъ названые, жадное не выймуючи зъ добрами здавна до нихъ належачыми и новонадаными, также и духовныхъ при церквахъ будучыхъ, въ моцъ, въ оборону и справоване теперешнему архіепископу Смоленскому и по нимъ будучимъ симъ нашимъ привилеемъ вечными часы подтвержаемъ, вынявшы тыя церковища, на которыхъ вже костелы католицкіе Рымскаго набожества суть побудованые. А жаденъ такъ зъ свецкихъ, яко и духовныхъ не маетъ се въ его урадъ ду-

ховный архіепископій втручати, то есть, поповъ не судити, ани радити, ани ихъ зъ владзы архіепископское выймуючи въ обороне своей мети, до церкви пріймовати, альбо въ домахъ своихъ переховати, безъ листовнаго позволеня архіепископского, церквей, монастырей, брацтвъ, школъ безъ благословенія не будовати, церквей ани добръ церковныхъ отъ насъ господара и потомковъ нашихъ жаденъ не маетъ упрошывати подъ зарукою на насъ господаря трохъ тисечи рублей грошей Литовскихъ, а другое только на архіепископа Смоленского. А прихиляючи се до воли и фундушу пана отца и добродея нашого наяснейшого короля Польского и великого князя Литовского и хотечи, абы тымъ снадней единость светая съ костеломъ Рымскимъ въ князтве Смоленскомъ и Сиверскомъ и во всѣхъ замкахъ, местахъ, местечкахъ, данинахъ нашихъ и маетностяхъ шляхецкихъ, которые до архіепископіи Смоленское належатъ и належати будутъ, шырытисе и помножати могла, тымъ привилеемъ нашымъ за насъ и за потомки наши словомъ королевскимъ прырекаемо и обецуемо, же жадному архіепископіи Смоленское не дамо, только который бы былъ набоженства Греческого и столицы апостольское Рымское послушнымъ. А если бы который у насъ, або у потомка нашого на преречоную архіепископію Смоленскую, не будучы послушенъ церкви Римское одъ насъ альбо потомковъ нашихъ подступне привилей одержалъ, албо будучы въ единости светой одъ нее одступилъ, таковый одъ всихъ добръ архіепископскихъ и одъ владзы духовное надъ подданными нашими, якобы нигды одъ насъ и потомковъ нашихъ привилію не мелъ, одпадати маетъ: чого вельможный воевода Смоленскій, теперешній и по нимъ будучые постерегати мають, и постерегши добра вси архіепископскіе зъ капитулою Смоленскою набожества Греческаго заехати маютъ, а до насъ албо потомковъ нашихъ ознаймити,

штобы есмо иншаго архіепископа въ единости съ костеломъ Рымскимъ будучого подали. Если бы тежъ капитула, або преложоный якое церкви пречоныхъ монастырей архіепископу Смоленскому въ единости будучому послушни быти не хотели: ино архіепископъ Смоленскій маетъ такого духовного одъ церкви отделити, и зъ старшенства скинути, а поки другого на его местце не знайдетъ, вси добра до церкви, або монастыря належачыя на себе заехати маеть, въ чомъ вельможный воевода Смоленскій, теперешній и по нимъ будучые, также старостове, державцы, и преложоные въ замкахъ Смоленскихъ, Сиверскихъ будучые, архіепископови Смоленскому для ласки нашое господарское помочными быти мають. То тежъ тымъ привилеемъ нашымъ вечными часы установляемъ, жебы архіепископъ Смоленскій теперешній и по нимъ будучые никому иншому не подлегалъ, только самой столицы Римской, альбо митрополиту одъ столицы апостольское поданому а ни иншый митрополитъ жадного права до архіепископа Смоленского теперешнего и по нимъ будучыхъ не маетъ мети, ани юриздыкцыи своее надъ нимъ ростегати, также иншые архіепископове и епископы презъ себе, абы посланцовъ своихъ, такъ светскихъ, яко и духовныхъ въ радъ духовный архіепископу Смоленскому втручатися, овечокъ ему повероныхъ одъ послушенства одводити и до себе приходящихъ прыймовати, подъ зарукою вышъ менованою на насъ господара и архіепископа Смоленского, не мають. А забегаючи тому, штобы въ местахъ и замкахъ нашыхъ пограничныхъ бунтовъ якихъ не было, которые се звыкли ставати презъ бегуновъ духовныхъ, и жебы се такимъ дорога до Москвы для розмовъ зъ непріятелемъ нашимъ, также оказыя до здрады панства нашаго, чого мы во многихъ дознали, не отворила, хочемъ того по вельможномъ воеводе Смоленскомъ и всихъ старостахъ, державцахъ, вой-

такъ и бурмистрахъ замковъ и местъ Сиверскихъ, штобы таковыхъ за границу архіепископіи Смоленское не пущали. Которую то границу, яко здавна была изъ книгъ комисарскихъ мастъ, такъ хочемъ мети и симъ листомъ нашымъ на вечность установляемъ. Почавши одъ Лютинское волости мимо Дедино въ село Ормею до Свия, до села Осыпа у волость Пищенскую и Неведерскую до Кубека; въ Озерыскую волость, одъ поля у волость Усвятскую, мимо замокъ Усвять до Курковичъ, до реки Двины, а Двиною въ верхъ до устя Каспли реки, Касплею въ верхъ до Миколы Понизовского, одъ Миколы границею Смоленскою мимо волость Микулинскую до Дубровенского замку въ Днепръ, а Днепромъ внизъ левымъ бокомъ ку Переяславю; черезъ которую границу жадець за преречоныхъ духовныхъ, подъ виною вышъ менованою не маютъ переходити, которой вине и купцы нашн господарские и иншые люди свецкие, которые бы се важили за границу до архіепископіи Смоленское для купецтва альбо иншыхъ потребъ заехавши, духовныхъ и свецкихъ овечокъ его турбовати, одъ послушенства единости светое одводити, подлегати маютъ. На што, для лепшое твердости, дали есмо ему сесь нашъ привилей, за подписомъ руки нашое и печатью великаго князства Литовскаго. Писанъ въ Кракове, девятого дня месяца февраля року одъ Нароженя Сына Божого, тысеча шестьсотъ тридцать третего, панованя кролевствъ нашыхъ Польскаго и Шведского року первшого. У того листу привилею его королевское милости, пана нашого милостиваго печать великая маестатовая завешона есть, и подпись руки его королевское милости тыми словы: Vladislaus Rex, а подпись руки его милости пана Криштофа Корвина Кгосевского писара великого князства Литовскаго тыми словы: Крыштофъ Корвинъ Кгосевскій писарь. Который же тотъ

дисть привилей за потребованемъ особы вышей менованое до книгъ земскихъ Городенскихъ есть уписанъ.

3.

Определеніе гродненскаго земскаго суда по дѣлу, заведенному митрополитомъ Кипріяномъ Жоховскимъ съ старостою плотельскимъ Александромъ Волловичемъ, о возстановленіи богослуженія въ бальской церкви, забранной со всѣми принадлежностями и упраздненной покойною матерью послѣдняго. (*) 1677 г. января 13.

На рокахъ судовыхъ земскихъ iako wyszey, Кгды съ порадку реестроваго къ россудку нашому прыпала справа ясне вельможного его милости ксендза Цыпрыяна Жуховскаго, митрополиты всее Руси, великаго княжества Литовскаго, зъ вельможнымъ его милостю паномъ Александромъ Воловичомъ, старостою Плотельскимъ и зъ его милостю паномъ Валерыяномъ Кунцевичомъ старостою Конявскимъ, только взглядомъ старшенства малженского, а пани мал-

---

1) Этотъ документъ свидѣтельствуетъ о существованіи бальской православной церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ самоуправство и насилія, на которыя отваживались знатныя лица въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Старостина плотельская Волловичева самопроизвольно упраздняетъ русскую церковь, забираетъ иконы церковныя, сосуды и облаченія, и доводитъ самый храмъ Господній до запустѣнія, такъ что богослуженіе въ немъ совершенно прекращено. Такое грабительство и несправедливость были уже столь явны, что земскій судъ, не смотря на знатность рода ея и всѣ возможные навороты ея уполномоченнаго, принужденъ былъ присудить возвращеніе заграбленныхъ предметовъ священникамъ этой церкви и возстановить въ ней богослуженіе по прежнему.

жонкою его милости, ей милостю пани Анною Воловичовною, яко акторкою, также ей милостю Теклбю Воловичовною стольниковною великаго княжства Литовскаго, за позвомъ въ речы нижей мененой вынесенымъ. До которое справы, за прыволанемъ чрезъ енерала сторонъ до права, одъ актора панъ Крыштовъ Тижевскій, а одъ позваныхъ особъ панъ Самуелъ Семечь Стоцкій, умоцованные ихъ милостей, за моцми листовными правными собе до тое справы даными, становили; за тымъ пленепотентъ стороны одпорное найпервей вносилъ то, ижъ тая справа на теперешнемъ термине для прычинъ, которые нижей номенены будутъ, сужона быть не можетъ и я до контроверсыи въ самой речы неставлю вшакъже для лепшаго выразуменя справы, абы позовъ перечитаный былъ, наказу у насъ враду жедалъ. Якожъ умоцованый стороны поводовое подання и положеня на маетности названой Бали, въ повете Городенскомъ лежачой, черезъ енерала Александра Сороку позву, сознанемъ его передомною писаромъ очевидно учыненымъ слушне, правне доведши и трое воланe пильности стороны своей на томъ позве оказавшы, жаловалъ зъ него о то и таковымъ способомъ, ижъ вельможная ей милость пани Воловичовая, стольниковая великого Литовскаго, родителька ихъ милостей обжалованыхъ особъ, зостаючы въ вдовимъ стане по вельможномъ его милости пану Евстахимъ Воловичу, стольнику великого князства Литовскаго, черезъ часъ немалый, нехотечи, абы хвала боская въ церкви Бальское одправована была, не помнечы на фундушъ, тестамента продковъ пана малжонка своего одъ давныхъ часовъ наданый забравшы тотъ фундушъ, тестамента, справы разные на тую церковъ Балскую належачые, прытомъ образъ Богародицы Пречистое въ серебро оправный, зъ позолотою, клейнотами, таблицами надаными и инныхъ образовъ немало розныхъ ихъ милостей и вси апараты

церковные кгелиди, тую хлебанию до церкви належачу зъ будынки, шпиталь забравши, постыюкарины десятин давать заказавшы, пожитки которые водлугъ фундушу тестаментовъ до церкви шпиталя належать мели, до двор Бальскаго обернули, а тую церковь одъ часу немало спустошили безъ хвалы Боское, и за души зошлыхъ про ковъ ихъ милостей позваныхъ и собе мшы светые, по лугъ фундушу, одъ немалого часу неотправуются и пус ками зостаетъ тое все, поменило въ маетности ихъ мило той забраное зостаеть, и пожитки собе зъ тыхъ кгрунто и въ десятинахъ, такъ зошлая родителька ихъ милост обжалованыхъ, яко и зошлыхъ рожоныхъ ихъ милост чинили, а за частокротнымъ упоминанемъ такъ забрано образу, клейнотовъ и иныхъ образовъ, фундушу, тест ментовъ, справъ, кгрунту, подданыхъ, десетинъ, корчмы всего штокольвекъ одно до тое церкви належить, та зошлые яко и теперешние ихъ милости одъ немалого ча за частокротнымъ упоминанемъ одъ термину до терми зволоканы, оддать и прывернуть нехочуть и не отдаю за чымъ и хвала Боская и мшы светые за душы змерлы неотправуютьсе, о што хотечы жалуючый зъ обжало нымъ правомъ чынить, таковымъ позвомъ передъ на врадъ прыпозвалъ. На доводъ таковое жалобы, продук валъ процесовъ килька розными датами занесеныхъ, есть; два одъ антецесора жалующаго зошлого въ Богу, милости ксендза Кгабрыеля Колсенды метрополиты Руси, великаго князства Литовского, одинъ въ року тис шестветъ шостдесятомъ месеца августа десятого дня, на милость пани Воловичовую стольниковичевую великго кн тва Литовскаго, родительку обжалованыхъ особъ,—др на самыхъ обжалованныхъ, одъ тогожъ его милости ксен Колендзы метрополиты руского въ року тысеча шест шестдесятъ девятомъ месеца іюня двананадцатого дня

третій вжо поновяючы першые, одъ теперъ жалуючего его милости ксендза метрополиты на обжалованыхъ въ року тисеча шестсотъ семдесятъ шостомъ, месеца ноебра двадцать осмого дня, до книгъ кгроду Городенского заносеные и екстракты имъ выданые продуковалъ и копие некоторые забраныхъ справъ на церковъ Балскую, о которую жалоба идетъ, служачыхъ, датами въ нихъ инсероваными продуковалъ и реестръ забраныхъ справъ, иле жалуючый ведомости достать могъ; а подалъ тежъ доводъ еще двомъ священникомъ до юраменту на таковой жалобе забиралъ, а за приказе прысуженя такъ самое церкви яко и всихъ до нее прыналежачыхъ речей то естъ плебании, шпиталя, десетины, кгрунтовъ, подданыхъ, корчмы и на обнятё того всего енераловъ зесланя, до того абы его милость пане староста Плотелскій всю справы на тую церкомъ служачие, также юбразъ Пречыстые Богородицы зо всимъ сребремъ и всю апараты церковные одъ мала до велика, што однокольвекъ черезъ антецесоровъ его милости забрано было, до тое церкви оддалъ и вернулъ наказаня, въ чомъ на спротивного за руки водле важности речи осуженой нинизу у насъ враду потребовалъ. На то умоцованый стороны опорной поведилъ, ижъ любо умоцованый стороны новозовое жалобу перечитавши въ самой речы контровертуетъ до юраменту забираетъ, а за тымъ и вскаэу вжо афектуетъ, однакъ я, якомъ себе зъ початку вароваль, такъ и теперь въ акцесорыяхъ старяючы, до самое речы непрыступаю; кгдыжъ его милость ксендзъ метрополита неправными и непорадными позвомъ сторону мою занозвалъ, а то въ тыхъ прычинъ: Напродъ же его милости пана Воловича старосты Плотельского по родичу его милости, яко се меновалъ Еувстахіемъ Каземеромъ Казимеровичомъ, ани властымъ именемъ его милости, то естъ Геронимомъ недоложено; которые титулы и имена его милости власне належатъ. На

доводъ чого продуковалъ тестаментъ зошлого его милости пана Еустахія Воловича Стольника великого князства Литовскаго, родича обжалованныхъ особъ въ кграде Волковыскомъ, року тысеча шестсотъ петдесятъ девятого месеца генваря первого дня, актыкованый и тогожъ року месеца октебра шостого дня, до книгъ земскихъ Городенскихъ перенесеный. Повторе, же тогожъ его милости пана старосты Полотельскаго недоложонъ дворениномъ покоіовымъ его королевское милости, на дводъ того тытула продуковалъ декретъ кгродкій Городенскій въ року тисеча шестсотъ семдесятъ третимъ месеца мая трынатцатаго дня межъ его милостю паномъ старостою плотельскимъ а его милостю паномъ старостою плотельскимъ а его милостю паномъ Масальскимъ Хоружимъ Городенскимъ, ферованый. Потретъ же его милости пана Кунцевича именемъ властнымъ Валерыяномъ, ани по отцу именемъ воеводичомъ Берестейскимъ и старостою Дубискимъ недоложоно. Почварте, я въ позве немянуетъ часу коли церковъ фундована и коли отобрана и справы, речы, сребро забраные, якожъ вышъ реченые назвиска и титулы, его милости пана Кунцевича декретомъ суду головного трибунального пробовалъ. З тыхъ теды прычынъ неправности позву доводечы, цытовалъ право посполитое статутовое артыкулъ деветнадцати въ розделу четвертого, пры которомъ ставаючы, несуженя на сей часъ тое справы, але збуреня яко неправного и неслушного позву и абысе на томъ сторона поводовая поправила наказу у насъ враду стороне своей жедалъ. А уцытованый стороны поводовое на каждый пунктъ реплики даючи, вносилъ то, ижъ и тотъ артыкулъ одъ пленипотента стороны противное аллекгованный на помочъ ему жадной не есть, кгдыжъ пленипотентъ стороны противное не дочыталсе и недочытаетсе въ немъ, абы имя хрещоному въ позвахъ докладано, яко въ теперешней акцыи ае

куетъ, абы его милости пана старосту Плотелского именемъ Хрыщонымъ Геронимомъ и по ойцу также Хрыщовымъ Казимеровичомъ докладано, и же не доложоно дворяниномъ покойовымъ его королевское милости, и того жадное ведлугъ права потреба несетъ, кгдыжъ право статутовое вышъ цытованый артыкулъ деветнадцатый въ розделу четвертого, только имя власное, имя по ойцу и тытулъ прынцыпальный докладать кажетъ, и если бы сполне доложылъ, тымъ позвы збиять позволяемъ, але тому праву акторъ вовсемъ досетъ учынилъ, кгдыжъ имя милости пана старосты власное Александеръ, имя по ойцу его милости Еустахиевичъ и тытулъ прынцыпальный староста Плотельскій доложылъ, а што се тнетъ его милости пана Кунцевича, же его милости тытуловъ всихъ неприписано того жадная потреба не была, бо его милость панъ Кунцевичъ до тое справы ничого неналежытъ, и только взглядомъ ассыстенцыи малженское доложоный есть, а пани малжонка его милости есть сама акторка, которой вси имiона и тытулы власные, ойчыстые и прынцыпальные въ позве выписаны, але и штокольвекъ умоцованый стороны одпорное недоложенемъ тытуловъ бурачы позовъ у враду вашихъ милостей акторомъ задавалъ, того слушными документами непробовалъ, альбовемъ жадного права прызнаного не продуковалъ, только таковые документа, которыми жаденъ таковыхъ заруговъ николи недоводилъ, а што се тнетъ того, же насу того коли церковъ фундована недоложоно, сами позванные то лепей могутъ ведати, держачы у себе все фундушы и справы на тую церковь служачые, и же не доложено коли отнята и речи вси забрано и того мало потреба кгдыжъ колижъ кольвекъ забрано, быле его милость панъ староста Плотельскій теперь того не денекговалъ, што родителька его милости забрала. За тымъ прытомъ же праве статутовомъ о збуреню позвовъ, же тыми вымы-

слами его несву, руйновать не может ставаючат, уживаючат яко неслушныхъ дылядій на сторону, а правду такового яко и въ першой контроверсыи и теперъ у насъ враду просилъ домавялъ. Пры томъ продуковалъ реестра забраныхъ справъ иле ихъ ведать могъ жалуючий: напродъ фундушъ на церковъ Бальскую отъ Богдана Конюшого Городенского его королевское милости, Зигмонта Ивана, Лукаша, Марка, Грегорего, Михала, Павла Грынковичовъ. Повторе тестаментъ Ивановое Воловичовое маршалковое и старостиное Городенское Іоанны Контювны, въ дате року тисеча шестсосъ семого, месеца іюня двадцать семого дня, паракграфъ тостаменту небощика Богдана Конюшого и иныхъ Воловичовъ, раціоне фундацыи шпитадя въ Бали, будучого въ дате року тисеча пятсотъ пятдесятъ первого, месеца генваря тридцать первого дня. Тестаментъ зошлого его милости пана Ивана Воловича, маршалка, его королевское милости старосты Городенского на церковъ Бальскую служачый, въ дате року тисеча пятсотъ осемдесятого месеца апреля четвертого дня; листъ прыдааный пана Яна Клюковского, пановъ Крыштофа Борыса Михайловичовъ Воловичовъ, и иныхъ въ дате року тисеча пятсотъ осмдесятъ третего, месеца мая двадцать осмого дня. Записъ каптуровый одъ его милости пана старосты Городенского пана Яна Клюковского и пановъ Борыса, Крыштофа, Александра, Грегора, Геронима Воловичовъ, ей милости пани Ивановой Воловичовой маршалковой Городенской служачый, въ року тисеча пятсотъ осмдесятъ третимъ месеца мая двадцать осмого дня, таковые и иные справы и документа, которыхъ жалуючый ведать не може забрано. А такъ мы врадъ въ той справе ясне вельможного его милости ксендза Цыпрыяна Жоховского метрополиты всее Руси, великого князства Литовского, съ его милостю паномъ Александромъ Воловичомъ, старостою

Шемельскимъ, зъ его милостю паномъ Кунцевичемъ старостою Ковянскимъ только взглядомъ старшенства малженского я пани малжонкою его милости, ей милостю пани Анною, также ей милостю панною Теклею Воловичовнами стольниковнами великого князства литовского, яко акторками за позвомъ менечы о неслушное и безправное черезъ зешлую ей милость пани Барбару Сапежанку Воловичовую, Стольниковую великого князства Литовского, родительку обжалованыхъ, церкви русское въ маетности Баля, въ повете Городенскомъ лежачой будучое зо всими до нее и до шпиталя Бальского приналежностями, то есть плебанцею, кгрунтами, поддаными, корчмою мимо продковъ и антецесоровъ своихъ фундушы, права, легацые, тестаменты, забране и оное зъ посессыи священниковъ руськихъ, отнявшы зо всими пожытками и зъ десетиною, до двора своего прывернене и въ той церкви образу Панны Пренасветшое въ серебро оправного, зъ позлотою, клейнотами, таблицами и иныхъ образовъ, также всихъ апаратовъ церковныхъ и килиховъ, прытомъ фундушовъ, тестаментовъ, записовъ и иныхъ велю на тую церковъ и плебанию служачыхъ документовъ забране, презъ што все тое церкви безъ хвалы Божое въ пустки обернене и мшы светыхъ за душы змерлыхъ фундаторовъ отправованыхъ знищоне, затымъ до уступеня тое церкви, зо всими до нее яко се поменило прыналежетями и верненя всихъ речы, апаратовъ и справъ церковныхъ, о шкоды и наклады и вины правные. Въ которой справе мы врадъ постерегаючы того, абы хвала Божая презъ побожныхъ людей фундованая до нешести своей прыйти могла, и прихиляючысе до права посполитого и слушныхъ радый, черезъ пленипотента стороны поводовое въ реплице вжо вноцоныхъ збуреня позву недопущаемъ, але заразомъ далей въ право поступовать и росправовать наказуемъ. Одъ которого выроку нашого пле-

нипотентъ стороны одиерное въ томъ, же мы врадъ недо ложенемъ его милости пана старосты Плотельского имiон властнымъ Геронимомъ и по родичу его милости Казиме ровичемъ и двораниномъ покоiовымъ его королевское мило сти пана Кунцевича Валерияномъ, воеводичомъ, Берестей скымъ, старостою Дубискимъ, также недоложенемъ час фундованя и отнятя тое церкви, буреня позву недопустив шы, апелящыю до суду головного трибунальнoго уростилъ которое, мы врадъ за боронемъ пленипотента стороны по водовое подле права статутового, артыкулу осмдесятъ осмог въ роздел четвертого, якове праве еще въ самой речы не драбованой непущаемъ, о што се онъ на насъ врадъ проте стовалъ въ дальшомъ поступку правномъ, ижъ позволяючи бы за поколькокротнымъ зъ накаву нашого прыволыванем енеральскимъ не становилъ. Прото мы врадъ, ихъ милост яко права непослушныхъ въ року завитомъ на упадъ в речы вдаемъ, а въ самой справе пры процесахъ и иныхъ документахъ двомъ священникомъ, водле добровольного ни взятя на томъ яко правдиве церковь Бальская отъ анте цесоровъ ихъ милости паномъ Воловичовъ фундована з давпыхъ часовъ, въ поссесiей священниковъ руских за ставала, але оную зошлая ей милость пани Воловичова стольниковая великаго князства Литовскаго, родитель обжалованыхъ зо всими прыналежностями отняла и въ пе вси справы на тую церковъ служачые, также образы, апа раты и келихи забрала, прысегу вскавуемъ и терминъ вы конаня оное на прышлыхъ рокахъ, по теперешнихъ най первей у Городне судить прыпадающихъ за поданем доведеня и слуханя тое прысеги въ чотырохъ неделяхъ отъ обвещеня, по третимъ воланю на заутрее складаем А по таковой прысезе мы врадъ тую церковь Бальску зъ плебаниею, шпиталемъ, кгрунтами, поддаными, корчмою десстиною и всими до нее, яко се зъ давна въ собе ма

прыналежностями, до поссесыи и держеня священниковъ рускихъ прысужаемъ, а на подане оное двохъ енераловъ, особливыми листами нашими, заложившы на спротивного заруку водле важности речи осужоное прыдаемъ, до того абы его милость панъ староста Плотельскій, вси справы на тую церковъ служачые, образы, килихи, таблицы и апараты заразомъ скоро по прысезе передъ нами врадомъ положилъ и оные отцомъ священникомъ вернулъ подъ тымижъ заруками наказуемъ. Которая справа до книгъ земскихъ Городенскихъ есть записана 1).

---

1) Эти документы перепечатаны изъ „Актовъ, изданныхъ Высочайше учрежденною въ Вильнѣ, для разбора древнихъ актовъ, коммиссіею". Такое заимствованіе, какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и въ будущихъ, объясняется сколько историческимъ значеніемъ документовъ, столько же и намѣреніемъ сообщить имъ большую популярность, такъ какъ, изданные въ маломъ числѣ экземпляровъ, эти документы доступны только не многимъ ученымъ. Ред.

II.

ЧѢМЪ ОБЪЯСНИТЬ БЫСТРОЕ ОБРУСѢНІЕ ЛИТВЫ ВЪ XIII ВѢКѢ?

Вотъ уже слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, какъ огромное большинство литовскаго племени находится подъ непосредственнымъ управленіемъ Россіи. Племя это въ двухъ своихъ вѣтвяхъ,—Литвѣ въ собственномъ смыслѣ и Жмуди, составляетъ, какъ извѣстно, всю туземную массу Ковенской губерніи трехъ сѣверозападныхъ уѣздовъ Виленской—Трокскаго, Виленскаго и Свѣнцянскаго, распространяясь и на часть Лидскаго и Ошмянскаго. Только небольшая часть его находится въ двухъ уѣздахъ Августовской губерніи—Маріампольскомъ и Кальварійскомъ, и около одной десятой всего племени—подъ властію Прусской 1). Въ древности оно занимало гораздо большее пространство, чѣмъ теперь. Ему принадлежалъ, по свидѣтельству г. Бѣляева, весь сѣверозападный край съ юга на сѣверъ—отъ Припети до Балтійскаго моря или до устьевъ Западной Двины, и съ востока на западъ—отъ верхняго теченія Днѣпра до Нарева и устьевъ Нѣмана. Вся эта обширная страна раздѣлена была между тремя племенами. Почти весь западъ и частію югозападъ этого края занимало племя ятвяговъ, отъ рѣки Щары до Ковны—по лѣвому берегу Нѣмана. Югъ отъ Щары по Припети до Березины и вся средина заняты были различными литовскими племенами, которыя на восточной окраинѣ подходили къ правому берегу Днѣпра, въ верхнемъ его теченіи, на сѣверовостокъ упиралися въ лѣвый берегъ Западной Двины; на сѣверозападъ сходились съ племенами латышскими, а на западѣ касалися Нѣмана, гдѣ

1) Вѣстн. Югозападной и Запад. Россіи 1863—1864 г. стр. 57 ст. Гильфердинга.

сходились съ ятвягами 1). Изъ этого пространственнаго раз
дѣленія мы видимъ, что литовское племя окружено было с
двухъ сторонъ племенами славянскими; самая большая част
Литвы соприкасалась племени славянорусскому. Ближайшими со
сѣдями ихъ были полочане и кривичи, новгородскіе колонисты
еще въ доисторическое время, по словамъ Бѣляева, поселившіе
ся на границахъ литовской земли,—полочане на границѣ ли
товскаго племени съ латышскимъ, въ углу, образуемомъ впаден
емъ рѣчки Полоты въ Западную Двину,—кривичи, занявш
земли до Нѣмана 2). Этимъ-то сосѣдямъ Литвы нужно был
выполнить великую задачу ассимилировать дикую Литву, дат
ей лучшій строй государственной, социальной и семейной жизни,—
словомъ, дать лучшую цивилизацію. Исторія, дѣйствительно, по
казала, какъ блистательно полочане и кривичи выполнили, на
значенную имъ самою природою, задачу. Правда, не вдругъ с
вершилось дѣло обрусѣнія Литвы: оно началось съ давних
поръ и ведено было постепенно, систематически отъ начал
такъ сказать, появленія литовцевъ на сцену исторической жиз
и продолжалось до XV вѣка. Но чѣмъ продолжительнѣе ш
обрусѣніе Литвы, тѣмъ тверже установлялись въ ней русск
элементы, тѣмъ глубже укоренялась тамъ русская народност
пріобрѣтая надъ туземцами то вліяніе, блистательный резул
татъ котораго мы видимъ въ XIII вѣкѣ. Для насъ важе
вопросъ: какъ совершалось обрусѣніе Литвы, и какія были те
причины?

Сношенія литовцевъ съ русскими славянами начались гор
до раньше XIII вѣка. Молчаніе нашихъ лѣтописей о древн
нихъ сношеніяхъ славянъ съ литовцами еще не даетъ на
права заключать, что ихъ вовсе не было. Обращаясь къ д
гимъ памятникамъ исторіи, мы находимъ, что первоначальн
связь кривичей и преимущественно полочанъ и новгородцевъ
Литвою началась чрезъ торговлю раньше XI вѣка, продолжала
чрезъ колонизацію славянъ въ Литву и кончилась занятіе
литовцами бѣлорусскихъ областей и образованіемъ одного лит
ско-русскаго государства. По свидѣтельству литовскаго исто

1) Очеркъ ист. сѣверозапад. края Росс. стр. 5—6.
2) Тамъ же—стр. 7-я.

ка Нарбута, литовцы, подобно славянамъ, издавна, еще въ доисторическое время, вели дѣятельную торговлю съ нѣмцами и преимущественно съ славянами новгородскими 1). Адамъ Бременскій такъ же зналъ сембовъ (такъ звалъ онъ литовцевъ), которые, владѣя берегами Балтики, привозили на корабляхъ свои товары для мѣны въ шведскій городъ Бирки, славившійся торговлею съ VII вѣка 2). Аартнохъ говоритъ, что литовцы на корабляхъ предпринимали частыя путешествія, и что въ языкѣ литовцевъ сохранилось много словъ, относящихся къ мореходству,—таковы напримѣръ: Eld jedidt—большое морское судно, въ отличіе отъ Lowajsh—рѣчная лодка, stekas—мачта, katas—якорь, irtojas—мореходецъ, irajos—кормчій, dungas—дно корабля, irktas—весло, aluntas mariu—удобный для пристани заливъ 3). Кромѣ шведскаго порта Бирки, городъ Юлинъ имѣлъ частыя торговыя связи съ прибрежными литовцами, а балтійскіе славяне отправляли значительную торговлю на Балтійскомъ морѣ 4). Равнымъ образомъ городъ Гадеби въ Шлезвигѣ былъ въ сношеніяхъ съ Пруссіей и дальнѣйшими приморскими странами, и небыло народа, обитавшаго при Балтійскомъ морѣ, съ которымъ бы этотъ городъ не отправлялъ торговли 5). Городъ Висби, на островѣ Готландѣ, издавна торговалъ съ прибрежными литовцами; чрезъ этотъ городъ литовскія произведенія шли въ Англію, а оттуда—во всю западную Европу 6). Объ этихъ городахъ и торговлѣ съ ними литовцевъ мы упомянули потому, что здѣсь-то литовцы прежде всего могли столкнуться съ русскими славянами. Мы знаемъ, что новгородцы издавна отправляли значительную торговлю съ упомянутыми го-

---

1) Dz. Star. Nar. Litew. t. III str. 533. Narb.

2) Adam. Brem. Hist. Eccl. h. 1. p. 39.

3) Alt. und. neu Kreiss Gartkn. p. 107 Bohusz p. 134. Narb. str. 534. ud.

4) Adam. Brem. Hist. Eccl. h. 1. p. 66. Narb. t. III str. 534 и д.

5) Bembertus in vita S. Anscharii c. 21—29. Ap. Langenbek t. 1. p. 443. Not. I.

6) Geschte Kreus. B I. S. 217. Кост. въ Русск. Слов. 1860 г. стр. 57.

родами; въ Висби былъ даже новгородскій складочный дворъ. Полочане съ своей стороны не уступали новгородцамъ въ заграничной торговлѣ и особенно успѣшно торговали съ Готландомъ; они способствовали перевозкѣ товаровъ отъ Балтійскаго моря въ Азію: по Двинѣ, отсюда волокомъ до Днѣпра и по немъ до Кіева 1). Само собою понятно, что литовцы, пріѣзжая въ нѣмецкіе торговые города, знакомились съ находившимися тамъ русскими купцами и вступали съ ними въ торговыя сдѣлки. Справедливость этого вывода доказываетъ то, что новгородскіе славяне, съ своими колонистами—полочанами и кривичами, очень рано завели гостинные дворы въ литовскихъ городахъ. Съ древнѣйшихъ временъ, говоритъ Нарбутъ, на основаніи одной нѣмецкой лѣтописи—I. Г. К., въ Вильнѣ былъ самый богатый новгородскій дворъ,—и не одинъ былъ новгородскій дворъ,—ихъ было два: одинъ собственно новгородскій, а другой общій русскій 2). Въ самой Литвѣ, по его же свидѣтельству, были слѣдующіе торговые города: Аесгардъ, Грузо, Киликъ, Руссъ, Поланга, Пильменъ, Упшелесла, Икескола, Голикъ, Мезойтенъ и друг. 3). Изъ этихъ городовъ караваны шли въ Полоцкъ, Смоленскъ, Псковъ, Новгородъ, Любечь, Черниговъ, Кіевъ, Владиміръ на Клязмѣ. Здѣсь они, или останавливались, или шли далѣе къ Припети, Днѣпру, Волгѣ, откуда имѣли открытые пути на востокъ Европы или въ Азію. По свидѣтельству Константина Порфиророднаго, русскіе изъ Новгорода, Любеча, Чернигова, Смоленска, Полоцка и Вышгорода часто плавали въ Константинополь съ сѣверными товарами 4). Предметъ торговли литовцевъ съ славянами составляли: нужные дорогіе мѣха, янтарь, цѣнимый въ то время весьма высоко, медъ, воскъ и сушеная рыба; на нихъ вымѣнивали: соль, сукно, металлы, оружіе, стекло, женскіе уборы, которые получались Литвою чрезъ Русь изъ странъ восточныхъ 5). Есть свидѣтельства, что ли-

1) Ист. Бѣлор. Турчан. стр. 14.
2) Narb. Nota IX III t.
3) Narb. t. III, str. 533—537.
4) Каразм. т. 1. стр. 147. примѣч. 512.
5) Narb. t. III str. 535 Not. Krause, Verhandlung über die Nachgrabungen zu Weklitz und Meislatein bei Elbing in der Beiträge zur Kinde. Kreus. Band VII s. 72,

товцы торговали даже невольниками съ славянами прибалтійскими, Польшею и Русью 1). Во всѣхъ этихъ торговыхъ предпріятіяхъ литовцевъ, Новгородъ, съ своими колонистами новгородцами и кривичами, игралъ едвали не главную роль. Это были главные пункты, такъ сказать, центры всей сѣверо-западной торговли, откуда товары свободно расходились во всѣ страны Европы и даже въ Азію. Литовскіе товары шли въ Новгородъ чрезъ Балтійское море, Неву, Ладогу и Волховъ, отсюда расходились или путемъ въ Грецію, или Волгѣ и въ Азію. Вывезенные иностранные товары поступали въ Новгородъ, и отсюда уже въ Литву или обратнымъ путемъ чрезъ Волховъ, Ладогу, Неву въ Балтійское море, или волокомъ чрезъ Псковъ, Полоцкъ, или наконецъ, чрезъ Смоленскъ собственно въ Литву. Дѣйствительное существованіе торговли литовцевъ съ сѣверозападными славянами по указаннымъ путямъ доказываютъ многія монеты восточной работы и женскія украшенія, одинаково находимыя въ курганахъ и могилахъ литовскихъ и прусскихъ 2). Море съ незапамятныхъ времепъ, говоритъ г. Костомаровъ, способствовало литовскому племени знакомиться съ произведеніями чужеземной цивилизаціи, находимыми теперь въ прусскихъ и литовскихъ могилахъ. Видно, что прусскія и литовскія женщины въ глубокой древности украшали себѣ шеи, уши и руки цѣпями, кольцами и серьгами. Мѣха и янтарь, произведенія прусскихъ и литовскихъ городовъ, шли къ нашимъ предкамъ—восточнымъ славянамъ; съ своей стороны литовцы получали отъ насъ жемчугъ, который привозили къ намъ съ востока. Важнѣйшее торговое мѣсто и главный пунктъ всей русско-литовской торговли былъ Руссъ или Руса, городъ—при устьѣ рѣки того же имени 3).

Торговля съ славянами тѣмъ болѣе могла развиваться у литовцевъ, что на Руси не было никакихъ задерживающихъ ее постановленій. Нѣмцы, какъ извѣстно, не сдидились эксплуатировать торговлю иноземцевъ, пользуясь ихъ простотою, ихъ необразованностію, а постановленіе о значительныхъ пошлинахъ съ

1) Narb. t. III. str. 535 Not. Geschichte des Handels Gissel. F. I. S. 191.

2) Narb. t. III str. 533.

3) Русск. Слов. 1860 г. стр. 50—51.

привозимыхъ товаровъ не могло не отталкивать иноземныхъ торговцевъ отъ нихъ. Со всѣмъ другое было на Руси; обманъ считался здѣсь порокомъ и подвергался судебному иску, пошлины здѣсь были самыя незначительныя. Главнѣйшее преимущество торговли иноземцевъ съ славянами, сказано въ Жур. Мин. Нар. Просв., состояло, какъ то видно изъ позднѣйшихъ извѣстій, въ освобожденіи отъ дани—пошлины. Неизвѣстно, давалось ли что нибудь Новгороду съ привозимыхъ туда товаровъ. Едва упоминается о древней, самой незначительной пошлинѣ съ судовъ, приходившихъ Невою, платимыхъ у Волхова на мѣстѣ, называемомъ Göptefeld, и о другой, взыскивавшейся на пути въ Смоленскъ и состоявшей изъ куска сукна для смоленской княгини и пары рукавицъ для таможняго старосты или старѣйшины. Другихъ пошлинъ не было, исключая самой маловажной платы, дававшейся перевозчикамъ товаровъ въ Смоленскѣ 1). Разумѣется, эти постановленія имѣли большое значеніе въ торговыхъ сдѣлкахъ славянъ съ Литвою. Литовцы довѣрчивѣе относились къ славянскимъ купцамъ, входили съ ними въ болѣе близкія сношенія по торговымъ дѣламъ, чаще и охотнѣе шли съ караванами или на судахъ въ Русь, не боясь обмана; равнымъ образомъ и славянъ чаще видѣли въ своей землѣ, особенно по рѣкамъ Нѣману и его притокамъ, Западной Двинѣ и ея притоку Диснѣ и Березинѣ.

Завязавши, такимъ образомъ, близкія сношенія съ дикарями, ближайшіе сосѣди этихъ дикихъ литовцевъ—полочане и кривичи, съ дозволенія, конечно, литовцевъ, заводили свои поселенія и, расчищая лѣса, обработывали поля. Такъ возникли славянскія колоніи въ литовской землѣ. Начало этихъ поселеній теряется въ древности. Бѣляевъ говоритъ, что еще до призванія сѣверными славянами варяго-русскихъ князей, изъ Полоцка и Смоленска начала распространяться колонизація по всему литовскому краю, придерживаясь теченія рѣкъ, по которымъ, какъ по дорогамъ, устроеннымъ самою природою, полочане и кривичи проникли въ глубь непроходимыхъ лѣсовъ и пущей литовскихъ. Особенно густо были разсыпаны колоніи на югъ отъ Виліи до

---

1) Журн. Министер. Народн. Просв. кн. 17. 1838 г. стр. 265—266.

Принети, такъ что литовскій лѣтописецъ Быховцевъ прямо называетъ эту мѣстность русскою землею 1). Причина этому та, что южныя племена лежали гораздо ближе къ владѣніямъ русскихъ, чѣмъ сѣверныя, и слѣдовательно имѣли больше возможности входить съ ними въ торговыя и частныя сдѣлки, знакомиться съ ними и по немногу усвоять русскую цивилизацію. Слѣды древнихъ славянскихъ колоній дошли до насъ, продолжаетъ Бѣляевъ, изъ глубокой древности въ названіяхъ рѣкъ и разныхъ урочищъ чисто славянскихъ и частію одинаковыхъ съ названіями, сохранившимися въ новгородской землѣ и Приднѣпровьѣ. Таковы названія рѣкъ въ литовской и жмудской землѣ чисто славянскія: Вилія, Святая, Нѣвежа, Дубисса, Ора, Русь, Западная Двина (Сѣверная Двина есть въ новгородской землѣ), Дисна (Десна въ сѣверской землѣ, теперь въ Орловской губерніи), Наревъ или Наровъ въ землѣ ятвяговъ имѣетъ одноименную себѣ Нарову въ новгородской землѣ. Пултускъ на рѣкѣ Наревѣ напоминаетъ Полоцкъ. Равнымъ образомъ въ нынѣшнихъ Виленской, Минской и Гродненской губерніяхъ, есть нѣсколько урочищъ, напоминающихъ или Смоленскъ или Смольнякъ. Таковы: Смоленскъ—въ Ошмянскомъ уѣздѣ, Смоленица—въ Гродненской губерніи, далѣе—Смолянки, Смоловичи и т. под. Мѣстечко Кривичи въ Вилейскомъ уѣздѣ и Крево—въ Ошмянскомъ прямо указываютъ на колоніи изъ Смоленска; Тверь—въ Ковенской губерніи, въ глубинѣ жмудской земли, напоминаетъ Тверь въ новгородской области. Вообще литовская земля представляетъ множество разныхъ названій урочищамъ, совершенно одинакихъ съ названіями урочищь въ полоцкой, смоленской и новгородской областяхъ 2). Колонизація, начавшаяся въ доисторическое время въ литовскую землю изъ Полоцка и Смоленска, продолжалась и на памяти исторіи, по призваніи князей, на что указываютъ названія нѣкоторыхъ мѣстностей. Крайній притокъ Нѣмана, напримѣръ, съ правой стороны, лежащій въ глубинѣ жмудской земли, носитъ названіе Руси, что показываетъ, что полочане пришли сюда уже тогда, когда сами стали называться русскими; точно такъ же назвали Россой или Русью

1) Бѣл. очерк. сѣверозапад. края стр. 7,10.

2) Бѣл. очерк. ист. сѣверозапад. края стр. 8—9.

другой притокъ Нѣмана съ правой стороны въ землѣ ятвяговъ 1).

Въ XI и началѣ XII вѣка славянская колонизація въ Литву должна была увеличиваться по мѣрѣ завоеваній тамъ русскихъ князей. Изъ лѣтописей мы знаемъ, что Русское государство, при самомъ, такъ сказать, началѣ своего существованія, уже владѣло частію Литвы. Древнѣйшій лѣтописецъ нашъ Несторъ зналъ о Неромѣ,—одной изъ литовскихъ областей, лежавшей на югъ отъ лѣваго берега Виліи, которая платила дань варягорусскимъ князьямъ въ IX вѣкѣ, слѣдовательно скоро послѣ призванія князей. Преемники Рюрика, обративъ вниманіе на восточныхъ и южныхъ сосѣдей, опустили изъ виду бѣдную Литву. Въ 1040 году Ярославъ Великій возобновилъ вліяніе на Литву. Въ лѣтописи Длугоша 2) говорится, что Ярославъ ходилъ на Литву, побѣдилъ ее и взялъ дань лыками и вѣниками. Но о какихъ литовцахъ говоритъ здѣсь лѣтописецъ,—это трудно опредѣлить съ точностію. Изъ прежде сказаннаго мы знаемъ, что полоцкія колоніи особенно густо разсыпаны были по Нѣману и его притокамъ, по Западной Двинѣ и ея притокамъ, такъ что походъ въ этотъ край невозможенъ былъ для Ярослава безъ борьбы съ Полоцкомъ. Бѣляевъ говоритъ, что этотъ походъ направленъ былъ на южныя литовскія племена, ближе къ Припети, по сосѣдству съ Волынью и древлянскою землею, еще не колонизованныя изъ Полоцка и совершенно дикія и часто, подобно ятвягамъ, безпокоившія Волынь и древлянскую землю. Это, продолжаетъ онъ, подверждается названіями урочищ на лѣвомъ берегу Припети, свидѣтельствующими о болѣе поз днемъ поселеніи здѣсь русскихъ,—именно въ концѣ XI ил началѣ XII вѣка 3). Впрочемъ, въ какую бы часть Литвы н былъ предпринятъ походъ Ярославомъ,—для насъ важны т распоряженія, которыя сдѣланы были имъ въ новопріобрѣте ной странѣ. По свидѣтельству Нарбута и Длугоша, Яросла поручилъ управленіе завоеванною областію своему намѣстник построилъ во многихъ мѣстахъ крѣпости и, основавъ таким с

1) Dlug. p. 599. Лѣт. Нест. по Лавр. списк. стр 9 т.
2) Бѣл. очер. ист. сѣверозапад. края.
3) Бѣл. очерк. сѣверозапад. края.

разомъ русско-литовскую волость, оставилъ въ ней для сохраненія порядка русское войско 1). Мало этого, для большаго развитія здѣсь русскаго элемента, изъ ближайшаго княжества пинскаго, переселено было нѣсколько семействъ въ покоренную страну; здѣсь же поселились семейства составлявшихъ гарнизонъ 2). Владычество русскихъ, по словамъ нашего исторіографа, продолжалось здѣсь полтораста лѣтъ 3), а отъ этого произошло то, что и лѣвый берегъ Виліи мало по малу началъ знакомиться съ русскою жизнію, съ русскою цивилизаціею, и чрезъ полтораста лѣтъ почти совершенно обрусѣлъ, такъ что, когда литовцы вытѣснили оттуда русскихъ, они нашли тамъ вмѣсто Литвы, почти чистую Русь.

Кромѣ этого, на увеличеніе славяно-русскихъ колоній въ Литвѣ большое вліяніе имѣлъ обычай древній—продавать плѣнниковъ. Изъ исторіи извѣстно, что побѣдители пользовались правомъ продажи плѣнныхъ въ мѣста, часто очень отдаленныя. Такъ, мы знаемъ, поступали князья владимірскіе, такъ поступали новгородцы послѣ побѣды надъ соединенными силами Андрея Боголюбскаго, въ 1170 г. Обычай этотъ теряется въ древности. И до принятія христіанства славяне торговали невольниками, на что указываетъ Святославъ Игоревичъ, когда говоритъ, восхваляя прелесть жизни въ Переяславкѣ Болгарскомъ. „Россіяне шлютъ туда мѣха, воскъ, медъ и невольниковъ“ 4). Христіанство на первыхъ порахъ не могло остановить этого варварскаго обычая; онъ и послѣ продолжался. Торговлею плѣнныхъ, подобно прочимъ славянамъ, занимались и полочане,—по крайней мѣрѣ это положительно извѣстно о Всеславѣ Брячиславичѣ и сынѣ его Глѣбѣ Минскомъ.—При наслѣдственной же ненависти полоцкихъ князей къ дому Ярослава Великаго, разумѣется, горькую чашу приходилось пить владѣніямъ этого дома. Уже второй полоцкій князь Брячиславъ воевалъ съ Ярославомъ,

1) Narb. t. III. str. 224. Dlug. Hist Pol. p. 599.

2) Собр. гром. и акт. гор. Вильны, Ковны и Трокъ стр VII. Югозапад. Вѣстн. стр. 157, 1863—1864 г.

3) Карамз. т. III. стр. 40. Chron. Stryik кн. VIII. гл. 6.

4) Карамз. т. I. стр. 107.

домогаясь полной независимости и самостоятельности. Въ 1021 году, онъ овладѣлъ Новгородомъ, ограбилъ жителей, набралъ плѣнныхъ, но, разбитый Ярославомъ на берегахъ рѣки Судомы, только съ частію добычи возвратился въ свое полоцкое княжество. Гораздо дѣятельнѣе и отважнѣе былъ сынъ его Всеславъ, за свою неустрашимость и изумительную находчивость прозванный современниками колдуномъ. Много горя принесъ онъ владѣніямъ дома Ярослава. Не разъ ярославичи видѣли полоцкую дружину, разгуливавшую по ихъ владѣніямъ. Въ 1065 году Всеславъ безуспѣшно осаждалъ Псковъ; въ 1067 году, онъ неожиданно занялъ Новгородъ, страшно разграбилъ его, непощадивъ даже Софійскаго собора и, съ многочисленными плѣнниками, возвратился въ Полоцкъ. Разбитый ярославичами на берегахъ Нѣмана и плѣненный измѣною, Всеславъ и послѣ, освободившись, не покидалъ своей удали до самой смерти,—въ 1101 году. Всѣ эти походы, по тогдашнему обычаю, сопровождались грабежемъ и заборомъ плѣнныхъ, которыхъ или выкупали родственники, или ихъ, чаще всего, продавали въ рабство побѣдители. Понятно, что походы доставляли Всеславу много плѣнниковъ и, нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ нихъ нашли себѣ новое отечество въ литовскихъ земляхъ. Тоже продолжалось и при преемникахъ Всеслава. Особенно безчеловѣчнымъ обращеніемъ съ плѣнными прославился Глѣбъ Минскій: отъ него одинаково страдали и ярославичи, и свои собственные подданные. Послѣ неудачнаго похода Святополка-Михаила къ Минску въ 1104 году, Глѣбъ сдѣлался еще отважнѣе. Ободренный этимъ, говоритъ г. Турчановичъ, онъ угнеталъ своихъ подданныхъ всевозможными мѣрами. Владѣнія его опустѣли; народъ бѣжалъ въ сосѣднія земли и въ особенности въ Литву завилейскую, въ которой господствовалъ въ то время Зывибунтъ. Оставивъ на время въ покоѣ Литву, Глѣбъ обратился на владѣнія братьевъ, опустошалъ ихъ волости и уводилъ въ плѣнъ мирныхъ земледѣльцевъ. Отъ Припети до Днѣпра, отъ верховьевъ Нѣмана до Двины дымились деревни и волости отъ его набѣговъ; увлекая несчастныхъ въ плѣнъ, онъ продавалъ ихъ въ рабство или селилъ въ окрестностяхъ Березины. Глѣбъ до того пріучилъ бояръ своихъ къ этому изувѣрскому промыслу, что они сдѣлались истыми торговцами невольниковъ. Повсюду раздавались жа-

лови и ропотъ противъ жестокости минскаго князя 1). Наконецъ, проклятый по просьбѣ Мономаха, кіевскимъ митрополитомъ, Глѣбъ былъ разбитъ соединенными силами князей, взятъ въ плѣнъ и умеръ плѣнникомъ въ Кіевѣ въ 1119 году. Но и послѣ его смерти, набѣги потомковъ Всеслава на владѣнія Ярославова дома продолжались до тѣхъ поръ, пока Мстиславъ Владиміровичъ, великій князь кіевскій, выведенный изъ терпѣнія, не отправилъ всѣхъ ихъ въ ссылку въ Константинополь, въ 1129 году, отдавъ Полоцкъ сыну своему Изяславу.—Не оправдывая политики полоцкихъ князей, мы не можемъ, однакожъ, не признать того, что дѣйствія ихъ, часто жестокія и безчеловѣчныя, имѣли громадное значеніе въ дѣлѣ обрусѣнія Литвы. Дѣлаясь рабами купившихъ, плѣнники вносили свою народность, такъ сказать, въ центръ литовской жизни—въ семейства. По свидѣтельству Нарбута 2), законами криве-кривейто каждому литвину давалось право имѣть трехъ женъ,—одну изъ своего народа, и двухъ рабынь. Не мудрено, что многія славянки, при своей природной красотѣ и добродушіи, дѣлались супругами литвиновъ, а потомъ матерями. Если же и здѣсь допустить примѣненіе всеобщаго закона, по которому болѣе развитый народъ долженъ оказывать вліяніе на менѣе развитый, то нельзя не допустить и того, что славяне должны были имѣть вліяніе на литовскій міръ. Умственное превосходство славянъ предъ литовцами 3) и то отношеніе, въ какое ставили себя колонисты къ

1) Турчан. обоз. ист. Бѣл. съ древ. врем. стр. 37.

2) Каждый можетъ имѣть трехъ женъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы первая была изъ нашего поколѣнія, прибывшаго вмѣстѣ съ нами; остальныя могутъ быть изъ рода туземцевъ или новѣйшихъ пришельцевъ. Жур. Мин. Народ. Просв. 1844 г. кн. VIII. Narb. t. III. str. 515 и д.

3) Умственное развитіе литовскаго племени, говоритъ г. Костомаровъ, стояло на дѣтской степени; это было причиною, что литовцы такъ легко подчинились славянской цивилизаціи. Петръ Дюисбургскій положительно указываетъ, что у прусско-литовскаго народа не существовало писменъ и понятіе о нихъ было первобытное. Когда пруссу нужно было помнить о томъ, что слѣдовало сдѣлать чрезъ нѣсколько дней, онъ чертилъ на своемъ по-

туземцамъ, еще болѣе утверждаетъ вѣроятность этого предположенія. Колонизуя литовскую землю, славяне думали господствовать надъ дикими туземцами, не думали насильно, подобно (въ послѣдствіи) нѣмцамъ, навязывать своей цивилизаціи. Они относились къ нимъ мирно, дѣйствуя, или какъ простые торговцы, или какъ мирные хлѣбопашцы. До половины XII вѣка мы не видимъ, чтобы Литва выражала чѣмъ-нибудь свое недовольство на бѣлорусское племя, тогда какъ нѣмцы, съ первымъ же появленіемъ въ прибалтійскомъ прибрежьѣ, начали испытывать страшную ненависть туземцевъ, особенно литовцевъ. Къ мѣрамъ строгости славяне прибѣгали въ крайнемъ случаѣ, и то противъ ятвяговъ,—племени одинаково ненавистнаго славянамъ и самимъ литовцамъ за разбои и грабежи. Борьба съ этимъ племенемъ продолжалась до тѣхъ поръ, пока въ конецъ не истребили его рыцари и поляки въ XIII вѣкѣ. Чтоже касается собственно литовцевъ, то о враждѣ ихъ съ славянами нѣтъ никакихъ указаній. Напротивъ, къ полочанамъ они относились весьма симпатично, нерѣдко дѣйствовали за одно, отстаивая одни интересы, одинаково дорогіе и тѣмъ и другимъ. Литовцы видѣли въ полочанахъ лучшихъ своихъ союзниковъ противъ разныхъ недруговъ; полочане, съ своей стороны, находили въ Литвѣ силу, которую можно было противуставить притязанію сосѣдей. Вообще, исторія застаетъ полочанъ и литовцевъ тѣсно связанныхъ между собою. Полочане не вмѣшивались во внутреннее устройство Литвы, въ ихъ обычаи, въ ихъ религію, желая одного союза и взаимной помощи. Но тѣмъ не менѣе сами литовцы, видя превосходство внутренняго устройства, обычаевъ и религіи колонизаторовъ, незамѣтно усвояли ихъ себѣ, роднились съ ними и какъ бы русѣли по мѣрѣ того, какъ увеличивались между ними колоніи полочанъ,—такъ что болѣе чистый типъ литовскаго племени сохранился только на сѣверъ отъ Виліи, въ землѣ жмудиновъ, гдѣ еще слаба была полоцкая колонизація. Справедливость этого вывода подтверждается многими свидѣтельствами писателей-историковъ, говорившихъ о нравахъ и обычаяхъ литовцевъ, на которыхъ нельзя невидѣть отраженія руссицизма.

жаномъ поясѣ каждый день замѣтки и такимъ образомъ доходилъ до нужнаго числа. Русск. Слово 1863 г. стр. 46—47.

Такъ литовцы, подобно славянамъ, раздѣляли дни на счастливые и несчастные, подобно славянамъ, считали нехорошимъ признакомъ встрѣчу съ зайцемъ и лисицею. Гаданья у литовцевъ были тѣже самыя, что и у славянъ: дѣвицы лили воскъ, перекидывали черезъ заборъ башмакъ или лапоть, боялись глаза; по литовскимъ селеніямъ бродили гадальщики и гадальщицы, пользуясь почетомъ въ народѣ 1). Гестепріимство у литовцевъ, такъ же какъ и у русскихъ, считалось дѣломъ священнымъ, кто бы ни былъ гость,—землякъ ли или чужеземецъ 2). Если гость входилъ въ домъ литвина, то хозяйка приносила ему воду омыть ноги 3), и послѣ начиналось угощеніе: хозяинъ, хозяйка, сыновья и дочери—всѣ пили во здравіе гостя, и онъ долженъ былъ пить съ каждымъ 4). Если бы въ домѣ гость былъ обиженъ, то хозяинъ не могъ приносить оправданія; если же посторонній обидѣлъ гостя, хозяинъ мстилъ ему, какъ за своего семьянина 5). Иностранный купецъ почитался въ Ливтѣ лицемъ неприкосновеннымъ 6). Всѣ эти обычаи, указывающіе на доста-

---

1) Журн. Мин. Нар. Просв. 1844 стр. 53.

2) De situ Dan. Ad. Brem. p. 227. Chron. Prus. Dusburg. P. III p. 5. Preus. Chron. Luc. David. B. I p. 145. Hist. Litow. Koialow. Lib. 1 p. 19. Жур. Мин. Нар. Просв. 1844 г. стр. 53.

3) Narb. t. III str. 554.

4) Chron. Prus. Dusburg. P. III p. 5.

5) O Lit. Pol. prawach—Czack. t. II. стр. 129. Жур. Мин. Нар. Просв. 1844 г. стр. 53. Narb. t. III. str. 510—15. Замѣчательно, что нѣмцы не пользовались, кажется, въ Литвѣ особеннымъ уваженіемъ, и право гостепріимства едва ли на нихъ распространялось. Покрайней мѣрѣ, мы имѣемъ положительное свидѣтельство лѣтописи, передающей извѣстіе о двухъ нападеніяхъ, сдѣланныхъ литовцами на нѣмецкихъ купцовъ; въ первый разъ въ 1158 г. на бременскихъ купцовъ, во второй—въ 1205 г. разграбили посольство епископа Альберта къ Владиміру, князю полоцкому. Не есть ли это результатъ прежнихъ торговыхъ отношеній Литвы къ нѣмцамъ? Narb. t. III. str: 140—141 Narb. t. III str. 515.

6) Бѣл. стр. 8.

точно-развитое нравственное чувство, не могли, конечно, быть дѣломъ случайнымъ или родиться въ странѣ, погруженной въ самое грубое невѣжество; они—плодъ нравственнаго вліянія на Литву русскихъ. Ятвяги, одна изъ отраслей литовскаго племени, гдѣ не производилась торговля и гдѣ, слѣдовательно, не было русскихъ колоній, гдѣ жители руководствовались преданіями своей старины, никогда не отличались мирнымъ направленіемъ; какими явились они на сцену исторической жизни, такими же и сошли съ нея въ XIII вѣкѣ.—Далѣе, изъ Нарбута мы знаемъ, что литовская земля знакома была съ „Русскою Правдою" и отчасти управлялась по образу новгородской и смоленской областей. Описывая законы Литвы, онъ говоритъ: всѣ преступленія наказывались равнымъ возмездіемъ: за смерть смертію, за рану—раною. За убитыхъ мстили ближайшіе родственники. Но если убійца убѣгалъ въ мѣста, посвященныя богамъ, то былъ свободенъ отъ мести. Дѣла спорныя рѣшались голосами 60 добросовѣстныхъ мужей, которые назывались копниками (копа значитъ 60) 1). Многія мѣстности, говоритъ Бѣляевъ, въ Минской и частію въ Виленской губерніяхъ, назывались погостами, по обычаю Новгорода и Смоленска 2). Всѣ эти законы были освящены временемъ, хранились въ преданіи и были каждому извѣстны по своему дѣйствію. Наконецъ, доказательствомъ того-же вліянія могутъ служить всѣ изысканія ученыхъ, по которымъ литовцы признаются отраслею славянскаго племени. Историки изыскатели: Рюсъ 3), Малтъ-Брюнъ 4), Арндъ 5), Антонъ 6) и Ватсонъ 7) причисляютъ литовцевъ къ славянамъ на томъ

1) Kühs. Handlung der Geschichte des Mittelalters. Berlin 1816 года.

2) Malte-Brun. Precis de la Geographie universelle Bruxelle. 1829 г.

3) Arndt über den Ursprung und Verwandschaft der Europäischen Sprachen Frankfurt a. M. 1818.

4) Anton über den alten Namen Ursprüng. Leipzig 1783.

1) Watson. Jahrerverhandlungen der Kurländischen Gesellschaft für Literatur und Kunst. 2 Band. Magasin von der Lettische Literarischen-Gesellschaft. Mitau 1829. См. собр. древн. грамот. и акт. Вильны, Ковны и Трокъ, издан. въ Вильнѣ стр. V въ примѣч.

сповани, что ихъ языкъ и нрави похожи на языкъ и нравы ..... По тщательномъ изслѣдованіи состава литовскаго языка, Ватсонъ нашелъ въ немъ двѣ трети словъ славянскихъ, а Шафарикъ полагаетъ, что народы литовскій и славянскій въ предъисторическое время составляли двѣ отрасли одного племени 1). ...ясна покажется несостоятельность этихъ воззрѣній, если ... допустимъ, вмѣстѣ съ Бѣляевымъ древность вліянія славянъ на Литву. Литовскій языкъ, съ пришествіемъ туда славянъ, те... помемногу свою первобытность, воспринимая въ свой со... слова болѣе благозвучныя, болѣе соотвѣтствующія поня... ...ямъ. Неудивительно послѣ этого, если изыскатели нашли въ литовскомъ языкѣ двѣ трети словъ славянскихъ и на этомъ основаніи отняли у литовцевъ самостоятельность. Мнѣніе это подтверждаетъ и нашъ ученый Соловьевъ, въ очеркахъ исторіи ...россіи 2).

Итакъ, мы не ошибемся, если скажемъ, что къ половинѣ ... вѣка русскій элементъ достаточно заявилъ себя въ литовскомъ мірѣ, отразившись на нравахъ и обычаяхъ, языкѣ и за... литвиновъ; но дѣло обрусѣнія Литвы этимъ не ограни... ...оно продолжалось и послѣ, продолжалось тѣмъ съ боль... успѣхомъ, чѣмъ благопріятнѣе были обстоятельства

Мы уже знаемъ, что до половины XII вѣка русскія силы, а ... и русская цивилизація, подвигались въ Литву, за... тамъ мѣста, заводили колоніи и, вращаясь въ средѣ ...цевъ грубыхъ и дикихъ, знакомили ихъ съ болѣе лучшею ...лизаціею; съ половины же XII вѣка, на оборотъ, Литва ...гается къ русскимъ предѣламъ, овладѣваетъ родными рус... городами, селится среди русскихъ и, смѣшавшись, та... образомъ, съ русскимъ элементомъ, вполнѣ усвоиваетъ рус... цивилизацію и образуетъ литовско-русское княжество на ...махъ чисто русскихъ. Причины такого переворота заклю... съ одной стороны въ религіозномъ культѣ литовцевъ, ...явшемъ самостоятельныя дѣйствія князей и тѣмъ застав... ихъ удаляться отъ этого давленія; съ другой—въ

1) Starozytności 361 см. историческ. стат. очерк. Ви... губерн.

2) Очеркъ ист. Мал. Отеч. Зап. № II. стр. 8.

напорѣ, производимомъ поселившимися у балтійскаго прибрежья рыцарскими нѣмецкими орденами—тевтонскимъ и ливонскимъ меченосцевъ.

Правленіе древнихъ литовцевъ не представляетъ рѣзк различія между духовною и свѣтскою властями; скорѣе это ло правленіе ѳеократически - демократическое, въ которомъ в ва князя и народа покрывались голосомъ верховнаго жреца к ве-кривейто. Власть этого первосвященника была весьма ве ка; это былъ и духовный и вмѣстѣ свѣтскій владыка; пр его распространялись на всѣ литовскія племена и даже, к пишетъ М. О. Кояловичъ 1), на кривичей. Считая себя с сѣдникомъ и истолкователемъ воли боговъ, говорившихъ съ н преимущественно въ громѣ и грозѣ, онъ нерѣдко принималъ стіе въ спорахъ князей и своимъ авторитетомъ давалъ пере той или другой сторонѣ. Разумѣется, такое значеніе перво щенника не могло не тяготить племенныхъ литовскихъ кня Князья гораздо свободнѣе чувствовали себя вдали отъ могу ства криве-кривейто, ближе къ западно-русскому народу, не могла проникать во всѣй своей силѣ власть его. Вотъ чему Жмудь, съ своими князьями, съ половины XII вѣка, вы гается изъ завѣтныхъ лѣсовъ и пущей ближе къ полоцкому жеству, сталкивается на пути съ русскою народностію, дитъ ссоры; но эти ссоры, благодаря прежнимъ отношені всегда оканчивались миромъ.

Къ концу XII и въ началѣ XIII вѣк., эти столкно происходили чаще и чаще и принимали болѣе серіезный х теръ, благодаря вліянію нѣмцевъ. Къ концу XII вѣка, мы выше замѣтили, на берегахъ Балтійскаго моря, почти временно, появились два духовно-рыцарскихъ ордена—тевто и ливонскій. Значеніе этихъ орденовъ въ исторіи литов народа весьма велико. Поставляя непремѣнною цѣлію— щеніе язычниковъ въ христіанство, они строго преслѣд свою цѣль, не пренебрегая никакими средствами. Особенн человѣчнымъ обращеніемъ съ язычниками прославился тевтонскій. Образовавшись въ Палестинѣ, въ концѣ XII онъ, вслѣдствіе дурныхъ дѣлъ на востокѣ, перешелъ въ

---

1) Лекц. по ист. Зап. Росс. лекц. 4-я.

ію и пріобрѣлъ здѣсь уваженіе. Многіе дарили ему земли; ...дальновидный Конрадъ, князь Мазовецкій, пригласилъ его въ ...хельмскую землю, чтобы имѣть въ немъ защиту отъ пруссовъ, ...часто нападавшихъ на владѣнія Конрада. Съ этого времени ...начинается неустанная пропаганда нѣмцевъ между пруссами и ...литовцами. Центръ, гдѣ сосредоточивались силы ордена, была ...крѣпость Маріенбургъ. Опираясь на этотъ пунктъ, тевтонцы ...вели свои проповѣди въ Пруссіи вмѣстѣ съ завоеваніемъ этой ...страны и насильственнымъ обращеніемъ туземцевъ въ христіан...ство. Орденъ ливонскій образовался въ странѣ ливовъ. На...чало его положили купцы ганзейскаго союза, основавши на бе...регу Двины складочный пунктъ Икскуль. За купцами скоро ...явились миссіонеры, и первый изъ нихъ Мейнгардъ въ 1186 го...ду получилъ отъ полоцкаго князя Владиміра позволеніе мирно ...обращать туземцевъ въ христіанство. Но, видно, дѣло прохо...дило не такъ было мирно; потому что на другой же годъ ту...земцы возстали на нѣмцевъ, разрушили Икскуль и заставили ...Мейнгарда скрываться въ лѣсахъ. Латинская пропаганда, по...видимому, падала; народъ не только не думалъ креститься, но ...и крещенные снова погружались въ воду, чтобы смыть, по ихъ ...мнѣнію, крещеніе 1). Но неудачи не остановили Мейнгарда; ...онъ рѣшился прибѣгнуть къ обычному въ латинской церкви сред...ству—вооруженной силѣ и просилъ папу выслать крестоносцевъ. Мейнгардъ умеръ въ 1196 году, не видавши ополченія. Новый ...миссіонеръ Бартольдъ, посланный бременскимъ архіепископомъ, ...явился съ войскомъ, не смотря на просьбу туземцевъ рас...пустить ополченіе: отпусти войско домой, говорили они ему, и ...иди съ миромъ на свое епископство; кто крестился, тѣхъ ты ...можешь принудить оставаться христіанами, другихъ же убѣждай ...словами, а не палками 2). Совѣтъ въ высшей степени разумный, но Бартольдъ не внялъ ему, сразился съ туземцами, побѣдилъ ихъ, ...но заплатилъ жизнію за побѣду 3). Еще энергичнѣе повелъ ...дѣло преемникъ Бартольда, Альбертъ Буксгевденъ. Альбертъ ...понялъ, что единственное средство достигнуть предположенной

1) Ист. Солов. т. II. стр. 378 прим. 430.
2) Турч. стр. 57.
3) Ист. Солов. т. II. стр. 378—380.

цѣли,—это постоянное войско. Руководимый этою мыслію, въ 1200 году основалъ Ригу, а въ 1202 году, по благос вѣнію папы Иннокентія III-го, орденъ меченосцевъ. Съ эт времени начинается безпрерывная борьба ордена съ окрестн народами, въ особенности съ литовцами, стремленія которыхъ централизаціи представлялись ему слишкомъ опасными. Но бы видѣть направленіе Литвы и оцѣнить его прочность, этого нужно было бы нѣмцамъ прежде всего присмотрѣться внутреннему складу (древней) языческой Литвы и опредѣл какому вліянію его особенности легче всего могли подчинит Литовская миѳологія, говоритъ М. О. Кояловичъ, носитъ на бѣ явные слѣды глубокой древности и усиленной работы тазіи, т. е. слѣды древности и уединенности литовскаго нар Она совмѣщаетъ въ себѣ идеализацію и роскошь азіатскаго ѳа съ выработанностію и законченностію греко-римскою. была строго выработанная система, которой нельзя было ра шить строгими фанатическими мѣрами безъ того, чтобы н звать со стороны ея послѣдователей ненависти и отчаян сопротивленія. Гораздо проще эту систему вѣрованій и было разрушить непритязательнымъ, незамѣтнымъ, медлен вліяніемъ на нее. А такое вліяніе именно и производили скіе западной Россіи. Русскіе жили между литовцами, мы замѣтили, безъ притязанія разрушить ихъ систему вѣ нія и пересоздать ее въ христіанство. Съ своей стороны товцы легко поддавались этому вліянію; потому что оно не жало гибелью ихъ государственности 1). И такъ, вотъ му литовцы, тѣснимые съ двухъ сторонъ, и отъ Пруссіи Ливоніи, вступили съ нѣмцами въ борьбу на жизнь и сі защищая и свою вѣру, и свою самостоятельность. Но силамъ была литовцамъ эта борьба; средства орденовъ неистощимы. По призыву гроссмейстеровъ и благословенію къ нимъ отовсюду стекались ревностные крестоносцы, сн шіе кровопролитіемъ и истребленіемъ язычниковъ проложи бѣ путь къ царству небесному; на ихъ сторонѣ притомъ превосходство вооруженія. По необходимости литовцамъ дилось оставлять свои завѣтные лѣса и подвигаться впер

1) Лекц. по ист. Зап. Рос. лекц. 5-я.

нашей верхне-литовскій и затѣмъ западно-русскій народъ. Движеніе должно было увеличиваться по мѣрѣ вѣроломства нѣкоторыхъ князей полоцкаго княжества. Полоцкіе князья вообще не отличались государственнымъ умомъ. Во все продолженіе исторіи этого княжества, мы видимъ не болѣе двухъ князей (Брячислава и Всеслава), понимавшихъ историческое значеніе полоцкаго княжества; всѣ другіе князья мѣнялись съ перемѣною обстоятельствъ и заключали союзы то съ Смоленскомъ, то съ Черниговомъ, то наконецъ съ Кіевомъ, не думая о томъ,— принесутъ ли пользу странѣ эти союзы?! И въ настоящемъ случаѣ, замѣтивъ усиливающихся нѣмцевъ, они примкнули къ нимъ, забывши и стремленія нѣмцевъ, и тѣ принципы, которые преслѣдовались ими. Такъ, князь Кукейноса, Вячеславъ (на берегахъ Двины, въ Ливоніи), въ 1207 году, лично явился въ Ригу и предложилъ епископу половину своей земли и города, если онъ оставитъ его въ покоѣ и станетъ защищать отъ сосѣдей 2). Въ 1213 году и полоцкій князь заключилъ миръ въ Герсикѣ съ орденомъ, уступивъ ему всю Ливонію, съ условіемъ постоянной отъ него помощи противъ Литвы и свободнаго плаванія по Двинѣ 1). Только одинъ герсиканскій князь Всеволодъ хорошо зналъ истинныя намѣренія нѣмцевъ и потому былъ заклятымъ врагомъ ихъ и постояннымъ союзникомъ Литвы. Ливонскій лѣтописецъ съ удивленіемъ говоритъ о ненависти этого князя къ латинянамъ, которые отъ лютыхъ набѣговъ его страдали quasi oves in fauce luporum 2). Связанный родствомъ съ Литвою (онъ женатъ былъ на дочери Утенеса—Дангерутѣ), Всеволодъ неоднократно наводилъ ее на нѣмцевъ. Литовцы тогда, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, были ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ и особенно леттовъ; рѣдкіе изъ леттовъ рѣшались жить въ деревняхъ; большая часть искала безопасности въ лѣсахъ, но и тамъ не всегда находила ее; литовцы всюду преслѣдовали ихъ: били однихъ, уводили въ плѣнъ другихъ, отнимая у нихъ все имѣніе 3). Но и этотъ герой не устоялъ противъ нѣм-

---

1) Ист. Солов. т. II. стр. 373.

2) Ист. Солов. т. II. стр. 378.

3) Grub. p. 62 Narb. t. III. str. 461. Турч. стр. 274 прим. 125.

цевъ и горько оплакалъ гибель своего роднаго города, разрушеннаго орденомъ въ 1213 году 1).

Потерявши единственнаго храбраго союзника, тѣснимые неутомимыми рыцарями и видя вокругъ себя вѣроломство и измѣну, литовцы быстро подвигались къ востоку, — къ предѣламъ прежнихъ своихъ покровителей и защитниковъ—полочанъ и кривичей. По мѣрѣ этихъ движеній, говоритъ Бѣляевъ, и области, занимаемыя литовцами, получали одно общее названіе Литвы; у лѣтописцевъ и полочане иногда назывались литовцами, хотя Полоцкъ еще не былъ покоренъ Литвою. Такъ напр., подъ 1239 годомъ читаемъ въ лѣтописи: Ярославъ Всеволодовичъ суздальскій ходилъ къ Смоленску на Литву, и Литву побѣдилъ и князя ея захватилъ, и посадилъ въ Смоленскѣ князя Всеволода Мстиславича. А этотъ литовскій князь былъ некто иной, какъ Святославъ Мстиславичъ, внукъ Романа Ростиславича смоленскаго, захватившій Смоленскъ при помощи полочанъ и литовцевъ. О такомъ смѣшеніи полочанъ и литовцевъ лѣтописи съ конца XII вѣка представляютъ много свидѣтельствъ, по которымъ можно прослѣдить, какъ мало по малу полоцкая земля у нашихъ лѣтописцевъ обращалась въ литовскую землю 2). Вмѣстѣ съ движеніемъ на полоцкія владѣнія, Литва начинаетъ наступать и на земли другихъ русскихъ князей; не разъ и не два мы видимъ литовскія дружины то въ новгородской и псковской, то въ смоленской и волынской областяхъ, то даже въ кіевской.

Но всѣ эти походы были нечто иное, какъ проявленіе силы проснувшагося народа, какъ сознаніе того, что онъ окрѣпъ духомъ и можетъ бороться съ сильными городами и князьями; враждебнаго же, въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимаютъ ихъ наши лѣтописцы, въ нихъ не было ничего; наши лѣтописцы видѣли въ литовцахъ только поганнхъ, язычниковъ, дикарей; но не хотѣли замѣтить того, что эти поганые на половину почти были русскими, что походы ихъ ничѣмъ не отличались отъ походовъ русскихъ князей; религія и народность

1) Ист. Солов. стр. 375 т. II.

2) Grub. Liefl Chron. 1. 74—75. Турч. стр. 274 прим. 126.

3) Бѣл. Очерк. ист. сѣверо-зап. кр. стр. 49. П. С. Р. Л. т. I. стр. 200.

русскія отъ нихъ не страдали; литовцы приходили, такъ сказать, знакомиться со всею Русью, чтобы тѣмъ съ большею силою предаться ей, усвоивъ ея языкъ, ея религію, ея нравы и обычаи, словомъ, ея цивилизацію. Что это такъ, доказательствомъ можетъ служить съ одной стороны то, что многіе походы предпринимались съ полочанами и другими русскими князьями (такъ въ 1222 литовцы помогали Даніилу отразить Андрея венгерскаго съ поляками; въ 1232 г. Литва, въ союзѣ съ полочанами, посадила на смоленскій столъ Святослава Мстиславича; въ 1258 г. Литва и полочане снова ходили на Смоленскъ, при чемъ взята на щитъ Воищина, а на обратномъ пути разграбили Торжокъ), съ другой—тѣсный союзъ съ галицко-волынскимъ княжествомъ 1). Въ Волынской лѣтописи мы находимъ извѣстіе о посольствѣ литовскихъ князей ко вдовѣ Романа и ея дѣтямъ, для заключенія мирнаго договора. „Въ лѣто 6723 Божіимъ повелѣніемъ, прислаша князи литовскіи къ великой княгини Романовѣ, и Данилови и Васильковы, миръ дающе. Бяху же имена Литовскихъ князей: се старѣйшіи: Живинъбудъ, Давъятъ, Давъспрункъ, братъ его Мидогъ, братъ Давъятовъ Всешкаилъ; а Жемотьскии князи: Ерьдивилъ, Викинтъ; а Рушьковичевъ: Контибутъ, Вонибутъ, Бутовилъ, Вижѣикъ и сынъ его Вишлій, Китеній, Плиносева; а се Вулеви-

1) Значеніе галицко-волынскаго княжества въ исторіи обрусѣнія Литвы весьма велико. Имѣя предѣлами Нѣманъ и Припеть, Волынь непосредственно соприкасалась съ Литвою и дѣйствовала на нее подобно полочанамъ и кривичамъ. Къ концу XII в. здѣсь выдвинулась линія Мономаховичей (чрезъ Изяслава Мстиславича). Когда же угасъ родъ галицкихъ князей, галичане призвали волынскаго князя Романа. При этомъ то герой, котораго равно трепетали и нѣмцы съ поляками и венгры, Литва становится особенно близкою къ галицко-волынскому княжеству. Отношеніе Романа къ Литвѣ, вполнѣ выразившееся въ пословицѣ: гей, Романе, живеши, же Литвою ореши, лучше всего свидѣтельствуетъ о значеніи этого княжества и въ частности этого князя въ дѣлѣ обрусѣнія Литвы. Ятвяги, одно изъ дикихъ племенъ, принуждено было вмѣсто меча взять плугъ и заниматься землледѣліемъ.

чи: Виникутъ, его же уби Миндовгъ и жену его поялъ и браты его побилъ: Едивила, Спрудѣйка; а се князи изъ Дяволтвы Юдьна, Пукѣикъ, Бикша, Ликикъ. Си же вси миръ даша князю Даниловu и Васильку и бѣ земля покойна“ 1). Это извѣстіе лучшимъ образомъ доказываетъ отношеніе литовцевъ к русскимъ въ первой половинѣ XIII вѣка; не часть, не одно и два племена сочувствуютъ русской народности, а вся Литв стремится къ Руси, ищетъ въ ней, какъ бы, нѣкоторой опоры. Войны и разбойническіе набѣги, какъ они ни были часты, н могли поколебать вѣками сложившихся отношеній. Потому-то занятіе литовцами части полоцкихъ владѣній не измѣнило вну тренняго содержанія сихъ послѣднихъ. Владѣнія эти по преж нему оставались русскими съ тѣмъ только различіемъ, что вмѣсто измельчавшихъ потомковъ Всеслава, явились сильные при родные литовскіе князья. Такимъ образомъ, къ половинѣ XII вѣка русская цивилизація глубоко проникла въ Литву; князь и народъ какъ бы невольно стремятся къ Руси, вступаютъ в союзы съ Русью, роднятся съ нею и идутъ вмѣстѣ против общихъ враговъ, отстаивая одни интересы. Для полнаго, так сказать, окончательнаго торжества русской цивилизаціи въ Ли вѣ, недоставало только всецѣлаго занятія литовцами полоцких и кривскихъ владѣній. Это совершилось въ послѣдней полови нѣ XIII вѣка 2).

---

1) Ипат. Волын. Лѣт. стр. 50—51.

2) Мы относимъ занятіе Полоцка и Смоленска литовцами второй половинѣ XIII вѣка на томъ основаніи, что въ русски историческихъ источникахъ нѣтъ свѣдѣній о болѣе раннемъ заво ваніи этихъ княжествъ, а источники польскіе до того запутан сбивчивы и противорѣчащи, что утверждать что либо на ихъ о нихъ свидѣтельствахъ, было бы очень опрометчиво. По расска напр., Нарбута (t. III str. 307—316), основанному на Стрыйко скомъ и Кояловичѣ (Кояловичъ говоритъ: capta urbs (Полоцк deditione, pacem simul cum servitute accepit, Mingailo hoc i anno e vita abiit.... hic (Ginvillo) occupavit paternum in P censes. Hist. Lithu. par. 1. p. 69), Мингайло, въ 1190 го предпринялъ походъ на Полоцкъ; полочане сошлись съ литовц ми при городкѣ Городнѣ (Gorodec), въ кровавой битвѣ ле

Въ XIII ст. надъ русскою землею стряслось страшное несчастіе: въ 1238 году Русь встрѣтила на берегахъ Сити новыхъ враговъ, дикихъ видомъ, свирѣпыхъ нравомъ—татаръ. Не выдержала Русь грознаго напора страшной бури; силы ея, и безъ того надломленныя безпрерывными внутренними неуряди-

---

всѣ; Городецъ преданъ огню; Полоцкъ отворилъ ворота побѣдителямъ. Мингайло, образовавъ новое великое княжество литовско-полоцкое, отдалъ его своему сыну Гинвиллу и скончался въ 1192 г. Гинвиллъ, получивъ княжество, населенное русскимъ народомъ, вдали отъ своихъ родственниковъ, поспѣшилъ войдти въ связи съ владѣтельнымъ домомъ въ Твери,—женился на дочери тверскаго князя Бориса Маріи и принялъ православную вѣру, съ именемъ Георгія. Въ 1199 году онъ умеръ въ Оршѣ, которой былъ основателемъ. Преемникомъ его былъ сынъ Борисъ. Стрыйковскій самъ видѣлъ между Дриссою и Дисною камень съ греческимъ крестомъ и надписью: Wspomozy Hospody Raba swojeho Borysa Syna Ginnwillowoho.. Предъ смертію, послѣдовавшею въ 1207 г., Борисъ возвратилъ полочанамъ право свободы; погребенъ въ Полоцкѣ въ церкви св. Софіи. Сынъ Бориса Рогволодъ-Василій княжилъ въ Оршѣ, а въ Полоцкѣ былъ княземъ конституціоннымъ, подобно князьямъ новгородскимъ; на 69 г., въ 1223 г., онъ умеръ въ Дерптѣ. Наслѣдникомъ Рогвольда былъ сынъ Глѣбъ, котораго ни рожденія, ни смерти время неизвѣстно. Когда угасъ родъ Гинвилла, княжество его по частямъ захватили князья русскіе. Въ 1818 г. въ 19 верстахъ отъ Орши найденъ большой камень съ крестомъ и надписью: W lieto 6679 (1171) Maia w 7 den dospien krst syi Hospodi! pomozi Rabu swojemu Wasiliu w kreszczenii imenem Rochwoldu synu Borysowu. Таковъ разсказъ Нарбута. Тотъ же самый расказъ въ лѣтописи: Pomniki do dz. Litw. b. относится къ концу первой половины XIII в. Расказъ этотъ приводитъ Костомаровъ. Послѣ опустошенія западной Россіи татарами, говоритъ онъ, жмудскій князь Монтвилъ послалъ сына своего Ердивила занять опустошенные русскіе города; такимъ образомъ Ердивилъ основалъ Новогородокъ, заложилъ себѣ тамъ столицу и овладѣлъ опустошенными отъ татаръ городами: Дрогичинымъ, Мленьикомъ и Берестьемъ. По смерти Монтвила, Ердивилъ про-

цами, дрогнули; въ два похода татары покорили Русь. Народъ въ ужасѣ разбѣгался по дремучимъ лѣсамъ или въ чужія земли, оставляя родныя пепелища свирѣпымъ варварамъ. Не малая часть бѣглецовъ нашла себѣ пріютъ и покровительство среди отважныхъ литовцевъ. Этотъ новый наплывъ въ Литву русской силы не могъ, разумѣется, остаться безъ слѣдовъ; онъ долженъ былъ вызвать и на самомъ дѣлѣ вызвалъ новое и послѣднее движеніе литовцевъ къ юго-востоку, пробудивъ въ нихъ

должалъ править своими русскими владѣніями, а въ Жмуди княжилъ другой князь Викинтъ. Такимъ образомъ подъ властію Ердивила образовался первый литовскій удѣлъ съ русскими подданными. Сынѣ его Мингайло завоевалъ Полоцкъ, оставилъ там сына своего Гинвила, который женился на тверской княжнѣ принялъ святое крещеніе и нареченъ Юріемъ. Другой сын Мингайлы Скирмунтъ наслѣдовалъ отцу въ Новогородкѣ, овладѣлъ Минскомъ, Туровомъ, потомъ взялъ Мозырь, Черниговъ Карачевъ и Стародубъ, отнявши ихъ у татаръ. Туровъ Скирмунтъ отдалъ Пасимонту, Карачевъ-Любарту, Новогородокъ-Тренятѣ. (См. Рус. Сл. стр. 59—60. 1860 г.) Не касаясь повѣствованія, приводимаго Костомаровымъ, мы замѣтимъ о расказѣ Нарбута: Расказу Нарбута противорѣчитъ слѣдующее: под 1191 г., т. е. на другой же годъ княженія Гинвиллы, говорится о нѣсколькихъ князьяхъ въ Полоцкѣ; что и должно был быть, когда у каждаго князя были братья и племянники; пр томъ князья эти совѣтуются идти на Литву. Въ тоже лѣт (6699—1191) князь Ярославъ позванъ полотскою княжьею Полоцяны, и съняшеся на рубежи и положиша межи собою любъвь яко назиму всѣмъ снятися, любо на Литву, любо на Чудь (1-Новг. лѣт. стр. 20). Если бы тамъ княжилъ Гинвиллъ, т этого, конечно, быть бы не могло. Далѣе, Гинвиллъ принимает христіанское имя Георгія, но это самое имя, въ это самое врем въ концѣ XII в., носитъ полоцкій князь не литовскаго, а ру скаго происхожденія,—отъ извѣстнаго полоцкаго князя Всеслав (См. Степ. книг. стр. 270). Гинвилъ женится на Маріи, доч ри тверскаго князя Бориса, но въ это время въ Твери не бы князя Бориса (см. Карамз. т. IV. стр. 103). Борисъ, пос Гинвиллы, былъ князь не литовскій, а русскій, носилъ назва

желаніе утвердить свою власть надъ русскими западной Россіи. Действительно, Рингольдъ, пользуясь обстоятельствами, занялъ нѣсколько городовъ и областей полоцкаго и смоленскаго княжествъ. Преемникъ его Миндовгъ довершилъ начатое Рингольдомъ: онъ овладѣлъ Полоцкомъ, Витебскомъ, землею кривичей и гродненскою областію.

Правленіе Миндовга можно считать эпохою самаго дѣятельнаго развитія русскаго элемента въ Литвѣ. Занимая русскія

полоцкаго, какъ и всѣ мелкіе князья, бывшіе подъ рукою владѣтельнаго полоцкаго князя. О немъ упоминается въ лѣтописи подъ 1195 г., гдѣ говорится о нападеніи на Смоленскъ; тогда онъ былъ Друтскимъ (т. II. лѣт. стр. 147). По свидѣтельству лѣтописца Генриха—Латыша, изданнаго Груберомъ (Liefland Chron. стр. 46), въ концѣ XII и началѣ XIII в. въ Полоцкѣ княжилъ Владиміръ, о которомъ ни Нарбутъ, ни писатели, изъ которыхъ онъ заимствовалъ свой расказъ, не упоминаютъ. Карамзинъ признаетъ въ немъ сына Володаря Минскаго, а не литовскаго (т. III. прим. 87.), что совершенно противорѣчитъ Нарбуту, допускающему княженіе Гинвилла и его потомства въ концѣ XII и началѣ XIII в. Чтоже касается надписи, видѣнной, будто бы Стрыйковскимъ, то она сама по себѣ ничего не говоритъ; да притомъ, въ ней и хронологическая нелѣпость. Самъ же Нарбутъ признаетъ Рогволода сыномъ Бориса, а Борисъ былъ сынъ Гинвиллы. Гинвиллъ женился въ 1190 г., а крестъ высѣченъ въ 1171 г. Какимъ образомъ это случилось?! (См. Жур. М. Нар. Просв. 1845 г.). И такъ, на этомъ основаніи мы можемъ считать расказъ Нарбута о завоеваніи Полоцка въ концѣ XII в. несостоятельнымъ, противорѣчащимъ очевиднымъ свидѣтельствамъ. Въ заключеніе, мы скажемъ, вмѣстѣ съ Костомаровымъ: хотя повѣствованіе это неправдоподобно и не подтверждается свидѣтельствами р. лѣтописцевъ; но, присмотрѣвшись въ положеніе дѣлъ, приходишь къ мысли, что, можетъ быть, въ подробностяхъ онѣ переданы не совсѣмъ вѣрно, но основа ихъ историческая. Подобныя завоеванія не измѣнили сущности состоянія Руси: завоеватель отдавалъ города сыновьямъ, которые крестились и дѣлались русскими, и жизнь текла по прежнему. (Рус. Сл. 1860 г. стр. 60).

области, онъ тѣмъ самымъ вводилъ Литву въ непосредственную связь съ Русью, знакомилъ ее съ русскою рѣчью, съ русскими нравами и обычаями и съ русскимъ судопроизводствомъ, а дозволеніемъ Руси западной свободно отправлять религіозныя обряды, онъ знакомилъ Литву и съ русскою православною вѣрою. Историкъ литовскаго народа Нарбутъ говоритъ: отъ самаго начала власти великихъ литовскихъ князей надъ землями русскими, не смотря на большую разность вѣры, никогда не было нетерпимости христіанства; напротивъ, князья, уважая нравы, языкъ и обычаи покоренныхъ народовъ, сами заимствовали отъ нихъ. что признавали лучшимъ; поэтому православная вѣра, путемъ кроткаго убѣжденія въ святыхъ истинахъ, распространялась въ Литвѣ прежде, нежели правительство думало принимать къ тому мѣры. Православные русины и язычники - литовцы имѣли одно общее отечество и одного государя; засѣдали на одной скамьѣ и вмѣстѣ рядили объ общей пользѣ; вмѣстѣ шли на бой и кости свои слагали въ одну могилу 1). При такомъ положеніи дѣлъ неудивительно, если племянники Миндовга: Арвидъ или Довмонтъ. и Товтивилъ, управлявшіе Полоцкомъ, Витебскомъ и Смоленскомъ, въ качествѣ великокняжескихъ намѣстниковъ, приняли православную вѣру и сдѣлались ревностными защитниками ея въ своемъ отечествѣ; неудивительно, если сынъ Тройната Роумонтовича Римунтъ, по принятіи православія, сдѣлался монахомъ съ именемъ Елисея (послѣ онъ былъ архимандритомъ въ лаврѣ св. Иліи близъ Новогрудка, въ нынѣшнемъ Лаврищевѣ). Примѣру племянниковъ и внука Миндовга скоро послѣдовали братья Тройдена-Наримундъ, Гольша, Гедрусъ и др. и множество лицъ литовскихъ княжескихъ фамилій 2). Самое семейство Миндовга не устояло противъ вліянія русскаго элемента и явно склонилось на сторону Руси. Такъ, дочь Миндовга выходитъ въ замужество за Шварна Даниловича, сынъ Воишелгъ принимаетъ православіе и монашество, самъ Миндовгъ крестится по восточному обряду. „Въ сіе же лѣто (6754—1246 великій князь Литовскій Миндовгъ пріятъ вѣру христіанскую отъ востока, со многими своими бояры; по не мнозѣ же сынъ его Войшелкъ пострижеся во иночество;

---

1) Narb. t. II str. 339—340.

2) Вѣстн. Юго-Запад. Росс. 1863—64, стр. 161.

а дщерь Миндовгову отдаде за Шварна Даниловича" 1). Такимъ образомъ православіе слишкомъ далеко пустило свои корни въ Литвѣ; русскій элементъ свободно и быстро входитъ и въ чертоги князей, и въ палаты бояръ, и курныя хижины земледѣльцевъ; остановить его успѣхи или ослабить не въ состояніи была бы какая-либо внѣшняя сила; русская рѣчь господствовала и при дворѣ и въ судахъ; русскіе обычаи проникли въ домашній бытъ Литвы и воспитывали молодое поколѣніе на манеръ русскій. Вотъ какъ говоритъ о распространеніи русской цивилизаціи въ Литвѣ, по завоеваніи литовцами полоцкой и смоленской земель, польскій историкъ Ярошевичъ: „кромѣ торговли, которая издавна сближая оба народа, ознакомила литовцевъ съ русскимъ языкомъ, кромѣ религіи восточнаго исповѣданія, которая, подъ покровительствомъ княжескихъ женъ, по большей части, русскаго происхожденія, отъ начала XIII ст., дѣлая въ Литвѣ значительные успѣхи посредствомъ духовныхъ лицъ и славянской литургіи, освоивала литовцевъ со всѣмъ русскимъ,—еще болѣе содѣйствовали тому политическія сношенія Литвы съ болѣе населенной и гораздо образованнѣйшей христіанскою Русью. Еще прежде завоеваній, литовцы начали вмѣшиваться въ дѣла русскихъ князей и городовъ, завоеванія же эти еще болѣе сроднили ихъ съ русскимъ народомъ. Вслѣдствіе этого многіе изъ нихъ, проживая долго между русскими, наблюдали ихъ нравы и обычаи, старались приноравливаться къ ихъ образу жизни, учились ихъ языку, принимали крещеніе и православное исповѣданіе и входили въ родственныя связи съ русскимъ народомъ. Такимъ путемъ не только высшая тогдашняя цивилизація могла, не въ одномъ отношеніи, имѣть вліяніе на Литву, но и русскій языкъ, въ особенности въ высшемъ классѣ жителей, получилъ впослѣдствіи преимущество предъ отечественнымъ до такой степени, что сдѣлался наконецъ языкомъ двора и судебныхъ мѣстъ. Вмѣстѣ съ языкомъ, сдѣлались общеупотребительными и письмена русскія. А потому, при такомъ перевѣсѣ руссицизма, неудивительно, что самыя древнія уложенія, а потомъ всѣ три статута литовскіе, многія княжескія привиллегіи и лѣтописи составлены были только на русскомъ языкѣ, и что до сихъ поръ не найдено ни малѣй-

1) Полн. Собр. Рус. Лѣт. т. II, стр. 341.

щей частной сдѣлки, написанной по литовски 1). Этотъ ясный и убѣдительный выводъ, совершенно согласный съ фактами, представляетъ въ полномъ свѣтѣ отношенія, въ какихъ находились оба народа, по завоеваніи Литвою Бѣлоруссіи, показываетъ,—что были русскіе для литовцевъ и что литовцы для русскихъ. Понятно, что при такихъ отношеніхъ между двумя народностями и при томъ успѣхѣ, который сдѣлала въ Литвѣ русская цивилизація,—всякая другая цивилизація не могла имѣть никакого успѣха въ Литвѣ, какія бы средства она неупотребляла для своего проникновенія туда; противорѣча вѣками сложившимся отношеніямъ между русскими и литовцами, противорѣча коренной основѣ литовскаго строя, она могла только вызвать упорное и отчаянное сопротивленіе, которое мы видѣли прежде. Это же сопротивленіе особенно повторилось въ Миндовгѣ послѣ того, какъ необходимость заставила его, въ 1251 году, измѣнить православію и принять латинство. Накинутое насиліемъ, латинство принято было по необходимости и отвергнуто при первомъ удобномъ случаѣ. Въ 1260 году Миндовгъ отказывается отъ латинства и рядомъ побѣдъ надъ нѣмцами доказываетъ, что принятіе имъ латинства есть дѣло не убѣжденія, а политическая случайность.

Смерть Миндовга, убитаго въ 1263 году, нальшанскимъ княземъ Довмонтомъ въ союзѣ съ Тренятою, остановила успѣхи его въ борьбѣ съ нѣмцами, но не измѣнила отношеній между Русью и Литвою, хотя княземъ Литвы сдѣлался убійца и отступникъ православія Треията. Русская цивилизація слишкомъ глубоко проникла въ Литву; ни какіе перевороты не въ состояніи были поколебать ее или дать какое-нибудь другое направленіе. Бѣлоруссія и Литва управлялись одними законами и преслѣдовали одни интересы, какъ это видно изъ двухъ, дошедшихъ до насъ, договорныхъ грамотъ полоцкихъ князей—литвина Герденя въ 1264 году и русскаго князя Изяслава въ 1265 году съ Ригою о неприкосновенности полоцкихъ владѣній въ Ливоніи и свободной торговлѣ 2). Къ тому же, Треията не долго

1) Obraz Litw. t. str. 174—175.

2) Грамота литовскаго князя Герденя о заключеніи имъ, въ качествѣ полоцкаго князя и витебскаго, мирнаго договора съ литовскимъ гермейстеромъ—въ Ригѣ 1264 г. 22 февраля. Въ слѣ-

пользовался плодами своего злодѣйства; на другой же годъ, въ 1264 г., онъ былъ убитъ своими приближенными,—престолъ занялъ сынъ Миндовга, знаменитый Воишелгъ.

Личность Воишелга принадлежитъ къ самымъ (древнимъ) свѣтлымъ дѣятелямъ литовско-русскаго княжества. Онъ не только тѣснѣе сплотилъ Литву съ Русью, но прямо и непосредственно содѣйствовалъ распространенію въ Литвѣ всего русскаго. Великая заслуга его въ дѣлѣ обрусѣнія Литвы тѣмъ болѣе замѣчательна, что въ язычествѣ онъ не отличался ни вѣротерпимостію, ни кротостію характера,—это былъ въ полномъ смыслѣ кровожадный тиранъ; убійство было для него наслажденіемъ. Волынская лѣтопись такъ характеризуетъ личность этого князя: „бяше у него (Миндовга) сынъ Воишелкъ и дъщи; Воишелкъ же нача княжити въ Новѣгородцѣ, въ поганствѣ буда, и нача проливати крови много: убивашеть бо на всякъ день по три по четыры; которагоже дни неубьяшеть кого, нечаловашеть тогда, коли же убьяшеть кого, тогда веселъ бяшетъ" 1). И такой кровожадный князь, принялъ нетолько православіе, но и монашество. „Вниде, продолжаетъ лѣтописецъ, страхъ Божій въ сердце его, помысливъ себѣ, хотя пріяти святое крещеніе, и крестися ту у Новгородцѣ и нача быти во крестьянствѣ. Потомъ же иде въ Поломнину къ Григорьеви въ монастырь, и пострижеся во

дующемъ, 1265 г., какъ видно изъ другой грамоты, намѣстникомъ полоцкаго княжества былъ Изяславъ, слѣдовательно русскій. Личность этого Изяслава, равно какъ и другаго упоминаемаго въ грамотѣ. пока еще невозможно опредѣлить, развѣ допустить, что первый изъ нихъ—князь полоцкій, о которомъ упоминается въ 1-й Новгород. лѣтописи подъ 6771 годомъ, а второй князь Витебскій, и что оба признавали Воишелга верховнымъ владѣтелемъ (См. грам. отн. до снош. сѣверо-запад. Россіи съ Ригою Ганз. гор, въ XII, XIII и XIV в. изд. Арх. ком. 1861 г.). Для насъ важны эти грамоты, какъ свидѣтельство тѣсной связи между Русью и Литвою; Русь и Литва составляютъ какъ бы одинъ народъ и управляются князьями русскими и литовскими. Эту же связь мы увидимъ и еще не разъ.

2) Вол. лѣтоп. стр. 271.

чернцѣ, и бысть въ монастыри у Григорія три лѣта" 1). Намъ понятна причина столь быстрой въ Воишелкѣ перемѣны послѣ всего сказаннаго нами выше. Тронъ Воишелга окружали русскіе по характеру; всюду, куда бы онъ ни обратился, онъ видѣлъ или природныхъ русскихъ или обрусѣвшихъ литовцевъ. При такомъ положеніи дѣлъ, неудивительно, что Воишелкъ скоро почувствовалъ свое одиночество и постарался исправить ошибку, а прежняя жизнь расположила и къ монашеству. Сдѣлавшись великимъ княземъ, онъ рѣшился установить общею ту вѣру, которую исповѣдывалъ самъ. Съ этою цѣлью, по свидѣтельству лѣтописцевъ, онъ входилъ въ 1265 году въ сношенія съ новгородскимъ княземъ Святославомъ Ярославичемъ, который обѣщалъ прислать въ Литву священниковъ изъ Пскова, такъ какъ они болѣе другихъ знакомы были съ языкомъ и обычаями литовцевъ 2). Но къ этому времени обстоятельства такъ сложились, что уже не одинъ духовный-русскій могъ зайдти въ Литву и подъ покровительствомъ князя проповѣдывать слово Божіе. Этихъ проповѣдниковъ могла доставить Русь нетолько Литовская, но и отдаленнѣйшая, привлекаемая безопаснымъ убѣжищемъ отъ насилія свирѣпыхъ татаръ. Этой же цѣли могли служить, наконецъ, литовскіе эмигранты, крестившіеся на Руси и снова возвращавшіеся на родину; а такихъ эмигрантовъ было очень много. Лѣтопись говоритъ, что, по занятіи Воишелгомъ литовскаго княжескаго престола, триста литвиновъ, съ женами и дѣтьми, спасаясь отъ свирѣпаго князя, бѣжали въ Псковъ, гдѣ и приняли крещеніе: „Литва с триста мужъ и с женами и с дѣтьми вбегоша въ Псковъ и крести я князь Святовлавъ съ попы Пльсковскими" 3). Въ слѣдующемъ—1266 г. послѣдовала новая эмиграція. Довмонтъ, убійца Миндовга, бѣжалъ такъ же въ Псковъ, со всѣмъ домомъ и дружиною: „въ 6774 блаженный же князь Довмонтъ съ дружиною своею со всѣмъ домомъ своимъ, оставивши отечество свое, землю литовскую, и пріѣха въ Псковь, крестися. Сей же князь отъ рода Литовскаго бысть, первѣя имѣя къ идоломъ служеніе по отчи преданію; когда же Богъ

1) Тамъ же.
2) Narb. t. IV str. 230.
3) Врем. Соф. ч. 1. стр. 275.

восхотѣ избрати себѣ люди новы, и вдохну въ онь благодать святаго духа, и взъбну, яко отъ сна, отъ идольскаго служенія, и крещенъ бысть въ церкви Святой Троицы и наречено бысть имя ему Тимоѳей, и бысть радость велика" 1). Весьма вѣроятно, что многіе изъ этихъ эмигрантовъ, по смерти Воишелга, возвратились въ свое отечество и сдѣлались проповѣдниками новой религіи.

Нельзя не видѣть такъ же въ этой эмиграціи новаго доказательства непостредственно близкой связи, какая установилась между двумя народностями въ XIII вѣкѣ. Ни Литва, ни Русь не считаютъ другъ друга чужими, иноплеменниками и при всякомъ домашнемъ нестроеніи оказываютъ другъ другу помощь и покровительство. Взглядъ Руси на Литву, какъ на очень близкое племя, высказался въ лицѣ псковичей, давшихъ Довмонту не только безопасность, но и княжескій столъ; а жизнь и дѣятельность Довмонта какъ нельзя лучше подтвердила безошибочность этого взгляда. Въ жизни его мы не находимъ ни одной черты, которая бы свидѣтельствовала о литовскомъ его происхожденіи; онъ является чисто русскимъ человѣкомъ, съ русскимъ складомъ мысли, съ русскими замашками—широкими и отважными.

Наконецъ самое лучшее доказательство тѣсной связи Литвы съ Русью въ XIII вѣкѣ представляетъ поступокъ Воишелга, отдавшаго великокняжескій литовскій престолъ, конечно, не безъ согласія народа, Шварну Даниловичу галицкому, хотя въ Литвѣ находились владѣтельные князья, природные литвины,—какъ то: Свинторогъ, сынъ его Гермундъ, внуки Гилигинъ, Трабусъ и друг. 2). Это первое соединеніе Литвы съ Русью не могло быть плодомъ дальновидной политики; оно не представляло никакихъ политическихъ выгодъ Литвѣ; потому что владѣнія Шварна были слишкомъ недостаточны для того, чтобы на присоединеніи ихъ основывать слишкомъ большія надежды. Не было это и плодомъ родственной связи; потому что въ избраніи князя участвовала и народная сила, которая едва ли бы

1) Врем. Соф. ч. 1. стр. 275—276.
2) Narb. t. IV. str. 227.

рѣшилась признать своимъ княземъ иноплеменника въ полномъ смыслѣ этого слова. Скорѣе этотъ выборъ есть выраженіе полнаго и всецѣлаго сочувствія литовцевъ къ Руси, подготовленнаго вѣками,—сочувствія, подобнаго тому, которое выразили псковичи по отношенію къ Довмонту. Подобно Довмонту, Шварнъ принятъ былъ Литвою безъ смутъ, тихо, какъ ея соотечественникъ. Смерть Шварна и безсовѣстный поступокъ Льва Даниловича Галицкаго не измѣнили близкихъ отношеній Литвы къ Руси, хотя и остановили окончательное соединеніе этихъ двухъ народностей въ одно могущественное государство на нѣсколько столѣтій. Слѣдующіе за Шварномъ государи Литвы—Тройденъ, 1270—1282, и Витенъ, до 1315, жили въ мирѣ и согласіи съ русскими. „Самъ Витенъ, говоритъ Бѣляевъ, воспитанный въ русскихъ обычаяхъ, не зналъ другой жизни, кромѣ русской и, окруженный съ малолѣтства русскими и обрусѣвшими литовцами, жилъ въ мирѣ и согласіи со всѣми русскими князьями. Границы литовско-русскихъ владѣній оставались старыя, разные города и области, какъ древне-русскіе, такъ и литовскіе управлялись своими князьями или русскими изъ Всеславова потомства и даже изъ другихъ русскихъ родовъ (такъ, Волковыскъ отданъ былъ Мстиславу Владиміровичу, князю волынскому); литовскіе князья иные принимали крещеніе и строили церкви, другіе оставались въ язычествѣ, но всѣ ненавидѣли латинство; бояре и народъ такъ же состояли и изъ православныхъ христіанъ и изъ язычниковъ-литовцевъ, латинства же нетерпѣли, какъ враждебнаго и русской и литовской народности. Русскіе и литвины жили какъ одинъ народъ, какъ братья одной семьи; господствующимъ языкомъ былъ русскій; онъ употреблялся и при дворѣ, и въ дѣлахъ управленія; всѣ образованные литвины говорили и писали порусски, порядки и законы были русскіе. И вся эта страна, начиная отъ крайнихъ восточныхъ границъ до крайнихъ западныхъ, отъ верховьевъ Двины до устьевъ Нѣмана, и отъ границъ Ливоніи до Припети, представляла старую русскую землю, занятую колоніями полочанъ и кривичей, съ старыми заселеніями литвиновъ и съ тою только разницею, что теперь и колонизаторы сравнялись съ старожилами—Литвою и Жмудью, что теперь Литва и Жмудь перестали быть дикарями и окончательно приняли русскую цивилиза-

цію, поселившись среди ея городовъ" 1). Этотъ, вполнѣ справедливый и совершенно безпристрастный взглядъ нашего ученаго на состояніе Литвы по занятіи ею русскихъ владѣній подтверждается свидѣтельствами другихъ ученыхъ, не принадлежащихъ къ русской націи. Такъ, одинъ изъ современныхъ польскихъ писателей, І. Крашевскій говоритъ въ своей исторіи Литвы: „давнымъ давно русскій языкъ вошелъ въ употребленіе въ здѣшней странѣ (т. е. въ Литвѣ) и получилъ первенство предъ литовскимъ. Въ XIII вѣкѣ русскій языкъ былъ въ общемъ употребленіи въ Литвѣ; потому что на немъ удобнѣе было вездѣ объясняться; потому что онъ былъ языкомъ письменнымъ и господствующимъ. Языкъ латинскій и нѣмецкій были употребляемы только въ дипломатическихъ сношеніяхъ, но русскій имѣлъ предъ ними преимущество, вслѣдствіе обширности русскихъ владѣній. Родственныя связи чрезъ супружества, договоры, распространеніе вѣры по греческому обряду усвоивали болѣе и болѣе употребленіе этого языка. Русскій языкъ былъ языкомъ современной жизни, тогда какъ литовскій былъ наслѣдіемъ давно минувшаго. Неудобопримѣнимый къ новымъ потребностямъ, онъ долженъ былъ уступить мѣсто лучше приспособленному языку-русскому;—языкъ умершаго міра долженъ былъ покориться живому языку живыхъ. Величіе вѣры христіанской, провозглашенной этимъ языкомъ, имѣло самое сильное вліяніе. Князья литовскіе стали русскими, за ними послѣдовали дворъ и народъ" 2). Ученый авторъ исторіи польской литературы Михаилъ Вишневскій пишетъ: „всѣ литовскіе лѣтописи писаны порусски, руническихъ же лѣтописей или писанныхъ политовски вовсе не существовало, когда ихъ не отыскалъ даже Матвѣй Стрыйковскій. Литва приняла языкъ болѣе цивилизованной Руси; при дворѣ, въ законодательствахъ, въ дипломатіи—русскій языкъ былъ господствующимъ" 3). Тоже самое говорятъ Ал. Мацѣевскій 4) и Ѳад. Чацкій 5). Этихъ свидѣтельствъ болѣе чѣмъ достаточно

1) Стр. 69. очеркъ ист. сѣверо-запад. края.
2) Litw. 1, 96—97.
3) Hist. Litw. Pol. 1845. t. VII 466.
4) Pierwot. Dzieie Pol. i Lit. 271
5) Собран. соч. Чацк. 47—80.

для того, чтобы вполнѣ убѣдиться въ близкомъ и непосредственномъ вліяніи русской цивилизаціи на дикую и грубую Литву,— вліяніи, начавшемся съ давнихъ поръ чрезъ торговлю и колонизацію, продолжавшемся чрезъ завоеванія литовцами русскихъ владѣній и кончившемся слитіемъ двухъ народностей въ одно сильное и могущественное государство литовско-русское.

Итакъ, основываясь на историческихъ свидѣтельствахъ, мы приходимъ къ заключенію, что торговля Руси съ Литвою, вызвавшая колонизацію въ литовскую землю, завоеваніе литовцами русскихъ областей и поселеніе въ нихъ, произвели то громадное вліяніе на Литву, результаты котораго мы видѣли особенно въ послѣдней половинѣ XIII вѣка. Князья, сановники и народъ говорили и писали порусски; русскій языкъ былъ языкомъ законодательнымъ и судебнымъ,—и „если бы этотъ порядокъ могъ еще продолжиться, замѣчаетъ упомянутый нами польскій писатель Ярошевичъ, то Литва, усвоивъ себѣ русскій языкъ, русскіе обычаи, отчасти русскіе законы, принявъ русскую вѣру съ духовною властію русской церкви, и чрезъ родственныя связи князей входя болѣе и болѣе въ тѣснѣйшій союзъ съ князьями русскими, народность свою язычеcко-литовскую современемъ замѣнила бы народностію христіанско-русскою“ 1). Имѣя это въ виду, намъ ясною покажется послѣдующая политика русскихъ и литовско-русскихъ государей. Всѣ русскіе государи отъ Іоанна Калиты до Петра Великаго и Екатерины II-й ясно, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражали ту мысль, что литовское княжество есть родовая ихъ отчина, пріобрѣтенная многолѣтнимъ кровавымъ трудомъ отцевъ и дѣдовъ ихъ, и потому никогда не заключали вѣчнаго мира съ Польшею (кромѣ Михаила Ѳедоровича), подъ вліяніе которой случайно подпала Литва. Это же постоянно сознавала и самая литовско-русская народность, неоднократно предлагавшая корону русскимъ князьямъ. Борьбу Руси съ Литвою до конца XVI ст. мы не иначе можемъ представить, какъ распрею домашнею, семейною; князья спорили не по личному честолюбію, а вслѣдствіе неизбѣжной необходимости— сплотить русскую народность въ одно цѣлое неразрывное государство.

А. Г—въ.

---

1) Obraz. Lit. t. str. 17.

III.

ОБМОЛВКА И НЕДОМОЛВКА.

Къ 50-лѣтнему юбилею кіевской академіи была составлена профессоромъ ея И. И. Малышевскимъ „Историческая записка о состояніи академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе“,—напечатанная въ „Трудахъ кіевской академіи.“ Въ запискѣ этой много прекрасныхъ очерковъ, дѣльныхъ взглядовъ на науку вообще и богословскую и академическую вчастности, много меткихъ сопоставленій, разграниченій, удачныхъ біографическихъ штриховъ и проч. Но въ этой же самой запискѣ, не чуждой длиннотъ, повтореній, отсутствія системы въ послѣдней ея части, видимо торопившейся къ своему окончанію, есть одна крупная обмолвка и одна недомолвка.

Къ обмолвкѣ я отношу одну фразу: „Иннокентій (покойный архіепископъ херсонскій) былъ въ провѣдяхъ выше, чѣмъ въ богословской своей (?) наукѣ“ (стран. 101). Обмолвку эту я имѣлъ полное право назвать *крупною*: она говоритъ то, что противно истинѣ и чего говорить не слѣдовало. Отразу видно, что авторъ „Записки“ не былъ слушателемъ Иннокентія, что онъ знакомъ съ нашимъ златоустымъ мертвымъ, а не живымъ, и оттого составилъ невѣрное отношеніе Иннокентія оратора къ Инокентію богослову или профессору. Прибавляю: или профессору потому, что не точность фразы г. Малыщевскаго объясняется контекстомъ, изъ котораго видно, что подъ именемъ богословской науки онъ разумѣетъ скорѣе преподаваніе ея Иннокентіемъ, чѣмъ объемъ его богословскаго кругозора, ско-

рѣе разумѣеть то, что Иннокентій давалъ, чѣмъ то, что имѣлъ. Но, чтобы ни разумѣлъ г. Малышевскій подъ относительно-меньшею высотою (?) Иннокентіевой богословской науки, фраза его, повторю, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе истинѣ. Конечно, если судить по образцамъ дѣятельности Иннокентія профессора и Иннокентія проповѣдника, перешедшимъ къ потомству, то г. Малышевскій будетъ почти правъ: первые далеко слабѣе послѣднихъ; но какое возможно сравненіе между печатными проповѣдями и рукописными лекціями Иннокентія? Въ первыхъ видѣнъ весь ораторъ, въ послѣднихъ—слабая только тѣнь профессора, по которой нельзя составить даже приблизительно—вѣрнаго о немъ представленія. Извѣстно, что преосв. Иннокентій лекцій не писалъ, даже не составлялъ имъ *писаннаго* конспекта, что лекціи его были разносторонно-обдуманныя и глубо-прочувствованныя импровизаціи. Эти импровизаціи записывали студенты (точнѣе студентъ И...'.кій) и эти-то записки называются лекціями Иннокентія! Но какъ мало имѣютъ эти бездушныя лоскутья правъ на принадлежность уму и сердцу Иннокентія, это знаютъ *многіе* ученики его. По этимъ лекціямъ такое же можно составить понятіе о профессорѣ, какое можно составить понятіе о физіономіи, красотѣ и душевныхъ качествахъ человѣка по его скелету,—по усохшему стебельку объ украшавшихъ его листьяхъ и цвѣтахъ. Если гдѣ, то особенно на каѳедрѣ профессорской, Иннокентій былъ великимъ, неподражаемымъ, единственнымъ. За исключеніемъ *отчасти* „Послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего Іисуса Христа“, ни одно изъ его произведеній не можетъ сообщить и самаго тусклаго представленія о лекціяхъ Иннокентія. Необыкновенно-гарманическое сочетаніе всѣхъ способностей душевныхъ; настроенныхъ насамые высокіе тоны, издававшихъ невыразимыя, незабвенныя мелодіи, рѣдкая способность нахожденія и сближенія похожихъ и сопостановленія противоположныхъ предметовъ, неподражаемое искуство класть, какъ говорятъ, на ладони рѣшенія самыхъ трудныхъ вопросовъ, относящихся къ сферѣ богословія, психологіи, исторіи, физики, единственное умѣнье окаймлять мысль и чувство всѣмъ,

что можетъ сдѣлать ихъ шире, выше, глубже, задушевнѣе, симпатическая, восторженная, исходившая прямо изъ души дикція,—все это вмѣстѣ производило на студентовъ магическое, невыразимое, чудодѣйственное впечатлѣніе; они не слыхали словъ, фразъ, они видѣли воплощеніе мысли, жизнь чувства. Много уже прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я восторгался вдохновенною импровизаціей приснопамятнаго Иннокентія, а рѣчь его раздается въ моемъ духѣ, а самъ онъ, будто живой, предо мною. Вотъ онъ быстро вошелъ въ аудиторію, остановился предъ иконой, помолился вмѣстѣ съ студентами „Царю небесному, жизни подателю,“ вдохновлявшему пророковъ и апостоловъ, сдѣлалъ общій, приправленный невыразимо-ласковою улыбкою, поклонъ слушателямъ и взошелъ на каѳедру. Все превратилось въ слухъ, всѣ глаза устремились на оратора, въ аудиторіи слышно жужжаніе мушинаго полета. Сперва рѣчь идетъ спокойно, говоритъ одному уму, потому что или кратко резюмируется сказанное въ предыдущую лекцію, или кладутся въ фундаментъ настоящей прочныя основы, предъявляется планъ чтенія, производится анатомія общей темы на ея развѣтвленія. Но вотъ мысль дѣлается частнѣе, свѣтлѣе, чувство восторженнѣе, живѣе; съ ораторомъ происходитъ что то въ родѣ преображенія, лице, изъ блѣдно-розоваго, дѣлается прозрачно-матовымъ, глаза мечутъ молніи, кровь отъ оконечностей устремляется вовнутрь организма, волосы, дожно быть, поднимаются на головѣ его дыбомъ, потому что имъ становится тѣсно въ клобукѣ, послѣдній очутился на каѳедрѣ, и съ этой каѳедры хлынулъ на переиспытывающихъ тѣже фазисы преображенія слушателей каскадъ умственнаго золота и брилліантовъ. Пронзительный звукъ колокольчика давно уже звучитъ подъ самыми дверьми аудиторіи, ораторъ умолкъ 1), а его слу-

1) Большею частію звонокъ заслышитъ бывало самъ Иннокентій и проговоритъ: „пока будетъ,“ а иногда: „какой безпокойный будильникъ“! Однажды, при самомъ стремительномъ потокѣ краснорѣчія оратора, при мертвой тишинѣ въ группѣ студентовъ, послышался шорохъ за печкой, изъ за нея вышла „классическая“ (какъ любилъ выражаться свысока о. экономъ

шатели, словно пораженные эпилепсіей, все еще глядять на него, все еще слушають кого-то. Должно быть, велико было обаяніе лекцій Иннокентія, когда я, всѣ почти послѣдніе три года проведшій въ больницѣ, кое-какъ плелся на лекціи Иннокентія и не проронилъ ни одной изъ нихъ. Да, лекціи его не только преизбыточествовали небывалыми достоинствами краснорѣчія, всевластною силою слова, впечатлительностію чувства, но и обладали тѣмъ нравственнымъ стимуломъ, который находилъ и будилъ къ самодѣятельности засоренныя или дремавшія способности слушателей. Они, послѣ всякой лекціи Иннокентія, выходили не только съ новымъ запасомъ, прошедшихъ всѣ изгибы души, знаній, но и съ какимъ то внутреннимъ озареніемъ, съ теплотою душевною, съ вѣрою въ силу своего творчества. Смѣло можно сказать, что имѣвшіе два—три таланта, съ послѣдней лекціи Иннокентія, возвращались уже обладателями пяти—десяти талантовъ, не оскудѣвавшихъ у нихъ и, съ пользою для церкви и отечества, „куплю дѣявшихъ" до конца жизни.

И можно ли было воспроизвести студентамъ такія лекціи безъ пособія стенографіи? Скорѣе можно схватить лучь солнечный, поймать молнію, чѣмъ списывать лекціи Иннокентія. Много—много, если въ этихъ спискахъ схвачены главныя мысли, если изъ нихъ составился вѣрный конспектъ, скелетъ лекцій, безъ жизни, безъ чувства, безъ цвѣтовъ, безъ аромата. Не удивительно, поэтому, что Иннокентій сжегъ представленный ему подобный списокъ своихъ лекцій; неудивительно, что и я подвергъ тому же ауто-дафе, присланный мнѣ уже на службѣ, однимъ услужливымъ товарищемъ экземпляръ такихъ лекцій. Когда я прочиталъ ихъ и сравнилъ съ тѣмъ, что слышалъ и что сбереглось

академіи І. З.) кошка и улеглась въ центрѣ аудиторіи. Появленіе лишняго слушателя невольно развлекло вниманіе и профессора и студентовъ, нужно было обратить вниманіе на нежданную помѣху, устранить ее: Иннокентій остановился и такъ невыразимо произнесъ: „животное", что студенты моментально забыли лишняго слушателя, спокойно лежавшаго до конца лекціи.

въ моемъ духѣ, онѣ мгновенно очутились въ топившейся печкѣ. По этому, на тѣхъ, которые рѣшились печатать лекціи Иннокентія, я смотрю какъ на возмутителей загробнаго покоя великой души.

И паралель между Иннокентіемъ професcоромъ и Иннокентіемъ ораторомъ не выдержитъ критики. Професcоръ есть тотъ же ораторъ, только лишь стоящій на поприщѣ болѣе широкомъ и благодарномъ, открывающемъ полный и *безпрепятственный* просторъ для дѣятельности силъ душевныхъ вообще и мыслительныхъ въ особенности. Нельзя быть *знаменитымъ* церковнымъ ораторомъ, не будучи знаменитымъ богословомъ, такъ какъ богословіе составляетъ весь почти фондъ церковной проповѣди, даетъ предметъ, который ораторское искуство лишь облекаетъ въ форму, а нерѣдко даетъ готовое даже чувство, которое оратору остается только анализировать и примѣнить къ лицамъ, мѣсту и времени. Эти общія истины, въ приложенiи къ Иннокентію, становятся еще ярче, нагляднѣе и непреложнѣе. Иннокентій, безспорно, былъ первымъ богословомъ своего времени. Не было въ Европѣ новаго замѣчательнаго богословскаго сочиненія, котораго онъ не выписалъ бы и, какъ говорятъ, не проглотилъ. Студенты и наставники первыхъ трехъ Иннокентіевскихъ курсовъ перевели для него съ иностранныхъ языковъ огромныя массы сочиненій. Это не потому, чтобъ Иннокентій не могъ читать подлинниковъ, а потому, что онъ подготовлялъ матеріалы для будущихъ своихъ твореній, перевести которыя въ печать и сознаніе своихъ соотечественниковъ, онъ считалъ тогда неудобнымъ. Его считали даже нѣкоторые неологомъ—не потому, конечно, чтобъ онъ подалъ заслуженный поводъ къ такому прозвищу, а потому, что онъ былъ неизмѣримо выше своихъ цѣнителей и критиковъ, что онъ опередилъ ихъ чуть ли не цѣлымъ вѣкомъ, что его наука, его взгляды, его сближенія, выводы, наведенія, казались для людей, стоявшихъ на низшихъ, сравнительно, ступеняхъ вѣденія, лишенныхъ Иннокентіевскаго генія, вдохновенія и зоркости, странными, немирившимися съ рутиннымъ кругозоромъ.....
Скорѣе можно найдти недостатки въ Иннокентіѣ—проповѣд-

ниѣ, чѣмъ въ профессорѣ. Не въ состояніи будучи,—не смотря на чутье своего генія, вполнѣ уединиться отъ недостатковъ церковнаго краснорѣчія, обязанныхъ своимъ бытіемъ фальшивому вкусу, эфемерной модѣ той эпохи,— Иннокентій не чуждъ былъ казистости, аффектаціи, желанія щегольнуть остроуміемъ, контрастами и другими модными цвѣтами краснорѣчія, производившими замѣтное, порою сильное, хоть и не долговѣчное впечатлѣніе. Да, смерть слишкомъ рано для церкви, для Россіи унесла Иннокентія въ страну иную!..

Это обмолвка „Исторической записки о состояніи кіевской академіи въ минувшее пятидесятилѣтіе"; недомолвка столько же, если не больше, незаслуженна и прискорбна. Подъ ея именемъ, я разумѣю полнѣйшее умолчаніе въ „Исторической запискѣ" о той личности, которая, въ теченіи послѣдней четверти столѣтія, стояла въ группѣ самыхъ передовыхъ дѣятелей русскихъ, которая на всѣхъ постахъ разнороднаго служенія церкви и отечеству, была украшеніемъ служебныхъ мѣстъ. Я думаю, многіе догадаются, о какой личности говорю я—прежде, чѣмъ назову ее по имени, а тѣмъ, которые не могутъ или *не желаютъ* догадаться, я скажу, что говорю о бывшемъ покойномъ профессорѣ академіи, каѳедральномъ кіевскомъ протоіереѣ, предсѣдателѣ св. Владимірскаго братства Григоріѣ Никифоровичѣ Крамаревѣ. Уже изъ одной этой титуляціи видно, что о. Крамаревъ принадлежалъ къ числу людей, достойныхъ памяти и вниманія потомства. Но дѣло не въ одной титуляціи, а въ возвышенныхъ качествахъ человѣка, гражданина, пастыря церкви, какими обладалъ Григорій Никифоровичъ. Къ нему меньше всего примѣнимъ конецъ извѣстнаго латинскаго афоризма: de mortuis aut bene, aut nihil. Между тѣмъ, „Историческая записка", удѣляя значительную долю вниманія личностямъ довольно обыкновеннымъ, пускаясь порою въ анекдотическія біографическія подробности о дѣятеляхъ третье-степенныхъ,—ни единымъ намекомъ не удостоила приснопамятнаго, не въ одномъ только Кіевѣ, Григорія Никифоровича Крамарева, свѣжая могила котораго должна бы что нибудь сказать, если не сердцу, то хоть

памяти автора „записки“. Если мы видимъ въ печати (не одной даже духовной) біографіи достойныхъ пастырей сельскихъ, то тѣмъ болѣе заслуживаетъ ее та личность, о которой забылъ авторъ „Историчесяой записки.“ Не имѣя возможности прослѣдить многоплодную жизнь и дѣятельность протоіерея Крамарева во всѣхъ ихъ фазисахъ, я считаю себя обязаннымъ пополнить пробѣлъ „Историческихъ записокъ“ на столько, насколько то позволяютъ теперв настоящія мои многосложныя занятія.

Получивъ отъ природы счастливыя способности и присоединивъ къ нимъ надлежащее трудолюбіе, Григорій Никифоровичъ окончилъ академическій курсъ блестящимъ образомъ. По недостатку свободной наставнической каѳедры въ академіи, онъ былъ, на короткое время, посланъ наставникомъ въ волынскую семинарію. Но лишь только открылось вакантное мѣсто баккалавра по церковной исторіи, онъ тотъчасъ былъ переведенъ въ академію. Новое поприще своего служеніъ, сперва въ званіи баккалавра, потомъ экстраорд. профессора, онъ проходилъ съ обычною ему энергіей, трудолюбіемъ и успѣхомъ. Кромѣ научнаго прогресса и свѣта, какіе умѣлъ о. Крамаревъ вносить во всякую сферу своей дѣятельности, онъ унаслѣдовалъ отъ своего наставника—Иннокентія какъ живость, увлекательность преподаванія, задушевность дикціи (даже прононсъ), такъ и способность расшевеливать и подмѣчать особенности талантовъ у студентовъ и возбуждать въ нихъ энергію къ самодѣятельности. Съ болѣе талантливыми студентами онъ входилъ въ интимныя отношенія, руководилъ ихъ занятіями, указывалъ точки зрѣнія на предметы сочиненій, предостерегалъ отъ промаховъ и увлеченій. За то и студенты платили ему своею любовью и довѣріемъ.

Хотя составитель „Исторической записки“ не отвелъ Григорію Никифоровичу даже послѣдняго мѣста въ группѣ сотрудниковъ „Воскреснаго чтенія;“ но долгъ справедливости заставляетъ меня утверждать, что, въ 40 и первой половинѣ 50 годовъ, онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ вкладчиковъ нравственнаго капитала въ это изданіе, и что вкладъ его всегда составлялъ крупное, если не количествен-

ное, то качественное, достояніе журнала, потому что всѣ сочиненія Григорія Никифоровича отмѣчены печатью таланта, согрѣты тою живостью и теплотою, озарены тою правдою и благонамѣренностію, которыя составляли прирожденныя примѣты этого энергичнаго и добраго человѣка. Но, о. Крамаревъ украшалъ своими сочиненіями не одно „Воскресное чтеніе:“ и „Вѣстникъ западной Россіи,“ и „Руководство для сельскихъ пастырей“, и другія изданія пользовались авторскими плодами его небольшаго досуга, среди разнообразнаго служенія церкви и отечеству. Говорю: украшалъ, потому что о. Крамаревъ не способенъ былъ заниматься поставкою балласта для изданія, писать для полученія большей построчной платы, утомлять и усыплять скучнымъ разглагольствованіемъ: во всѣхъ его сочиненіяхъ видны явственные слѣды его прекрасно-своеобразной натуры, проникнуты нетерпѣливымъ и успѣшнымъ усиліемъ поставить читателя на свою свѣтлую, высоконравственную точку зрѣнія, во всѣхъ, говорю, его сочиненіяхъ видны пріемы любимаго ученика Иннокентіева.

Проникнутый глубоко религіознымъ настроеніемъ, Григорій Никифоровичъ принялъ іерейскій санъ. Тогда для его дѣятельности открылось болѣе широкое и плодоносное поле: онъ былъ опредѣленъ настоятелемъ университетской церкви, законоучителемъ института благородныхъ дѣвицъ, оставаясь до нѣкотораго времени профессоромъ академіи и, до конца жизни, членомъ ея конференціи. Оставивъ, законоучительство въ институтѣ и настоятельство въ университетѣ, о. Крамаревъ былъ назначенъ ключаремъ, а по смерти Ивана Михайловича Скворцова, каѳедральнымъ протоіереемъ кіево-Софійскаго собора. Я прохожу молчаніемъ второстепенные и, такъ сказать, случайныя занятія и должности, какіе поручало ему духовное начальство,—какъ напр., должность благочиннаго кіево-подольскихъ церквей, члена комитета при св. Ѵнодѣ, занимавшагося первоначально реформою духовно-учебныхъ заведеній и друг. На всѣхъ этихъ поприщахъ Григорій Никифоровичъ служилъ вѣрой и правдою, сообразно своей честной совѣсти и нерѣдко строгому до ригоризма взгляду на исполне-

ніе своего долга и святости присяги. Онъ любилъ вносить въ сферу своихъ служебныхъ и житейскихъ отношеній пріемы наставника. Рѣдкій даръ слова смягчалъ рѣзкія нерѣдко ноты диктаторскаго его тона, которыя въ другомъ человѣкѣ были бы неестественны, неумѣстны. Во всѣхъ его мысляхъ и дѣйствіяхъ поражало вниманіе неуклонное служеніе правдѣ, въ самомъ широкомъ значеніи этого слова. Если можно окачествить личность покойнаго Григорія Никифоровича одной фразой то развѣ словами: *мужъ правды*. Правда была его девизомъ, душой его жизни, другомъ его, какъ лица должностнаго, и врагомъ его, какъ человѣка житейскаго. Когда нужно было постоять за дѣло истины, для него не существовало различія лицъ и мѣстъ. Оттого люди съ мелочнымъ самолюбіемъ, съ излишнимъ самомнѣніемъ, съ сомнительною честью и совѣстью, не пользовались его дружбою и, въ свою очередь, при добрыхъ иногда снаружи къ кему отношеніяхъ, не были искренними друзьями этого друга правды.

Если гдѣ либо Григорій Никифоровичъ „благовѣствовалъ силою многою“ слово истины, то это на каѳедрѣ церковной. Его слова и рѣчи преисполнены всѣми достоинствами церковнаго краснорѣчія. Его болѣе, чѣмъ кого-либо другаго, можно назвать самымъ удачнымъ подражателемъ Иннокентія. Задушевность, сила, живость, жизненность, изящество изложенія—сообщали его проповѣди впечатлительность, убѣдительность и какое то неодолимое обаяніе. Прекрасная, внятная, восторженная декламація, умѣвшая съ рѣдкимъ искуствомъ и силою обозначить курсивъ рѣчи, подыматься въ мѣстахъ патетическихъ, безъ натуги и крикливости, до самыхъ высокихъ нотъ его голоса, дополняли это обаяніе. О. Крамаревъ не любилъ въ проповѣдяхъ догматизма, теорій, весьма справедливо считая ихъ достояніемъ учено-богословскихъ разсужденій. Я не даромъ въ число качествъ его церковн. краснорѣчія включилъ и жизненность: всякая его проповѣдь была практическаго направленія, имѣла прямое и рѣзкое приложеніе къ жизни. Будучи энергическимъ и неподкупнымъ служителемъ правдѣ, онъ вносилъ это служеніе и въ свою проповѣдь. От-

того большинство его словъ и рѣчей—обличительнаго характера, служившаго не разъ источникомъ непріятностей для проповѣдника, исходившихъ отъ людей, которые видѣли въ его проповѣди зеркало, отображавшее ихъ нравственную физіономію. Оттого когда говорилъ о. Крамаревъ, прекращались собесѣдованія съ знакомыми, всѣ тѣснились поближе къ проповѣднику, все обращалось въ слухъ и вниманіе; во время его проповѣданія никогда нельзя было замѣтить того грустнаго явленія, которое невольно заставляетъ иногда противопоставлять проповѣдь колоколу церковному: послѣдній призываетъ въ церковь, а первая нерѣдко прогоняетъ изъ церкви.

Обладая отъ природы способностію къ быстрому соображенію и рѣдкимъ даромъ слова, упражняясь въ церковной проповѣди чаще другихъ,—онъ пріобрѣлъ навыкъ—говорить безъ приготовленія. Въ этихъ импровизаціяхъ едва-ли небольше было свѣжести и воодушевленія, чѣмъ въ писанныхъ поученіяхъ о. Крамарева; такими вдохновенными импровизаціями оглашались своды кіево-Софійскаго собора на раннихъ обѣдняхъ. Въ храмѣ тогда было тѣсно. Тѣ, которые знали, что Григорій Никифоровичъ принялъ на себя миссію поучать истинѣ и добродѣтели во время раннихъ литургій въ каѳедральномъ соборѣ, не обращая вниманія ни на погоду, ни на разстояніе, торопились усладить свою душу его собесѣдованіемъ. Частое и плодоносное провозвѣстіе слова Божія, въ совокупности съ заслугами учеными, поставило—было о. Крамарева на прямой дорогѣ къ полученію степени доктора богословія, которой, впрочемъ, онъ не удостоился получить, по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ его достоинствъ и правъ на ея полученіе.

Такія возвышенныя качества ума и сердца, такая многоплодная и разносторонняя дѣятельность о. Крамарева пріобрѣли ему любовь и уваженіе рѣдкаго знатока и цѣнителя людей, богомудраго святителя кіевскаго Арсенія и всѣхъ *истинныхъ* друзей Россіи и православія; такія достоинства Григорія Никифоровича были причиною, между прочимъ и того, что, не смотря на высоту кіевской интеллигенціи на пестроту кіевскаго общества, на разность, нерѣдко про

тивоположность убѣжденій его недѣлимыхъ, онъ оставался предсѣдателемъ кіевскаго св. Владимірскаго братства 1), отъ начала его учрежденія до самой своей кончины. Расходившіеся во многомъ члены и братья этой корпораціи, сходились въ одномъ—что въ Кіевѣ не было личносси болѣе о. Крамарева достойной этого высокаго служенія церкви и обществу.

Тотъ, кто захотѣлъ бы объяснять настоящую характеристику Григорія Никифоровича ближними моими къ нему отношеніями, обнаружилъ бы самую жалкую подозрительность и нанесъ двойное, безпричинное оскорбленіе и мертвому, и живому. Жизнь о. Крамарева такъ была открыта, дѣятельность его была такъ общеизвѣстна и общеуважаема, что пристрастіе или преувеличеніе дѣлаются даже не возможными въ его біографіи. Я счастливъ только тѣмъ, что близость моихъ къ нему отношеній давала мнѣ возможность лучше другихъ изучить этого рѣдкаго человѣка, и сожалѣю только о томъ, что я слишкомъ слабо, сжато и торопливо обрисовалъ его качества и дѣятельность.

И. Э......ъ

---

1) Григорій Никифоровичъ, вмѣстѣ съ пишущимъ это, были въ числѣ 5-ти учредителей этого братства.

IV.

КЪ БІОГРАФІИ
МИТРОПОЛИТА ЛИТОВСКАГО
ІОСИФА.

Извлеченіе изъ отчета г. Оберъ-прокурора св. Сѵнода, графа Д. А. Толстаго за 1868 годъ.

Кончина митрополита литовскаго Іосифа послѣдовала чрезъ годъ съ небольшимъ послѣ того, какъ скончался митрополитъ московскій Филаретъ. Такъ скоро, одинъ за другимъ, переселились эти два великіе святителя русской православной Церкви, полвѣка подвигомъ добрымъ подвизавшіеся для ея славы и блага. Дѣятельность святителя московскаго обозрѣна въ предшествующемъ отчетѣ; нынѣ предстоитъ изложить, въ главныхъ чертахъ, дѣятельность святителя литовскаго.

Вся жизнь покойнаго митрополита Іосифа посвящена была одному великому дѣлу—возсоединенію съ православною церковію, нѣкогда насильственно отторгнутыхъ отъ нея, полутора милліоновъ греко-уніатовъ, и за тѣмъ утвержденію православной вѣры и русской народности въ западномъ краѣ.

По собственнымъ словамъ покойнаго митрополита Іосифа, родившись въ Кіевской губерніи отъ уніатскаго священника, но среди православнаго населенія, и ходя постоянно, въ младенческомъ возрастѣ, къ богослуженію въ мѣстную православную церковь, онъ изъ дѣтства прывыкъ питать чувства приверженности къ грекороссійской церкви, которой чадами нѣкогда были его предки. Этихъ чувствъ не ослабили въ немъ латино-польскія школы, гдѣ Іосифъ получилъ образованіе; напротивъ, раз-

мышленіе, изысканіе и потомъ опытность болѣе зрѣлыхъ лѣтъ убѣдили его совершенно: въ неизмѣнной чистотѣ вѣры греко-восточной церкви, въ нововведеніи римскою церковію догматовъ и постановленій, древней церкви неизвѣстныхъ, а также въ гибельныхъ послѣдствіяхъ возникшей въ Польшѣ уніи, какъ для отечества, такъ и для самихъ уніатовъ. Это убѣжденіе, по свидѣтельству митрополита, совершилось въ немъ въ 1826 году, чрезъ шесть лѣтъ послѣ окончанія курса въ главной семинаріи, бывшей при виленскомъ университетѣ, и онъ тогда же принялъ непоколебимое намѣреніе присоединиться къ прародительской греко-россійской православной церкви; но открывшіяся вскорѣ послѣ того обстоятельства заставили его думать, что онъ можетъ быть полезнымъ благому дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, и онъ отложилъ до времени исполненіе личнаго своего намѣренія.

Іосифъ въ то время былъ каноникомъ, и уже четыре года состоялъ членомъ римско-католической коллегіи, въ С.-Петербургѣ, по уніатскому ея департаменту. Здѣсь ему выяснились всѣ гоненія претерпѣваемыя уніятскою церковію, а къ завѣтному желанію возвращенія не только собственнаго, но и всего уніатскаго народа на лоно православія, присоединялась надежда на счастливый исходъ этого великаго дѣла. Она сказалась въ его душѣ со вступленіемъ на престолъ блаженныя памяти императора Николая I, и еще болѣе усилилась съ появленіемъ Высочайшаго указа 18 октября 1827 года, предписывавшаго: наблюдать, чтобы уніаты не были обращаемы въ латинство; не допускать въ уніатское монашество латинянъ во множествѣ устремлявшихся принять оное единственно въ видахъ пропаганды и корысти; учредить училища для обученія дѣтей греко-уніатскаго духовенства, получавшихъ дотолѣ образованіе подъ гнетущимъ вліяніемъ латинскаго духовенства, жаждавшаго, вмѣстѣ съ поляками, путемъ обученія растлить въ грего-уніатскомъ духовенствѣ, а чрезъ него и въ народѣ, и вѣру и народность.

Обрадованный появленіемъ этого указа и въ немъ предусматривая свѣтлую зарю желанной ясной будущности греко-уніятской церкви, молодой каноникъ Іосифъ тогда же (1827 г.) рѣшился представить справедливому и мудрому вниманію Державнаго Вѣнценосца истинное положеніе своей церкви. Имъ

составлена и, по начальству, представлена была на Высочайшее усмотрѣніе записка. Въ этой замѣчательной запискѣ Іосифъ, изложивъ все бѣдственное положеніе современной уніатской церкви подъ гнетомъ римско-католической іерархіи и особенно базиліанскаго ордена, представлялъ, что въ недалекомъ будущемъ грозитъ опасность совершеннаго совращенія полутора милліона уніатовъ въ латинство, и умолялъ отдѣлить уніатовъ, какъ можно больше, отъ римлянъ, отъ вліянія базиліанскаго ордена, особенно же привести въ дѣйствіе Высочайшую волю относительно учрежденія училищъ для уніатскаго духовнаго юношества. „Стоитъ дать, посредствомъ воспитанія, надлежащее направленіе умамъ духовенства полутора тысячъ уніатскихъ приходовъ, и народъ легко пойдетъ путемъ пастырями своими указываемымъ“,—писалъ Іосифъ; настаивалъ же онъ въ своей запискѣ на непремѣнномъ исполненіи этой мѣры потому, что видѣлъ, по его словамъ, уже не разъ „распоряженія правительства по части католическаго исповѣданія не достигшими преднамѣренной цѣли, и невольно опасался, дабы и сіе не осталось втунѣ по проискамъ интереса, ревностію къ вѣрѣ прикрываемаго, и недосмотру мѣстныхъ властей“.

Это было первое заявленіе Іосифа передъ правительствомъ, сильное, настойчивое, исполненное, по его словамъ „смѣлости, можетъ быть слишкомъ далеко простертой; но да простится сіе, прибавлялъ онъ, тому усердію и ревности, съ каковыми я желалъ бы видѣть полтора милліона истинно-русскаго народа ежели не соединеннымъ, то по крайней мѣрѣ, приближеннымъ, ежели не совершенно дружнымъ, то и не враждебнымъ къ старшимъ своимъ братьямъ—видѣть сей народъ усерднымъ къ вѣрѣ своихъ предковъ, пользамъ своего отечества, къ службѣ общаго отца-Государя“.

Вѣнценосный Отецъ выслушалъ грячую мольбу вѣрноподданнаго сына, и не далѣе какъ въ первой половинѣ слѣдующаго года (22 апрѣля 1828 г.) состоялся Высочайшій указъ какъ бы въ отвѣтъ на записку Іосифа. Этимъ указомъ предписывалось: образовать для управленія уніатами особую духовную коллегію, совершенно независимую отъ римско-католической; учредить подъ вѣдѣніемъ оной, вмѣсто бывшихъ четырехъ, двѣ епархіи: бѣлорусскую и литовскую, и при нихъ—

консисторіи; всѣ базиліанскіе монастыри подчинить архіер ямъ этихъ епархій и консисторіямъ; въ каждой изъ эти епархій учредить семинаріи и низшія училища.

Съ изданіемъ этого указа, дѣятельность Іосифа на пол предпринятаго имъ дѣла принимаетъ широкіе размѣры. О отражаетъ появившіеся вскорѣ противу упомянутаго ук протесты со стороны римскаго двора. Въ качествѣ члена восозданной греко-уніатской коллегіи, Іосифъ руководитъ дѣятельностію и достигаетъ между прочимъ того, что въ 18 г. всѣ уніатскіе епископы, собравшись въ этой коллегіи, ставляютъ соборное опредѣленіе о томъ, чтобы принять богослуженія въ руководство книги, употребляемыя правосл ною церковію, устроить въ уніатскихъ храмахъ иконост и завести утварь и облаченіе по примѣру греко-восточной ц кви. Въ санѣ епископа литовской уніатской епархіи, Іоси самъ приводитъ въ строгое исполненіе указъ 22 апрѣля 18 г. и упомянутое положеніе греко-уніатской коллегіи; по по ченію правительства, обозрѣваетъ бѣлорусскую епархію, вс тривается въ положеніе тамъ уніатскаго дѣла и представл соображенія о мѣрахъ къ наилучшему направленію его для стиженія одной для обѣихъ епархій общей цѣли возсоедин уніатовъ.

Изумительна, за это время, дѣятельность Іосифа по товской епархіи и по обозрѣнію бѣлорусской, значительно двинувшая впередъ дѣло возсоединенія! Въ короткій пер времени, именно съ 1833 г. по 1837 годъ, литовская е хія какъ бы перeach родилась подъ неотразимымъ вліяніемъ І фа, за всѣмъ зорко слѣдившаго, неотступно настаивавша проницательно предусматривавшаго и отстранявшаго все, сколько нибудь могло препятствовать осуществленію св дѣла.

Такъ какъ къ уніатскому исповѣданію принадлежал чти одинъ простой народъ, а для него наружность состав по соображеніямъ Іосифа, едва ли не важнѣйшее препя обращенія къ православію, то Іосифъ находилъ нужнымъ де всего возстановить по уніатскимъ церквамъ устройст обряды богослуженія, свойственныя греко-россійской ц Мѣру эту преосвященный Іосифъ находилъ нужнымъ пр

въ дѣйствіе прежде другихъ мѣръ и потому особенно, что она, при всей своей практической важности, не касалась догматическихъ оснований вѣры и не представляла ни уніатскому духовенству, ни римлянамъ, никакого основательнаго повода къ противодѣйствію или къ справедливымъ жалобамъ.

Начато было съ иконостасовъ. Ихъ было до 1833 г. въ литовской епархіи только 123, а въ указанномъ году преосвященный Іосифъ назначилъ сто десять лучшихъ приходскихъ церквей для сооруженія въ нихъ иконостасовъ въ теченіи одного года, подъ отрѣшеніемъ, въ случаѣ неисполненія этого распоряженія, настоятелей сихъ церквей отъ приходовъ. Мѣра эта оказалась успѣшною и съ одной стороны устранила предлогъ къ отговоркамъ прочаго духовенства, а съ другой—дала преосвященному Іосифу, по его объясненію, болѣе смѣлости требовать содѣйствія мѣстныхъ гражданскихъ начальствъ къ устройству иконостасовъ по остальнымъ бѣднѣйшимъ церквамъ, такъ что въ 1837 году, кромѣ помянутыхъ 123 иконостасовъ, ими снабжено было 641 приходскихъ или приписныхъ церквей, и осталось безъ иконостасовъ только 15 приходскихъ церквей, большею частію требовавшихъ предварительной капитальной починки. Вмѣстѣ съ устройствомъ иконостасовъ упразднены были какъ главные, такъ и боковые престолы, бывшіе въ уніатскихъ церквахъ, по обыкновенію римлянъ, у стѣнъ церковныхъ. На мѣсто первыхъ сооружено 774 престола, по правиламъ восточной церкви, среди олтаря; послѣднихъ же упразднено 732. Кромѣ того проданы или разобраны бывшіе по приходскимъ и монастырскимъ церквамъ органы въ числѣ 117, и упразднено 414 амвоновъ, безобразившихъ только церкви. Дискосовъ въ литовской епархіи преосвященный Іосифъ нашелъ только 2, звѣздницъ 25 и копій 2. Въ теченіи же четырехъ первыхъ лѣтъ управленія преосвященнаго Іосифа епархіею сдѣлано вновь: дискосовъ 748; звѣздницъ 705; копій 767, знаменщиковъ, коихъ совсѣмъ не было, 760; пріобрѣтено плащаницъ 148. Приличныя ризы едва находились въ 94 церквахъ,—сдѣлано ихъ вновь для 517 церквей. Святые Дары хранились въ цимборіяхъ и пушкахъ (чаши съ крышкою), по римскому обыкновенію; взамѣнъ ихъ пріобрѣтены дарохранительницы для 503 церквей. „Мнѣ пріятно было видѣть, писалъ

преосвященный Іосифъ, что и вновь сдѣланные по церквамъ сосуды и утвари, по большей части изъ Москвы выписанные, и для тамошнихъ мѣстъ довольно красивые, дѣлаютъ удовольствіе народу и располагаютъ оный къ благой цѣли". На покрытіе отчасти издержекъ по пріобрѣтенію означенныхъ выше сосудовъ и утварей обращены были преосвященнымъ Іосифомъ бывшія при уніатскихъ церквахъ такъ называемыя монстранціи, употреблявшіяся, по римскому обыкновенію, для ношенія Св. Даровъ во время крестныхъ ходовъ, чѣмъ, по замѣчанію преосвященнаго Іосифа, не только упразднился самымъ дѣломъ таковый несвойственный восточной церкви обрядъ, но и какъ бы остался безъ дѣйствія праздникъ Тѣла Христова, уніатами у римлянъ заимствованный".

Совокупно съ этими матеріальными преобразованіями слѣдовало возстановленіе богослуженія, до невѣроятности искаженнаго. Здѣсь, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, не только нужно было наставлять духовенство въ правилахъ и обрядахъ богослуженія, но большую часть его учить понимать даже обѣдню, учить пѣнію, правильному произношенію и самому чтенію. Ближайшее наученіе духовенства возложено было на благочинныхъ, предварительно поставленныхъ и испытанныхъ предъ епархіальнымъ начальствомъ. Чтобы усилить успѣхъ этого дѣла, преосвященный Іосифъ назначилъ священникамъ, для той же цѣли, бывать лично при каѳедральномъ соборѣ по очереди или по особымъ случаямъ. Въ теченіи четырехъ лѣтъ перебывало такимъ образомъ священниковъ при соборѣ четыреста тридцать одинъ.

Для введенія однообразія въ богослуженіи и для сближенія уніатовъ съ православными, розданы по всѣмъ уніатскимъ церквамъ служебники и книги молебныхъ пѣній, печатанные въ Москвѣ для церквей православныхъ. Отдаленною цѣлію раздачи сихъ книгъ было также выведеніе изъ употребленія искаженныхъ уніатскихъ служебниковъ; а такъ какъ изъ этихъ служебниковъ читались также евангеліе и апостолъ, въ большей же половинѣ церквей литовской епархіи этихъ священныхъ книгъ уже не имѣлось, то для такихъ церквей пріобрѣтены преосвященнымъ Іосифомъ евангеліе и апостолъ московской печати. За симъ сдѣланъ былъ уже опытъ изъятія изъ употребленіи уніат-

скихъ служебниковъ, по одному благочинію (новогрудскому), заключавшему въ себѣ 56 церквей. Отобраны были почти всѣ служебники, въ числѣ 120, и отданы для храненія въ каѳедральный соборъ безъ малѣйшаго, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, сопротивленія. Распространенію тогда этой мѣры на всю епархію препятствовало то, что при большей части церквей не имѣлось октоиховъ, миней и тріодей, безъ коихъ нѣкоторыя церковныя моленія должны были, по необходимости, заимствоваться изъ прежнихъ уніатскихъ служебниковъ.

Въ видахъ возстановленія правильнаго богослуженія по всѣмъ уніатскимъ церквамъ литовской епархіи, принимались преосвященнымъ постоянно мѣстныя мѣры къ образованію наличныхъ причетниковъ; кромѣ того, они обучались въ особомъ училищѣ при каѳедральномъ соборѣ. Въ теченіи трехъ лѣтъ изъ этого училища выпущено 150 дьячковъ. Изъ нихъ 57-мъ опредѣлены къ церквамъ, вовсе не имѣвшимъ дьячковъ, а остальные отпущены на прежнія ихъ мѣста. Оставалось еще 237-мъ церквей, при коихъ не было штатныхъ дьячковъ, почему не могли еще быть воспрещены вездѣ читанныя обѣдни, называвшіяся мшами. По отношенію къ такимъ церквамъ, въ видѣ предварительной мѣры, предписано было, чтобы на этихъ обѣдняхъ сохранялись всѣ обряды правильнаго богослуженія. За исключеніемъ этихъ церквей, заимствовавшихся, впрочемъ, иногда, сторонними дьячками, богослуженіе, особенно литургія, по прочимъ церквамъ заведено было въ достаточномъ порядкѣ и, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, часъ отъ часу утверждалось, къ удовольствію самаго народа, смотрѣвшаго прежде съ недовѣрчивостію на производившіяся въ его глазахъ перемѣны.

Между тѣмъ преосвященнымъ предпринимаемы были мѣры, долженствовавшія дѣйствовать и направлять все по епархіи къ благой цѣли. Такъ, каѳедральный жировицкій соборъ, съ самаго начала управленія преосвященнымъ Іосифомъ литовскою епархіею, по случаю новой отдѣлки его, очищенъ отъ наполнявшихъ его принадлежностей римскаго богослуженія и устроенъ по правиламъ восточной церкви. Къ этому собору назначенъ штатъ изъ свѣдущихъ въ богослуженіи духовныхъ лицъ, извѣстныхъ своимъ благоразуміемъ и благонадежностію. Тутъ правильное богослуженіе и обряды онаго возстановлялись по-

степенно съ должною осмотрительностію; духовенство, сюда стекавшееся, прилѣплялось къ нимъ одною привычкою и разносило по епархіи здравыя понятія, такъ что преосвященный Іосифъ не имѣлъ нужны издавать преждевременныя общія распоряженія, а сѣялъ, по его выраженію, на приготовленные уже умы. Далѣе, со вступленіемъ на литовскую епархію, преосвященный Іосифъ очистилъ, подъ благовидными предлогами, консисторію и семинарію отъ бывшихъ въ нихъ нѣсколькихъ неблагонадежныхъ лицъ, и съ того времени оба эти мѣста сдѣлались самыми полезными орудіями благаго дѣла. Точно также, въ самомъ началѣ управленія литовскою епархіею, преосвященный Іосифъ учредилъ епархіальныхъ экзаминаторовъ и назначилъ на эти должности шесть изъ первѣйшихъ членовъ консисторіи и правленія семинаріи. Они собирались по временамъ и совмѣстно испытывали назначаемыхъ для того священниковъ въ свѣдѣніяхъ, необходимыхъ вообще для духовнаго лица, а въ особенности—въ знаніи правильнаго богослуженія. Эта мѣра, по свидѣтельству преосвященнаго, оказалась весьма полезною не только къ доброму направленію умовъ и распространенію по епархіи здравыхъ понятій, но также для возстановленія, безъ крутыхъ мѣръ, чрезвычайно ослабѣвшей между духовенствомъ дисциплины; довольно было, говорилъ преосвященный, подвергнуть какого либо безпокойнаго священника испытанію и обличить въ невѣжествѣ, чтобы сдѣлать его смирнымъ и лишить вліянія на духовенство,

Приготовляя такимъ образомъ средства епархіальнаго управленія и направленія умовъ, преосвященный Іосифъ заботился о томъ, чтобы сдѣлать уніатское духовенство по возможности русскимъ, приблизить его къ системѣ іерархическаго управленія греко-россійской церкви, убѣдить въ истинѣ вѣры, исповѣдуемой сею церковію. Въ видахъ введенія между уніатами употребленія русскаго языка, преосвященный, не останавливаясь на ожиданіи медленныхъ послѣдствій воспитанія духовнаго юношества въ семинаріяхъ и духовныхъ училищахъ, съ самаго начала управленія литовскою епархіею, всѣ распоряженія и предписанія чрезъ консисторію и благочинныхъ дѣлалъ на русскомъ языкѣ; равно и къ нему всѣ представленія, рапорты и прошенія представлялись только на русскомъ языкѣ; на томъ же языкѣ велись всѣ

священниками метрическія книги. Чтобы разогрѣть уніатское духовенство чувствомъ русскаго духа—возобновлялась, при всякомъ возможномъ случаѣ, память русскаго происхожденія уніатовъ, понесенныя ими отъ поляковъ угнетенія, и отеческое попеченіе русскаго правительства объ уніатахъ. „Могу увѣрить, писалъ преосвященный, что, чуждая прежде, мысль—гордиться именемъ и происхожденіемъ русскаго, нынѣ драгоцѣнна для весьма значительной части подчиненнаго мнѣ духовенства". Для охлажденія отношеній этого же духовенства къ латинянамъ—представлялись ему постоянныя усилія сихъ послѣднихъ къ уничтоженію и истребленію уніатовъ, возобновлялись пріостановленныя разныя дѣла между уніатами и римлянами, а особенно о возвращеніи опять въ унію совращенныхъ римлянами уніатовъ; объяснялось также, что уніаты держатся противъ преобладанія латинянъ единственно защитою русскаго правительства и законовъ, изданныхъ въ охраненіе православнаго исповѣданія. Чтобы сближать и часъ отъ часу болѣе напоминать единство уніатовъ съ православными—вводились постепенно постановленія греко-россійской церкви: заведно управленіе посредствомъ консисторіи; упразднены прежнія римскія канцелярскія формы; введены ставленническія граматы на славянскомъ языкѣ по формѣ, употребляемой въ православной церкви; возобновлено забытое уніатами посвященіе въ протопресвитеры и игумены, а также въ низшія причетническія должности; назначены по многимъ церквамъ діаконы; возстановлено благословеніе отличнѣйшихъ духовныхъ набедренниками. Чтобы ознакомить духовенство съ мыслію лишиться папы—уничтожена присяга на вѣрность папѣ, произносившаяся уніатами-священниками предъ рукоположеніемъ, а также предъ назначеніемъ въ настоятели; введена присяга предъ рукоположеніемъ въ самомъ каѳедральномъ соборѣ по формѣ, употребляемой въ греко-россійской церкви; велѣно производящимся въ настоятели произносить вѣрноподданническую присягу въ самой консисторіи; введено первоначально именованіе папы въ церковныхъ коленіяхъ *вселенскимъ*, а потомъ при большихъ входахъ на литургіи, преосвященный уже вовсе не поминалъ папы. Чтобы убѣдить духовенство въ православіи греко-россійской церкви, распространялись здравыя понятія преимущественно чрезъ словесныя

наставленія и внушенія благонадежныхъ должностныхъ лицъ: раздавался священникамъ изданный отъ святѣйшаго Сѵнода пространный катихизисъ; распространены между духовенствомъ извѣстные разговоры о православіи греко-россійской церкви, сочиненіе митрополита Филарета. Самая раздача служебниковъ московской печати употреблена преосвященнымъ Іосифомъ какъ средство догматическое. При открытіи по сему случаю нѣкотораго противодѣйствія, преосвященный Іосифъ назначилъ брать отъ вызываемыхъ къ каѳедральному собору священниковъ безусловныя подписки въ томъ, что они будутъ служить по этимъ служебникамъ. Такія подписки въ 1837 г. взяты были уже отъ 802 священниковъ, которые почти всѣ были убѣждены, что этими подписками обязались принять православіе. „Мнѣ извѣстно также, писалъ преосвященный Іосифъ, что многіе священники, иные по простотѣ, а иные нарочно, придерживаясь буквально московскаго служебника, пропускаютъ уже, особенно въ эктеніяхъ воспоминаніе папы".

Но догматическому убѣжденію въ православіи греко-россійской церкви едва-ли неболѣе всего способствовала литовская семинарія, по заботливости преосвященнаго, замѣщенная усердными и благонадежными наставниками. Здѣсь, по его свидѣтельству, не довольствовались хладнокровнымъ историческимъ прохожденіемъ спорныхъ вопросовъ, раздѣляющихъ восточную и западную церкви; но разбирали ихъ добросовѣстно, повѣряли тщательно и торжественно утверждали вѣрованіе восточной церкви. Такимъ образомъ, семинарія не только доставляла уже православныхъ по убѣжденію новопоставляемыхъ священниковъ, но и необходимо дѣйствовала, посредствомъ юношества, на убѣжденія самихъ родителей; „не естественно же родителямъ, по замѣчанію преосвященнаго, считать еретиками своихъ дѣтей, особенно лучше себя оброзованныхъ".

Результатомъ такой энергической и многообъемлющей дѣятельности преосвященнаго Іосифа въ литовской епархіи, въ теченіи первыхъ четырехъ лѣтъ управленія ею, было то, что, по свидѣтельству преосвященнаго, многіе изъ принадлежащихъ къ его епархіи уніатскихъ священниковъ готовы были по убѣжденію принять православіе. Въ подтвержденіе сего преосвященный представилъ въ 1837 г. списки 114 духовныхъ лицъ.

письменно изъявившихъ готовность присоединиться во всякое время къ православной церкви, и собственноручныя ихъ о томъ объявленія. Въ числѣ сихъ лицъ были всѣ начальствующіе по епархіальному и училищному управленію, всѣ учители семинаріи и находившагося при ней уѣзднаго училища, всѣ почти настоятели монастырей, всѣ благочинные, почти всѣ вице-благочинные, множество духовныхъ депутатовъ и другихъ должностныхъ лицъ—словомъ почти всѣ имѣвшіе какое-нибудь оффиціальное или нравственное вліяніе. Преосвященный находилъ въ это время не благоразумнымъ усиливаться получить подобныя объявленія отъ остальнаго низшаго духовенства, а только вытребовалъ отъ благочинныхъ формальные рапорты съ удостовѣреніемъ о готовности подчиненныхъ имъ священниковъ присоединиться къ греко-россійской церкви. Многіе изъ благочинныхъ поручились безусловно за свое духовенство, а прочіе показали приблизительно священниковъ, на коихъ можно совершенно положиться, а также и такихъ, изъ коихъ одни еще сомнительны, а другіе неблагонадежны. Впрочемъ, преосвященный испыталъ, что благочинные были слишкомъ осторожны въ своихъ рапортахъ, такъ что нѣкоторые священники, показанные ими въ числѣ неблагонадежныхъ, оказывались предъ преосвященнымъ рѣшительно готовыми обратиться къ православію. Поляки же и римляне въ предѣлахъ литовской епархіи, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, ослабѣли въ своихъ усиліяхъ препятствовать намѣреніямъ правительства, не находя къ сему ни предлога, ни пособія въ самомъ ходѣ уніатскаго дѣла. Они видѣли въ то время противодѣйствіе невозможнымъ и послѣдствія—необходимыми. „Колеи проложены, писалъ преосвященный, машина устроена и поставлена на мѣстѣ; стоитъ только тронуть,—и нужна весьма уже неискусная рука, чтобы не доставила тяжести по назначенію“.

Такъ было направлено дѣло возсоединенія уніатовъ въ литовской епархіи преосвященнымъ Іосифомъ. Совершенно въ иномъ положеніи оказалось оно въ другой греко-уніатской епархіи, именно бѣлорусской, находившейся не подъ его начальствомъ. По отчету преосвященнаго Іосифа, представленному имъ по обозрѣніи въ 1837 г., по порученію правительства, бѣлорусской епархіи, четыре года дѣятельности, употребленной въ ли-

товской епархіи на перерожденіе уніатовъ въ русскихъ православныхъ, въ бѣлорусской прошли преимущественно въ попыткахъ православнаго духовенства частно обращать уніатовъ къ православію. Было обращено 100 т. уніатовъ, но, по замѣчанію преосвященнаго Іосифа, этихъ уніатовъ не было надобности въ то время обращать. они почти исключително находились въ имѣніяхъ казенныхъ или русскихъ помѣщиковъ; они такъ мало измѣнились въ римлянъ, такъ были близки къ православнымъ, что во всякое время было бы легко присоединить ихъ къ православію. Преждевременное же отдѣленіе ихъ отъ прочихъ уніатовъ повредило дальнѣйшему успѣху въ тѣхъ мѣстахъ уіатскаго дѣла. Эти сто тысячъ уніатовъ, по соображеніямъ преосвященнаго Іосифа, были бы надежною опорою для дѣйствій собственно уніатскаго дхуовнаго начальства на прочихъ уніатовъ; но эта опора была потеряна, и остававшіеся въ предѣлахъ бѣлорусской епархіи 720 т. уніатовъ находились почти исключительно въ имѣніяхъ и подъ вліяніемъ польскихъ помѣщиковъ и римского духовенства.

Между тѣмъ православное духовенство, въ обращеніяхъ этихъ, по духу самой принятой имъ системы, дѣйствовало противъ уніатовъ какъ бы противъ чуждыхъ ему. Гражданское бѣлорусское начальство, по словамъ преосвященнаго Іосифа, обращало единственно вниманіе на то, чтобы способствовать системѣ православнаго духовенства.—Уніатское епархіальное начальство было какъ бы разобщено и не имѣло необходимаго единства; а отъ главнаго начальника епархіи, по свидѣтельству преосвященнаго Іосифа, къ сожалѣнію, издавались иногда распоряженія, возбуждавшія въ латинствующихъ уніатахъ надежду на его покровительство. Консисторія и правленіе семинаріи должны были необходимо колебаться въ своихъ дѣйствіяхъ и по недостатку силы, и позапутанности самихъ обстоятельствъ.

Въ такомъ положеніи, духовенство бѣлорусской епархіи, по объясненію преосвященнаго Іосифа, должно было по необходимости или наблюдать мертвое равнодушіе, или, уступая чувству личной защиты, обратить свои взоры къ единственной точкѣ. откуда могло ожидать таковой защиты, т. е. къ римляно-польской партіи. А этой партіи, при указанномъ расположеніи

умовъ, легко было дѣйствовать: ей во всемъ готовы были вѣрить. Ей вѣрили, что униатскіе священники, по принятіи православія, будутъ отосланы въ великороссійскія епархіи, а на ихъ мѣста будутъ выписаны оттуда православные священники. Ей вѣрили, что униатамъ, не желающимъ принять православія, дозволено будетъ перейти въ римское исповѣданіе, а священники получатъ или римскіе приходы, или пенсіи отъ правительства. Нельзя было, писалъ преосвященный Іосифъ, выдумать болѣе дѣйствительнаго средства, чтобы, съ одной стороны, отклонить униатское духовенство отъ принятія православія, а съ другой—представить болѣе привлекательную надежду латинствующимъ униатскимъ священникамъ.

При такомъ колебаніи въ бѣлорусской епархіи, очевидно, въ ней не могло быть ни того постояннаго, твердаго и всеобъемлющаго направленія дѣйствій къ общему перерожденію униатовъ, ни тѣхъ результатовъ, что по литовской епархіи. При меньшемъ, сравнительно съ этою послѣднею, числѣ церквей въ бѣлорусской епархіи, при бывшихъ уже въ ней прежде 280 иконостасахъ, при большихъ удобствахъ къ устроенію и меньшемъ противъ оныхъ предубѣжденіи—еще болѣе ста церквей въ бѣлорусской епархіи оставалось безъ иконостасовъ. На устройство церквей въ прочихъ онтошеніяхъ и снабженію ихъ приличною утварью и священными облаченіями еще менѣе обращено было вниманія, за исключеніемъ церквей въ окрестностяхъ Витебска, гдѣ по этой части преосвященнымъ Іосифомъ усмотрѣна была особенная старательность. О пріобрѣтеніи евангелій и апостоловъ не думали. Попеченіе о возстановленіи правильнаго богослуженія ограничивалось почти одними общими предписаніями, чтобы оно отправлялось по правиламъ восточной церкви. Впрочемъ, нѣкоторыя распоряженія по литовской епархіи объ устройствѣ церквей были примѣняемы и къ бѣлорусской, но здѣсь онѣ не опирались на предварительномъ подготовленіи умовъ и не были сопутствуемы нужными мѣрами исполненія, а потому и не принесли плодовъ. Слабость, однакожъ, дѣйствій по матеріальному преобразованію бѣлорусской епархіи преосвященный Іосифъ признавалъ не особенно—важнымъ дѣломъ; онъ находилъ, что это упущеніе легко исправить. Болѣе и особенно важнымъ находилъ онъ то, что дѣйствія эти

очень мало имѣли вліянія на религіозное и нравственно-политическое убѣжденіе духовенства. При всѣхъ мѣрахъ, какія только нашелъ возможнымъ принять преосвященный Іосифъ при ревизіи бѣлорусской епархіи, едва нашлось пятнадцать должностныхъ лицъ, обязавшихся присоединиться къ православію, и то съ оговорками, обнаруживавшими недовѣрчивость и опасеніе.

Изображая въ своемъ обозрѣніи положеніе дѣлъ въ бѣлорусской епархіи, преосвященный Іосифъ не находилъ впрочемъ оной отчаянныкъ, такъ какъ бѣлорусскіе уніаты менѣе перерodились въ римлянъ, чѣмъ въ прежнее время литовскіе и еще болѣе утверждены были за восточною церковію благонамѣренными пастырями, покойными: митрополитомъ литовскимъ и архіепископомъ Красовскимъ. И то самое, что, при колебаніи бѣлорусскихъ уніатовъ въ разныя стороны, не открылось тамъ еще большаго разстройства,—это, по соображеніямъ преосвященнаго Іосифа, свидѣтельство уже, что еще не все испорчено, и можно дѣло поправить. Нужно только, писалъ онъ, дать самому епархіальному начальству хорошее направленіе и единство въ дѣйствіяхъ; нужно, чтобы это начальство, при надлежащемъ благоразуміи, имѣло довольно силы для защиты благонадежныхъ изъ духовенства и обузданія злонамѣренныхъ; нужно, чтобы дѣйствія по уніатскому епархіальному управленію соединены были одною мыслію съ дѣйствіями по мѣстному гражданскому и духовному грекороссійскому управленіямъ: нужно особенно, прибавлялъ преосвященный Іосифъ, чтобы гражданское начальство обуздывало всякое противодѣйствіе со стороны чуждыхъ уніатамъ польскихъ помѣщиковъ и римскаго духовенства.

При объѣздѣ бѣлорусской епархіи, преосвященный Іосифъ, указаніями и наставленіями, по возможности, исправлялъ усмотрѣнные имъ недостатки въ устройствѣ церквей и дѣлалъ даже общія распоряженія, давая бѣлорусской консисторіи предложенія отъ себя: такъ напр., онъ предложилъ консисторіи назначить шестимѣсячный срокъ для сооруженія иконостасовъ и престоловъ, выписать для церквей евангелія и апостолы московской печати и т. п. Во многихъ церквахъ бѣлорусской епархіи, подобно какъ и при обозрѣніи литовской, преосвященный Іосифъ заставлялъ служить монастырскихъ настоятелей и мѣст-

хъ благочинныхъ, избирая для сего такіе особенно пункты, ь которыхъ данныя имъ наставленія могли бы болѣе дѣйство- ть на сосѣднее духовенство; особенно заботился онъ распро- занять здравыя понятія о тогдашнемъ положеніи уніатскаго ла, дѣйствовать на нравственное и религіозное убѣжденіе ду- венства, и пріобрѣсть надежныхъ дѣлателей на благомъ по- ищѣ, людей же вредныхъ удалялъ. Сдѣланныя преосвящен- мъ Іосифомъ внушенія и наставленія въ бѣлорусской епар- и, по его замѣчанію, хотя и не могли имѣть такого успѣха, къ тѣ, которыя даны имъ были при обозрѣніи своей епархіи, ѣ, управляя ею непосредственно, направляя постоянно, въ ченіи четырехъ лѣтъ, всѣ дѣйствія по оной, наблюдая не- нно послѣдствія и впечатлѣнія дѣланныхъ имъ распоряже- й, держа въ рукѣ, такъ сказать, всѣ нити частныхъ и об- іхъ соотношеній, онъ легко могъ располагать умами; при- мъ томъ, оставленныя имъ въ бѣлорусской епархіи настав- нія произвели довольно благопріятное впечатлѣніе въ умахъ ду- овенства. Такъ преосвященный Іосифъ, приводя свою паству къ равославію, явился горячимъ пособникомъ сего святаго дѣла въ бѣлорусской епархіи.

Завѣдываніе всѣми духовными дѣлами греко-уніатскаго сповѣданія возложено было въ 1837 г., по Высочайшему по- елѣнію, на оберъ-прокурора Святѣйшаго Сѵнода, съ тѣми же равами и на томъ основаніи, какъ это было предоставлено отолѣ министру внутреннихъ дѣлъ. Осуществленія подобной ѣры преосвященный Іосифъ постоянно желалъ, и не далѣе, къ черезъ годъ передъ тѣмъ настоятельно обращалъ внима- е правительства на положительную необходимость поспѣшить иведеніемъ ея въ исполненіе въ видѣ переходящей мѣры, ражая при этомъ, что окончательно уніаты должны быть под- ены прямо Святѣйшему Сѵноду. Эту мѣру онъ признавалъ ою надежною для уніатскаго дѣла: по прочности, которую дала бы этому дѣлу, по рѣшительному нравственному вліянію на товъ, по доставляемой возможности удобнѣе бороться съ тиводѣйствующими, наконецъ потому, что этимъ распоряже- іъ можно было бы вскорѣ воспользоваться для поминанія тами, при богослуженіи, Святѣйшаго Сѵнода вмѣсто папы. Туже мысль преосвященный Іосифъ оффиціально выражалъ въ

1838 году, будучи уже председателемъ греко-уніатской ко легіи вмѣсто греко-уніатскаго митрополита Іосафата Булга управлявшаго бѣлорусскою епархіею, и въ началѣ того го скончавшагося. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представлялъ о необ димости начавшееся и существующее уже духовное едине между православною и уніатскою церквами въ Россіи утверд сколь можно поспѣшнѣе единеніемъ наружнымъ, юридически и подробно выяснялъ не только общія основанія для сего, и всѣ дальнѣйшія мѣры, которыя должны будутъ истечь этого акта. Представленіе это преосвященный Іосифъ осно валъ на общей почти готовности духовенства его епархіи возсоединенію съ православіемъ, въ чемъ онъ удостовѣри чрезъ новыя собственноручныя подписки духовныхъ лицъ и ч вызовъ для испытанія при каѳедральномъ соборѣ, всѣхъ за исключеніемъ тѣхъ, въ благонажности коихъ ручались гочинные. Въ 1838 г. изъ 1,057 человѣкъ бѣлаго духовен изъявили подписками полную готовность присоединиться лицъ. И по бѣлорусской епархіи, гдѣ, послѣ обозрѣнія освященнымъ Іосифомъ, принятыми по его представленію рами, дѣла быстро пошли впередъ, изъ числа 680 духов лицъ 415 дали въ томъ же году подписки принять правосл въ случаѣ общаго къ оному присоединенія.

Въ дѣлахъ главнаго духовнаго управленія сохранились собственноручныя записки: преосвященнаго Антонія, бы епископа брестскаго, викарія литовской епархіи, и покой митрополитовъ: кіевскаго Филарета и московскаго Фила подписанныя: первая 4 іюля, вторая 13 декабря и треть декабря 1838 г. Записки эти вполнѣ подверждали всю ведливость приведенныхъ настояній преосвященнаго Іо Епископъ Антоній, свидѣтельствуя, что въ литовской е никакого нѣтъ препятствія къ скорому окончательному п диненію греко-уніатской церкви къ греко-россійской, ч бѣлорусской епархіи должно ожидать быстрыхъ успѣхо распространившимся извѣстіемъ о совершенной готовности ской епархіи къ присоединенію, признавалъ нужнымъ шить окончаніемъ присоединенія. Митрополитъ Кіевскі ларетъ писалъ, что, во время проѣзда его чрезъ губерн тебскую и Могилевскую и пребыванія въ Кіевѣ, при л

совѣщаніяхъ съ преосвященными: могилевскимъ, волынскимъ и полоцкимъ, онъ совершенно убѣдился въ томъ, что справедливость и самое сострадание къ греко-уніатскому духовенству и прихожанамъ требуютъ, чтобы правительствомъ приняты были надежныя мѣры къ возвращенію ихъ въ нѣдра праотеческой греко-россійской церкви. Митрополитъ московскій Филаретъ между прочимъ писалъ: „всѣ епископы греко-уніатскіе, большая часть начальниковъ монастырей и двѣ трети приходскихъ священниковъ, послѣ внутреннихъ между ними совѣщаній, письменное изъявили согласіе, на возсоединеніе—сумма согласія, которая не только даетъ право, но нѣкоторымъ образомъ налагаетъ обязанность дѣйствовать, дабы оказана была справедливость дѣлу, безспорно достойному покровительства, и дабы возбудившееся благое расположеніе, при замедленіи содѣйствія, не подверглось искушенію охлажденія“.

Эти свидѣтельства и соображенія весьма важны. Они ясно показывали, съ одной стороны, что преосвященный Іосифъ, доказывая необходимость поспѣшить возсоединеніемъ, не увлекаясь своимъ дѣломъ, но, сохраняя къ нему строгое безпристрастіе, указывалъ истинное его положеніе, а съ другой—что послѣдовавшее за тѣмъ возсоединеніе уніатовъ съ православною церковію совершилось не путемъ насилія со стороны послѣдней и не по безотчетной рѣшимости.

Наступилъ незабвенный въ исторіи русской церкви 1839 г., когда дѣлу, начатому преосвященнымъ Іосифомъ, и съ такою апостольскою ревностію имъ веденному, суждено было рѣшиться согласно его завѣтному желанію. Въ Полоцкѣ собралися всѣ уніатскіе въ Россіи епископы, которые, вмѣстѣ съ прочимъ знатнѣйшимъ уніатскимъ духовенствомъ, составили актъ о желаніи всецѣло принадлежать къ прародительской православной русской церкви. Актъ этотъ, подписанный 1.305 лицами, поручено было отвести въ С.-Петербургъ преосвященному Іосифу, какъ главному виновнику событія, и представить на Высочайшее воззрѣніе.

Преосвященный Іосифъ такъ описывалъ самое совершеніе возсоединенія: „Благодареніе Всевышнему! Священное дѣло возприсоединенія насъ къ православной восточной церкви совершилось уже окончательно. Въ 30-й день истекшаго марта пригла-

щенъ я былъ въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ. Здѣсь, въ полномъ присутствіи, объявлена мнѣ и вручена подписанная всѣми членами грамота къ намъ, епископамъ со священствомъ и духовными паствами, о принятіи насъ по прежнему въ нѣдра православной церкви. Засимъ я, въ лицѣ всѣхъ уніатовъ, принялъ братское лобзаніе отъ членовъ Святѣйшаго Сунода. Послѣ объявлено мнѣ Высочайше утвержденное положеніе Святѣйшаго Сунода объ оставленіи нынѣшнихъ двухъ нашихъ епархій въ прежнемъ составѣ, о переименованіи греко-уніатской коллегіи коллегіею бѣлорусско-литовскою, о назначеніи меня предсѣдателемъ сей коллегіи, равно о возведеніи въ санъ архіепископа. Затѣмъ синодальные члены отправились въ синодскую церковь, гдѣ отслужили благодарственный молебенъ по случаю настоящаго благополучнаго въ церкви Божіей событія. Во время молебствія я находился въ священныхъ облаченіяъ вмѣстѣ съ членами Святѣйшаго Синода, а по окончаніи онаго совершилъ у престола обыкновенную присягу по случаю возведенія меня въ санъ архіепископа".

Въ концѣ того же 1839 года, преосвященный Іосифъ сообщалъ слѣдующіе общіе выводы и соображенія о положеніи совершившагося возсоединенія. „При всѣхъ церквахъ литовской епахархіи находятся священники надежные, и во всѣхъ церквахъ понимается Святѣйшій Сунодъ вмѣсто папы, а изъ символа вѣры исключается слово *и Сына*. Если къ этому присовокупить, что въ теченіе уже 6 мѣсяцевъ послѣ возсоединенія ни малѣйшаго по приходамъ литовской епархіи не случилось противодѣйствія, что бывшія совокупныя служенія съ древле православнымъ духовенствомъ нигдѣ не сдѣлали вреднаго впечатлѣнія, то, по истинѣ, дѣло возсоединенія должно уже считать не только совершившимся, но и утвердившимся. Многіе изъ монашествующихъ, несогласившихся на принятіе православія, уже понимаютъ Святѣйшій Сунодъ вмѣсто папы, или участвуютъ въ богослуженіи вмѣстѣ съ возсоединеннымъ духовенствомъ".

Остальные затѣмъ 30 лѣтъ своего святительства преосвященный Іосифъ всецѣло посвятилъ заботамъ объ утвержденіи въ духовныхъ паствахъ истинной вѣры и охраненіи оной.

Весьма важнымъ для этой цѣли средствомъ преосвященный

Іосифъ почиталъ сколь можно частое обозрѣніе церквей и приходовъ литовской епархіи, которое или самъ производилъ, или поручалъ своимъ викаріямъ и другимъ духовнымъ сановникамъ епархіи. При личномъ обозрѣніи, преосвященный Іосифъ всегда бесѣдовалъ съ духовенствомъ, вникалъ въ общее и частное положеніе его, старался наставить и направить все къ лучшему устройству и находилъ почти во всѣхъ безпрекословную готовность исполнять распоряженія начальства, такъ что остававшіяся еще въ разныхъ мѣстахъ разныя несовершенства онъ приписывалъ не недостатку доброй воли въ духовенствѣ, а скудости нужныхъ средствъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Какъ на доказательство добраго настроенія возсоединеннаго духовенства, преосвященный Іосифъ въ 1846 г. между прочимъ указывалъ на то, что оно по многимъ благочиніямъ добровольно приняло одежду древлеправославнаго духовенства, такъ что во свей епархіи не оставалось въ то время и третьей части съ прежнимъ одѣяніемъ. Внимательно всматривался онъ въ то, на сколько удовлетворительно утверждался народъ въ принятомъ православіи и всюду на пути совершалъ архіерейскія служенія, невиданныя до того времени въ тѣхъ странахъ, и своею красотою, великолѣпіемъ и знаменательностію, исполнявшія, по свидѣтельству преосвященнаго, чувствами благоговѣнія не только возсоединенныхъ, но даже самихъ иновѣрцевъ. Точно также викаріи и другія лица, коимъ преосвященный Іосифъ поручалъ обозрѣніе церквей, обращали лично вниманіе на устройство церквей, на богослуженіе, на благочестіе и благочиніе среди духовенства и паствы, и исправляли личными замѣчаніями и указаніями мѣстныя отступленія отъ общаго порядка въ православной церкви, сколько это было возможно и благовременно; другія же свои замѣчанія представляли самому преосвященному Іосифу, по которымъ онъ дѣлалъ общія или частныя распоряженія. Таковое обозрѣніе епархіи, личное или чрезъ посредство довѣренныхъ людей такъ было располагаемо преосвященнымъ, что въ теченіи каждыхъ трехъ лѣтъ осматривались почти всѣ церкви епархіи.

Среди трудовъ по обозрѣнію своей епархіи, а иногда, по порученію Святѣйшаго Сунода, и нѣкоторыхъ другихъ епархій того края, преосвященный Іосифъ особенно заботился о добромъ,

въ духѣ истиннаго православія, воспитаніи и образованіи юношества въ епархіальной семинаріи и училищахъ, считая это дѣло существенно важнымъ для дальнѣйшаго успѣха совершившагося возсоединенія. Неусыпные труды его въ этомъ отношеніи нельзя лучше изобразить, какъ словами самаго же преосвященнаго, сказанными имъ 8 сентября 1845 года воспитанникамъ семинаріи и духовныхъ училищъ, при открытіи этихъ заведеній въ Вильнѣ по перемѣщеніи ихъ изъ Жировицъ. „Куда вы ни обратитесь, говорилъ онъ воспитанникамъ, всюду найдетесь въ соприкосновеніи съ разномыслящими по вѣрѣ. На всякомъ шагу встрѣтите необходимость или защищать собственную церковь отъ неправыхъ толковъ, или разсѣевать заблужденія иновѣрцевъ, укоренившіяся вѣковыми предразсудками. И горе вамъ, если не пріобрѣтете столько познаній, чтобы святая истина восторжествовала въ устахъ вашихъ! Паче же горе вамъ, если жизнію порочною, не благочестивою, будете уничтожать плоды вашего ученія. Многіе изъ васъ помнятъ, а другіе слышали, въ коль безпомощномъ и безпріютномъ положеніи находилось духовное юношество здѣшняго края 15 лѣтъ тому назадъ. Если оно теперь исторгнуто изъ прежняго уничиженія, обезпечено средствами отличнаго духовнаго воспитанія; то вы симъ обязаны, по Богѣ, милости и щедротамъ общаго нашего отца, Благочестивѣйшаго Государя Императора. Не не какъ ли отецъ вашъ заботился и я объ устройствѣ для васъ многочисленныхъ пріютовъ духовнаго просвѣщенія? Не какъ ли отецъ призрѣвалъ въ нихъ особенно сиротъ и неимущихъ? Не какъ ли отецъ радѣлъ я о возможномъ для васъ удобствѣ, при всей ограниченности прежнихъ средствъ содержанія? Не какъ ли отецъ старался я доставить вамъ достойнѣйшихъ наставниковъ? Не какъ ли отецъ руководилъ я васъ при всякомъ случаѣ спасительными наставленіями? Не какъ ли отецъ заботился я обезпечивать участь окончивавшихъ ученіе, соотвѣтственно достоинству каждаго, безъ всякаго лицепріятія? И послѣ всего этого, не слышали ли вы неоднократно, что отъ васъ я не требую другой благодарности, кромѣ того только, чтобы вы были достойными пастырями въ церкви православной? Такъ, возлюбленныя дѣти, и любовью, и заботами, и трудами, и благовѣствованіемъ, пріобрѣлъ я, кажется, названіе вашего

отца. О, не отказывайте же мнѣ никогда въ семъ сладостномъ имени, а еще болѣе не посрамите его поступками, чуждыми благодати! По моему недостоинству, не смѣю сказать съ дерзновеніемъ апостола: *молю васъ, подобни мнѣ бывайте*. Но не найдете ли и во мнѣ нѣчто къ подражанію? По крайней мѣрѣ, я могу сказать: будьте мнѣ подобными въ стремленіи къ строгому исполненію долга, будьте мнѣ подобны въ ревностномъ усердіи къ преуспѣянію святыя нашея православныя церкви, будьте мнѣ подобны въ твердости на трудномъ поприщѣ служенія. Остальное, надѣюсь, благодать Божія восполнитъ изобильно. И когда достигнете нѣкогда пастырскаго званія, васъ уже не удивятъ, не опечалятъ слова апостола Павла: *укоряеми, благословляемъ, хулими, утѣшаемся*". Эту бесѣду съ воспитанниками преосвященный Іосифъ, въ письмѣ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Сѵнода отъ того же 8 сентября, называлъ своимъ завѣщаніемъ, и такъ описывалъ свои чувства по поводу открытія въ Вильнѣ любимыхъ имъ духовно-учебныхъ заведеній: „не повѣрите, какъ я счастливъ сегодня—у меня не обошлось безъ слезъ, и я этого не стыжусь. Если бы мнѣ пришлось завтра умереть, съ радостію сказалъ бы: *нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко*".

Дѣятельно наблюдая за наличнымъ духовенствомъ, ревностно подготовляя новыхъ служителей православной церкви и созидая народъ въ послушаніи ей, преосвященный Іосифъ зорко слѣдилъ за всѣми проявленіями ненависти и вражды ко всему православному и русскому въ краѣ со стороны латино-польской партіи, усиливавшейся разстроить, так или иначе, совершившееся дѣло возсоединенія. Въ этой невольной борьбѣ со врагами ему приходилось спасать не только дѣло православія, но и дѣло русской народности. Хорошо изучивъ систему дѣйствованій этихъ враговъ, многое устранялъ онъ лично, о многомъ представлялъ высшимъ властямъ, разъясняя положеніе ихъ, предупреждая объ угрожающемъ, но никакъ не жалуясь и не донося. „Если я не смогу, писалъ однажды преосвященный, чего отстранить, то мнѣ позволительно по крайней мѣрѣ умыть руки",—таковъ истинный смыслъ помянутыхъ его сообщеній высшему начальству. Благодаря неусыпной бдительности и ревности преосвященнаго Іосифа, ковы латинянъ и

поляковъ не наносили существеннаго вреда дѣлу православ „Православное вѣдомство на столь твердой стало уже здѣсь гѣ, писалъ преосвященный, что пойдетъ впередъ собственн тяжестію, не смотря на какія бы то ни было препятствія. Жа только, присовокуплялъ преосвященный, что эти успѣхи мо бы быть очень быстры и важны при общемъ единодушіи. Жа и того, что и десятой части умственнаго своего труда не ращаю я здѣсь на дѣйствительное служеніе пользамъ церк остальное теряется на предосторожности, чтобы охранить и себя отъ враждебныхъ сѣтей, чтобы не дать себя скоми метировать даже тѣмъ, отъ которыхъ долженъ былъ ожид поддержанія". Этотъ подвигъ въ общей дѣятельности преос щеннаго не былъ впрочемъ для него неожиданнымъ. Еще концѣ 1842 г. онъ писалъ: „предавъ себя съ 1827 г. в душею благому дѣлу возсоединенія уніатовъ съ православ церковію, сдѣлавъ оное цѣлію моей жизни, я вовсе не ос плялся на счетъ будущей моей участи. Я зналъ, что съ эт дѣломъ обратится на меня вся ненависть римляно-польс партіи сколько отъ негодованія за прошедшее, столько, мож быть еще и больше, отъ опасенія за будущее". Но чѣмъ о даннѣе былъ для него тяжелый подвигъ, тѣмъ, конечно, выше.

Подъ вліяніемъ общихъ и частныхъ мѣръ и распоряж преосвященнаго Іосифа, исчисленіе коихъ былобы слишк обширно, литовская православная паства, по справедлив донесенію преосвященнаго, преобразилась постепенно духом ученіемъ, преобразилась въ богослуженіи и церковномъ уст ствѣ, преобразилась въ ея духовенствѣ, и можетъ уже ст съ честію на- ряду другихъ православныхъ епархій.

Лучшимъ подтвержденіемъ сего служилъ 1863 г., когд всемъ пространствѣ литовской епархіи кипѣлъ безумный тежъ, возбужденный врагами Россіи и православія. Среди вѣтовъ коварства, писалъ Святѣйшему Сѵноду митрополитъ сифъ, среди угрозъ и насилія, юная литовская правосла паства трудному подверглась испытанію; однакожъ, благ реніе Всевышнему, достойно перенесла это испытаніе. По вѣсти, могу съ полною признательностію отозватся о на ряхъ и о пасомыхъ. Рѣдкій изъ духовенства не потер

отъ стѣснительныхъ обстоятельствъ времени; весьма многіе понесли важные убытки и разореніе отъ насильныхъ поборовъ и грабежей; многіе пострадали отъ побоевъ и истязаній, а иные удостоились и мученической кончины позорною смертію. И я, смиренный предстоятель, хотя и немоществующій, присовокуплялъ покойный митрополитъ, бодро стоялъ среди доброй литовской паствы; скорбѣлъ ея скорбями, страдалъ ея страданіями—и счастливымъ себя считаю, если эта бодрость и посильныя указанія имѣли хотя малое вліяніе на достойное поведеніе паствы, на ея непоколебимую вѣрность Государю, церкви и отечеству".

Нѣсколькими годами позднѣе, къ концу жизни покойнаго митрополита, еще болѣе былъ онъ утѣшенъ дальнѣйшими успѣхами его дѣланія въ литовской епархіи: умноженіемъ паствы, православныхъ приходовъ, постройкою новыхъ храмовъ, возобновленіемъ древнихъ, дальнѣйшимъ благоустройствомъ монастырей, духовноучебныхъ заведеній мужескихъ и женскихъ, умноженіемъ приходскихъ училищъ, разливающихъ постепенно между всею литовскою паствою русскую грамотность и русскія начала. „Все предвѣщаетъ, писалъ Святѣйшему Синоду, уже дрожащею рукою, въ 1867 г., престарѣлый святитель, какъ бы предчувствовавшій уже близость скончанія его земнаго пути, все предвѣщаетъ для литовской паствы желаемую для церкви православной и Россіи будущность, если не помѣшаютъ тому какія либо, сохрани Господи, непредвидимыя обстоятельства".

Такова была дѣятельность покойнаго митрополита литовскаго Іосифа, только въ главнѣйшихъ чертахъ изложенная на основаніи точныхъ оффиціальныхъ данныхъ.

Личный характеръ почившаго архипастыря отличался, какъ можно видѣть и изъ вышеизложеннаго, необыкновенною твердостію, спокойствіемъ и ревностію. Онъ не отступалъ до послѣдней крайности ни предъ какими препятствіями и затрудненіями, и въ своихъ правилахъ и убѣжденіяхъ былъ не поколебимъ. Когда долго, напр., неисполняли его законнаго требованія о выводѣ 6 латинскихъ ксендзовъ и 17 клириковъ изъ зданій, назначенныхъ для православныхъ духовныхъ училищъ, онъ хотѣлъ лучше помѣстить эти училища въ своихъ архіе-

рейскихъ комнатахъ, а самъ жить въ простой кельѣ, чѣмъ дозволить римскому духовенству оставаться среди воспитанниковъ православныхъ духовныхъ училищъ. Онъ безстрашно смотрѣлъ въ глаза всѣмъ опасностямъ, угрожавшимъ лично ему самому. „Вы знаете, писалъ онъ въ сентябрѣ 1845 г., что я слишкомъ свыкся съ угрозами, чтобы обращать на нихъ какое-либо вниманіе. Мнѣ угрожали пороховымъ взрывомъ при освященіи въ 1840 г. Николаевскаго собора. Въ меня бросили тросточкой, или, какъ хотѣли назвать, стрѣлой, въ Ковнѣ, при открытіи губерніи. Меня предостерегали во время служенія, при открытіи въ нынѣшнемъ году виленскаго каѳедральнаго собора о слышанныхъ въ церкви угрозахъ. Послѣ этого не извинительно ли мнѣ не обращать вниманія на бывшія часто менѣе оффиціальныя вѣсти и предостереженія?“ Въ это время онъ получилъ предостереженіе, что его хотятъ убить во время прогулки и, не смотря на то, онъ, по обыкновенію, поѣхалъ гулять. Замѣчательно, что доносчикъ показывалъ, будто онъ видѣлъ у одного изъ лицъ мѣстнаго римско-католическаго епархіальнаго начальства человѣка, подговаривавшаго къ убійству. При всѣхъ случаяхъ преосвященный обыкновенно просилъ объ немъ не безпокоиться. По поводу одного покушенія онъ говорилъ, что въ теченіе его поприща благость Божія сохранила его отъ всякихъ личныхъ опасностей и что онъ, съ другой стороны, по характеру своему неприступенъ ни къ малѣйшей робости. „Если бы мнѣ, говоритъ онъ, даже предстояла дѣйствительная опасность, повѣрьте, я бы тому порадовался. Едва ли мнѣ въ жизни остается желать и ожидать чего лучшаго, какъ сподобиться пострадать за правое дѣло. Я столько же не смущенно, безтрепетно и безропотно принялъ бы стрѣлу въ мое сердце, какъ и павшую у ногъ моихъ“. Въ другомъ случаѣ, онъ заключаетъ свое письмо такъ: „военные считаютъ счастьемъ пасть на полѣ чести. Почему же и мнѣ не желать счастья умереть на добромъ подвигѣ“?

Подчиненные покойнаго митрополита сохраняютъ о немъ самую благодарную память. Всѣ отношенія его къ нимъ были растворяемы христіанскою кротостію и терпѣніемъ. А объ отношеніяхъ своихъ къ иновѣрцамъ онъ самъ торжественно засвидѣтельствовалъ въ одномъ изъ своихъ немногихъ словъ:

„Ты, обращается онъ къ Богу, знаешь, что исполненіе лежащаго на мнѣ долга никогда не сопровождалось во мнѣ непріязненными чувствами къ отдѣльнымъ отъ насъ по вѣрѣ братіямъ; что всѣ мои съ ними сношенія растворялись внутреннимъ чувствомъ любви и долготерпѣніемъ, часто, можетъ быть, даже излишнимъ; что это чувство любви къ нимъ есть обѣтъ всей моей жизни,—и ненависть не коснется моего сердца даже тогда, если бы мнѣ пришлось запечатлѣть кровью это душевное расположеніе". Эта могучая сила христіанской любви невольно покоряла ему сердца всѣхъ, его знавшихъ, и пріобрѣтала уваженіе къ нему въ людяхъ противныхъ ему убѣжденій.

При высокихъ качествахъ мужественнаго и любвеобильнаго ревнителя православія и горячаго патріота, покойный архипастырь оставилъ по себѣ память щедраго благотворителя. Вотъ нѣкоторыя изъ его многочисленныхъ пожертвованій: въ 1844 г. онъ пожертвовалъ полторы тысячи въ пользу попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія литовской епархіи; чрезъ четыре года послѣ того—3 т. въ пользу виленскаго Святодухова монастыря; 1851 г. свыше полуторы тысячъ на библіотеку литовской семинаріи. Во время восточной войны, преосвященный Іосифъ половину получаемаго имъ архіерейскаго жалованья отдалъ на военныя потребности для русской арміи. Въ послѣдніе годы преосвященный жертвовалъ: въ пользу училища дѣвицъ духовнаго званія въ Вильнѣ 5 т., въ пользу неимущихъ города Вильны 500 р., и въ послѣдній годъ его жизни имъ назначена была тысяча рублей на возобновленіе церкви въ виленскомъ Святодуховскомъ монастырѣ.

Печальная вѣсть о кончинѣ преосвященнаго Іосифа, обходя предѣлы нашего отечества, повсюду была принимаема съ искренними чувствами скорби о понесенной утратѣ и повсюду вызывала молитвы объ упокоеніи почившаго архипастыря, много лѣтъ подвизавшагося на пользу церкви и отечества.

Святѣйшій Сунодъ, по полученіи извѣстія о смерти митрополита Іосифа, совершивъ въ своей церкви панихиду, тотчасъ же увѣдомилъ объ этой утратѣ всѣхъ епархіальныхъ преосвященныхъ. Въ то же время Сунодъ, во исполненіе воли Вашего Величества, поручилъ присутствующему въ ономъ архіепископу, тогда харьковскому, Макарію немедленно отправиться въ

Вильну для торжественнаго совершенія отпѣванія и погребенія усопшаго вмѣстѣ съ литовскими викаріями, равно какъ съ бывшими нѣкогда сотрудниками митрополита Іосифа, нынѣ проживающими на покоѣ, преосвященными: Антоніемъ и Михаиломъ, и съ преосвященнымъ минскимъ Александромъ, который, незадолго передъ тѣмъ, бывъ викаріемъ митрополита, самъ пожелалъ отдать ему послѣдній долгъ любви и уваженія. Ваше Величество Высочайше повелѣть соизволили и мнѣ отправиться въ Вильну ко времени погребенія митрополита.

Отпѣваніе совершено было въ каѳедральномъ свято-Николаевскомъ соборѣ 29-го ноября и погребеніе въ тотъ же день въ церкви Свято-Духовскаго монастыря, гдѣ почѣваютъ мощи трехъ виленскихъ мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія,—подъ ихъ ракою. Это мѣсто избрано было самимъ покойнымъ еще въ 1850 году.

При отпѣваніи и погребеніи стеченіе народа было необыкновенное. Кромѣ духовенства города Вильны и нарочно прибывшаго изъ епархіи, здѣсь присутствовали: начальствующіе и служащіе въ Вильнѣ, воспитанники всѣхъ христіанскихъ учебныхъ заведеній города и наконецъ почти все виленское православное населеніе. Собравшійся отдать послѣдній долгъ почившему архипастырю народъ наполнялъ обширный Николаевскій соборъ, прилегавшую къ нему площадь и весь путь отъ собора до Свято-Духова монастыря, по которому шествовала погребальная процессія. Столь необыкновенное стеченіе народа наглядно свидѣтельствовало, какимъ глубокимъ уваженіемъ пользовался почившій на мѣстѣ служенія, и какъ сильно почувствована была его утрата.

ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ СЕБЕЖСКАГО УѢЗДА СЕЛО ПРИХАБЫ.

(Продолженіе).

И опять она,—
Моя родина,
Мнѣ на мысль пришла,
Незабвенная!
Дай промовлю словцо,
Какъ день Пасхи святой,
Тамъ встрѣчаетъ свѣтло
Крестьянинъ съ семьей;
Какъ проводитъ онъ дни
Воскресенья Христа...

На канунѣ праздника Пасхи, едва начнетъ склониться къ вечеру день и солнце потонетъ въ бездонную глубь мірозданія, съ разныхъ сторонъ, группами, тянется людъ православный въ село: идетъ и старъ и малъ, и богатый и убогій. Не разгульная жизнь, не жажда корысти, а святое чувство влечетъ его сердце сюда, къ подножію храма Господня. Вотъ земля покрылась сумракомъ ночи, уже звѣзды зажглись въ высотѣ и звукъ колокольный зоветъ народъ на молитву у гроба Господня. Но въ храмѣ уже нѣтъ мѣста, уже и паперть переполнена молящимся людомъ. Все стихло; лишь слышенъ въ ночной тишинѣ голосъ читающаго среди храма книгу Дѣяній Апостоловъ святыхъ да въ трепетномъ ожиданіи радостной пѣсни Воскресенія летитъ къ небу тихая, но задушевная молитва богомольцевъ. Чтоже дѣлается тогда въ деревнѣ? Тамъ, въ опрятной избѣ, накрытъ бѣлою скатертью длинный столъ, восковая свѣча или лампадка горитъ предъ иконой святой, предъ ней на колѣнахъ, съ грудныиъ ребенкомъ. мать шепчетъ молитвы: слезы глубокаго чувства видны на глазахъ. Ей долго еще здѣсь быть въ домѣ одной, нескоро вернется родная семья; но въ теплой молитвѣ, въ ожиданіи радостнаго дня, для нея незамѣтно летятъ минуты долгаго одиночества!

Ужъ полночь; ровно въ двѣнадцать часовъ начинается благовѣстъ къ утрени, за ней безвыходно совершается и литургія. Народъ съ глубокимъ благоговѣніемъ внимаетъ торжественной, въ

этотъ день, службѣ и, по окончаніи ея назарѣ восходящаго солнца, возвращается, съ великою радостію, въ дома свои.

Пасха, приносимая, для освященія въ церковь, у крестьянъ Прихабскаго прихода, приготовляется весьма незатѣйливо и, въ большинствѣ случаевъ, по примѣру жителей великой Россіи. Въ церковь приносятъ хлѣбъ 1), съ изображеніемъ на немъ или простаго четвероконечнаго креста, или съ надписью, между его углами, тѣхъ же самыхъ сокращенныхъ словъ, какія обыкновенно оттискиваются на просфорахъ 2), а вокругъ хлѣба сыръ, яйца, и только. Эти освященныя яства, подъ общимъ названіемъ *пасхи*, простолюдины употребляютъ въ продолженіи цѣлой свѣтлой недѣли. Каждый день, послѣ обыденной утренней молитвы, хозяинъ дома раздаетъ ихъ по небольшому кусочку каждому изъ членовъ своего семейства и, по истеченіи нѣкотораго времени, приступаютъ всѣ уже къ завтраку или же обѣду, болѣе раскошному, чѣмъ въ другіе праздники. Въ Прихабскомъ приходѣ нѣтъ того, не русскаго, не православнаго обычая, который можно видѣть, среди состоятельныхъ крестьянъ другихъ приходовъ и уѣздовъ, Витебской губерніи, и особенно среди горожанъ, которые, ко дню Пасхи, приготовляютъ, такъ называемые, столы,— т. е., въ отдѣльной комнатѣ ставятъ большій или меньшій (смотря по состоянію) столъ, уставливаютъ его всевозможными жаркими и пирожными. Для освященія всѣхъ этихъ произведеній искуства хлопотливой хозяйки, обыкновенно приглашаютъ священника надомъ или, собравъ все въ два—три короба, привозятъ на церковную паперть и просятъ его освятить привезенное. По пріѣздѣ домой, всѣ яства опять разставляются въ прежнемъ порядкѣ на столѣ и, подъ польскимъ названіемъ „*свѣнцонаго*“, безъ всякой другой пищи, ежедневно потребляются до тѣхъ поръ, пока не останется изъ нихъ ни крошки. Обычай этотъ, какъ видно уже изъ усвояемаго народомъ праздничнымъ яствамъ польскаго наименованія, заимствованъ отъ сосѣдей. Въ западной окраинѣ Россіи, онъ перешелъ въ города, и даже селенія, изъ хоромъ польскихъ пановъ, панковъ и мелкой шляхты, любящихъ вычурность, внѣшность и всякую хвастливость, хотя бы онѣ

---

1) Смотря по состоянію, ржаной или пшеничный.

2) Іисуса Христа Ни—ка.

не имѣли ничего общаго не только съ духомъ религіи, но даже и съ здравымъ смысломъ.

На второй день праздника, въ крестьянской избѣ, остается кто-либо одинъ, бывшій въ первый день въ церкви, а остальные снова отправляются въ село къ богослуженію, которое и теперь совершается раньше обыкновеннаго и оканчивается не-позже девяти часовъ. Въ этотъ день родители забираютъ съ собою всѣхъ, даже грудныхъ дѣтей, для пріобщенія св. таинъ. По окончаніи службы Божіей, возвращаются домой, кушаютъ и такимъ порядкомъ проводятъ цѣлую недѣлю. Въ эти дни не увидишь на улицѣ никого изъ домохозяевъ Прихабскаго прихода въ нетрезвомъ видѣ, а изъ домочадцевъ никого, проводящаго праздникъ въ пляскахъ и другихъ народныхъ увеселеніяхъ. Такія забавы считаютъ они оскверненіемъ праздника. Если къ нимъ и пріѣзжаютъ иногда погостить въ святки ихъ близкіе родные, или сами они ѣздятъ навѣдать своихъ родственниковъ въ сосѣднія деревни, то особенныхъ пиршествъ въ этомъ случаѣ не бываетъ,—выпьютъ по чаркѣ, рѣдко по другой, раздѣлятъ хлѣбъ-соль, наговорятся, освѣдомятся о здоровьи другъ друга и возвращаются назадъ. Главную обязанность въ эти дни для нихъ составляютъ дѣла милосердія, отъ которыхъ они, хотя не уклоняются и въ другое время, но этотъ праздникъ считаютъ самымъ приличнымъ временемъ для выполненія этой добродѣтели. Оттого, во многихъ, нетолько состоятельныхъ, но даже бѣдныхъ домахъ, можно видѣть на святой такихъ нищихъ, которые, по приглашенію домохозяевъ, проводятъ у нихъ праздникъ до ѳоминой недѣли и, за однимъ столомъ, угощаются тою же самою пищею, какую употребляютъ и сами хозяева. По окончаніи свѣтлаго праздника, бѣдныхъ надѣляютъ всѣмъ, что позволитъ дать состояніе доброй, радушной хозяйки.

Въ продолженіи цѣлой свѣтлой недѣли, весь мѣстный причтъ, каждый день, послѣ богослуженій, объѣзжаетъ всѣ деревни прихода, и въ каждомъ домѣ совершаетъ краткое молитвословіе. Съ нетерпѣніемъ ждутъ къ себѣ прихожане своего пастыря, съ неописанною радостію и любовію встрѣчаетъ его хозяинъ и богатой избы, и бѣдной лачужки и, напротивъ, больно скорбитъ тотъ изъ нихъ, котораго, по какимъ либо обстоятельствамъ, священникъ не успѣетъ посѣтить и осѣнить домъ его животворящимъ крестомъ Господнимъ. Хотя, во время весенняго бездорожья, такіе вояжи для духовенства бываютъ слишкомъ

обременительны, хотя матеріальное вознагражденіе за труды слишкомъ невелико, но за то, добрый пастырь получаетъ другую, духовную, безцѣнную награду,—это восторгъ и сердечная услада его при видѣ благодарнаго восторга отъ его посѣщенія и христіанскаго времяпрепровожденія пасомыхъ. Отрадно въ эти дни нетолько пастырю церкви Христовой, но и всякому религіозно-нравственному человѣку посмотрѣть на крестьянъ здѣшняго прихода!

Но иногда—одинъ и тотъ же человѣкъ бываетъ не тотъ. Есть пословица: нѣтъ худа безъ добра, а мнѣ пусть будетъ позволено прибавить: и нѣтъ добра безъ худа.

Въ селѣ Прихабахъ, съ незапамятныхъ временъ, бываетъ три ярмарки: девятаго мая,—въ день перенесенія мощей святителя и чудотворца Николая, въ десятый пятокъ по Пасхѣ и 28-го октября,—въ день св. мученицы Параскевы, нареченныя Пятницы. Начало установленія этихъ ярмарокъ и побудительныя причины къ ихъ открытію, время погребло въ своей прошедшей дали такъ глубоко, что не уцѣлѣло объ этомъ въ народной памяти никакого преданія. Характеръ и обстановка всѣхъ трехъ ярмарокъ—одни и тѣ же. Рано—утромъ, въ самый день ярмарки, или на канунѣ ея, пріѣзжаютъ мелочные торговцы изъ уѣздныхъ городовъ: Опочки,—Псковской и Себежа,— Витебской губерніи. Богатое купечество, нетолько другихъ, но и означенныхъ сосѣднихъ городовъ, не находитъ выгоднымъ посѣщать прихабскія ярмарки. Сюда привозятъ, въ небольшомъ количествѣ: желѣзо, листовой табакъ, соль, разнаго рода пряности, низшаго сорта красный товаръ, товаръ кожевный, а евреи, въ своихъ коробкахъ, приносятъ разнаго рода мелочной, но самый расхожій, товаръ и промѣниваютъ его крестьянамъ, а особенно крестьянкамъ, на свиную щетину, телячьи и бараньи кожи, воскъ, яйца, полотно, нитки и тому подобное. Кто хорошо знаетъ нашихъ евреевъ, тотъ легко пойметъ—кто при такой мѣновой торговлѣ, извлекаетъ больше выгодъ—крестьяне или евреи, которые весьма часто проводятъ и нашего брата, и въ сношеніяхъ съ которыми крестьяне—поголовно бываютъ надуваемы.

Изъ крестьянскихъ издѣлій, собственно здѣшней мѣстности, бываютъ привозимы только: колеса, телеги и разной величины и назначенія кадушки и боченки,—въ такомъ маломъ количествѣ, что привозимыя издѣлія не удовлетворяютъ запросу поку-

вателей; объ изделiяхъ этихъ изделiй говорить нечего: здѣшнiй крестьянинъ непредпрiимчивъ, лѣнивъ и неразвитъ. Единственное его занятiе и промыселъ—хлѣбопашество; главная выручка денегъ для уплаты податей и другихъ платежей, а равно и для домашняго обихода, получается имъ исключительно отъ продажи льна, засѣваемаго въ довольно порядочномъ количествѣ; почему, земля крестьянъ приведена здѣсь въ самое крайнее истощанiе, и рѣдкiй изъ домохозяевъ кормится круглый годъ собственнымъ своимъ хлѣбомъ, а большая часть ихъ или покупаетъ хлѣбъ у другихъ крестьянъ, или же просто, подъ конецъ года питается такимъ хлѣбомъ, въ которомъ меньше всего хлѣбныхъ частицъ. Вслѣдствiе чего, здѣшнiй крестьянинъ не везетъ и не несетъ на ярмарку почти ничего изъ собственнаго своего хозяйства, а съ послѣднимъ гривенникомъ или четвертакомъ тащится туда запить, какъ онъ самъ выражается, какое либо горе, или праздновать въ корчмѣ свою радость.

Народа на каждой, изъ всѣхъ трехъ, ярмаркѣ бываетъ отъ двухъ до трехъ и болѣе тысячъ. Здѣсь можно видѣть кромѣ евреевъ и немногихъ русскихъ торговцевъ, и цыганъ, приводящихъ на ярмарку около полсотни искалеченныхъ лошадей, покупаемыхъ или для крестьянъ, или для мелкихъ панковъ и ...иковъ.

Крестьянъ на ярмаркѣ бываетъ, по крайней мѣрѣ, три четверти всего собравшагося народа. Изъ этой толпы, къ крайнему нашему прискорбiю, болѣе всѣхъ обращаетъ на себя вниманiе своимъ поведенiемъ нашъ мужичокъ. Я уже сказалъ, что онъ чаще всего идетъ на ярмарку, чтобы запить, на последнiй грошъ, свое горе или торжествовать свою радость. И, дѣйствительно: на каждомъ почти шагу видишь въ нетрезвомъ видѣ нетолько мужчину, но даже и женщину. Порокъ этотъ до того силенъ у нихъ, что рѣдкая ярмарка проходитъ безъ происшествiй и даже скоропостижной смерти. Здѣсь уже не дѣйствуетъ, какъ въ другихъ случаяхъ, слово пастыря, и развѣ только административнымъ путемъ можно бы было положить конецъ этому безобразiю.

Къ чести крестьянъ Прихабскаго прихода нужно сказать, что эти безобразiя относятся только къ нѣкоторымъ, весьма немногимъ, недѣлимымъ, а большинство безобразiй приходится на долю другихъ окрестныхъ селенiй. Вслѣдствiе чего, положительно можно сказать, что нравственность прихабскихъ прихо-

жанъ стоитъ еще на относительно высокой ступени и можетъ во многихъ случаяхъ, послужить примѣромъ для крестьянъ другихъ приходовъ.

Священникъ Викторъ *Забѣлинъ*.

НЕОБДУМАННЫЙ ПОСТУПОКЪ И ГИБЕЛЬ ЮНОШИ

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Прошло два мѣсяца. Цемахъ остался въ домѣ своего о ца, такъ какъ послѣдній болѣе не опасался вліянія рабинч ковъ, какъ мы уже успѣли узнать изъ первой главы. Цемах какъ тринадцати-лѣтній мальчикъ и будущій гаонъ, переходи уже изъ душнаго хедера въ грязный ешиботъ. Онъ поступи въ ешиботъ и по той причинѣ, чтобы распространить больш о себѣ славу, такъ какъ въ послѣднемъ больше открывае шансовъ къ самопрославленію. Впрочемъ, это сдѣлано болѣе желанію отца, предвидѣвшаго отъ такого перемѣщенія сына к экономію для своего кармана въ настоящемъ, такъ и заман выя надежды въ будущемъ. „Къ чему мнѣ, говорилъ отд бросать каждые полгода кровныхъ двадцать пять рублей мел ду, тогда какъ моего сына охотно примутъ даромъ въ ка угодно ешиботъ. Къ тому-же, не надо упускать изъ виду, Цемахъ мой уже молодецъ на возрастѣ, что ему пора уже искать невѣсты съ мѣшкомъ цѣлковыхъ (мѣшокъ—тысяча рубл по крайней мѣрѣ. А все это можетъ дать одинъ ешиб Если мальчишка учится въ хедерѣ, тогда, будь онъ хоть шій бохуръ въ городѣ, все-же его хедернымъ ребенк зовутъ, и кому придетъ въ голову мысль выдать дочь свою хедерника. А въ ешиботѣ—совсѣмъ другое дѣло, другое ув ніе, другая репутація. Такъ и быть, Хане, отдадимъ его ешиботъ: тамъ, по крайней мѣрѣ, онъ будетъ виденъ и выйд такъ сказать, на свѣтъ Божій.“ Такъ говорилъ столяръ с женѣ.

Надежды отца въ скоромъ времени сбылись. Не прош трехъ мѣсяцевъ послѣ вступленія Цемаха въ ешиботъ,

въ одно прекрасное утро явились въ домъ Цемаха два свата и предложили столяру, отцу Цемаха, партію, по ихъ словамъ, весьма выгодную для его сына. Одинъ изъ этихъ сватовъ былъ знакомый вамъ меламедъ ребъ Азріэль. Впрочемъ ребъ Азріэль знакомъ вамъ только по имени, а потому, при второй съ нимъ встрѣчѣ, вы, вѣроятно, пожелаете узнать покороче его личность и познакомиться съ нимъ поближе.

Ребъ Азріэлъ—человѣкъ высокаго роста, съ черными, съ просѣдью, волосами и такою же длинною, съ двумя дугообразными концами, бородою. Эта борода никогда не имѣетъ покою и постоянно поглаживается костлявыми руками своего носителя. Все лице его испещрено значительными рытванами, придающими лицу его какую-то особенную угрюмость. Носъ длинный, далеко выдающійся впередъ, съ двумя, настежъ открытыми и вѣчно табакомъ засоренными, ноздрями. Черно-сѣрые, постоянно моргивающіе, глаза рекомендуютъ плута, способнаго и готоваго на всевозможныя сдѣлки. Они осѣняются густыми черными бровями. Надъ ними поднимается лоснящійся, изрытый морщинами лобъ, вдающійся въ чащу волосъ двумя далекими углами. Въ коротенькихъ и узенькихъ ушахъ рѣзко бросается въ глаза два, ожелтѣвшіе отъ долгаго употребленія, клочка ваты, запрещающіе сюда входъ посторонним, т. е. безполезнымъ для Азріэля, словамъ; во время же нужды они всегда вынимаются. Ротъ, всегда раскрытый, во время разговора брызжетъ слюну, какъ фонтанъ. Сквозь него виднѣются два ряда полусгнившихъ зубовъ. На головѣ его сидитъ засаленная ермолка, покрывающаяся сверху плисовою шапкою, которая аккуратно исполняетъ свою обязанность уже многіе годы. Длиннополый камлотовый халатъ, подбитый ватою полукафтанъ, исправляющій вмѣстѣ съ тѣмъ и должность арбеканфесъ (четвероугольное платье), завязанный въ срединѣ двумя черными снурками, а вверху и внизу оставляющій такіе-же снурки повисшими въ воздухѣ безъ исправленія всякой обязанности, нанковые штаны, опущенные въ грязные синіе чулки, завязанные накрѣпко длинными черными снурками,—вотъ его туалетъ.

Другой сватъ, ребъ Смерлъ, росту низкаго, съ русыми волосами, большими, сѣрыми глазами, бѣлки которыхъ затянуты красными полосками, морщинистымъ лбомъ, распадшимся, ноз-

рями вверхъ вывернутымъ, носомъ, маленькими губками и сѣро-вато-сѣдою умѣренною бородою, заслоняющею полураскрыту грудь и шею, обвитую чернымъ платкомъ. Голову онъ всегд держитъ нагнутою впередъ, лѣвою мохнатою рукою, въ двух пальцахъ которой постоянно есть на готовѣ щепоть табаку, о поддерживаетъ сзади скомканный и скорченный китайчатый верх ній капотъ, образующій, такимъ образомъ сзади нѣчто въ род хвоста, а въ правой рукѣ толстый посохъ, съ свинцовымъ и балдашникомъ. Ребъ Смерлъ представляетъ собою какой-то ра тянутый, неправильный полукругъ. Брюхо его обтянуто свер капота атласнымъ поясомъ, за которымъ воткнутъ длинный цвѣ ный платокъ, испещренный табачными пятнами. Сверху, на поясомъ, выдается впередъ его капотъ, образующій въ это мѣстѣ нѣчто въ родѣ мѣшка, въ которомъ хранится больш обветшалая табакерка изъ березовой коры. На головѣ возв шается скомканная шляпа, выгнутая назади.

Зашедъ въ домъ столяра, оба свата посмотрѣли въ про воположныя стороны и произнесли: доброе утро!—на что они лучили въ отвѣтъ отъ служанки: добрый годъ! Столяръ въ время обѣдалъ. Онъ, казалось, очень радъ былъ этимъ гост которыхъ мысленно ожидалъ съ нетерпѣніемъ. Онъ у нулся и закричалъ: Эстерка, подай скамеечку! Служанка и ла скамейку и поставила ее возлѣ своего хозяина, который кою пригласилъ ихъ сѣсть. Усѣвшись, они произнесли: бор гаіейсемъ! (будьте благословлены,—фраза замѣняющая с рускую: хлѣбъ да соль), на что столяръ отвѣчалъ: подите шать!—Столяръ, продолжая кушать, сказалъ: что добраго?

— Ничего, кушайте, кушайте, мы вамъ не мѣшаемъ, о тили оба. Атъ... продолжалъ ребъ Смерлъ, принагнувъ го и пустивъ въ носъ огромный комъ табаку: мы зашли къ ва э... вѣдь вы насъ знаете... мы необходимы каждому ... маете ли?... вы имѣете парня, а тамъ еврей имѣетъ дѣву такъ вотъ и сведемъ ихъ.

— Ну, ну, ну, послушаемъ... я не прочь, отвѣтилъ сто откусивъ кусокъ хлѣба и хлебнувъ ложку супу,—хотя ем пора... моему Цемаху, вѣдь, всего четырнадцатый годъ, ни

— Гм, возразилъ ребъ Смерлъ, ухмыляясь... Развѣ же ся предписано старикашкамъ? Вѣдь вашъ Цемахъ — мо

человѣкъ и способный мальчикъ, ему и жену надобно давать. Знаете, ребъ Азріэль, обратился онъ къ своему соремесленнику, когда меня женили?... Право, не повѣрите... меня избралъ въ ... подбродзекій раввинъ, извѣстный ребъ Шлеймеле, когда ... было двѣнадцать лѣтъ, ей Богу; а когда мнѣ кончилось ...надцать лѣтъ, Богъ надѣлилъ уже меня дочкою. Вотъ ... Цирке... она-то и есть моя перворожденная.

— Такъ и должно быть, подхватилъ ребъ Азріэль: вѣдь мы ...и... намъ и слѣдуетъ поступать такъ, какъ предки наши ...тупали. И въ правду, скажите: къ чему вамъ, напримѣръ, ...менять себя содержаніемъ его и разными другими потреб...ями. Слава Богу, Цемахъ—видный мальчишка. Стукнетъ ...пятнадцатый годъ, ну, и маршъ къ тестю. Пора ужъ вамъ, ...ъ Хаимъ, нѣсколько и отдохнуть отъ заботъ о сынѣ.

— Я съ вами вполнѣ согласенъ; но нельзя-же навязать моего ...первому, кто захочетъ имѣть его въ своемъ домѣ. Тутъ ... хорошо осмотрѣться.

— Да, это такъ, разумѣется, такъ. Однакожъ вы должны ...ь вниманіе на то, кто именно пришелъ къ вамъ сосва...шего сына, сказалъ ребъ Азріэль. Вы, кажется, знаете: ...во—не мое занятіе. Вѣдь я не то, что другой сватъ, ... иногда сводитъ стѣну съ стѣною посредствомъ своего ...го языка, посредствомъ разныхъ преувеличеній... О-го-го!. ...кіе молодцы, даже можно сказать, всѣ почти сваты та...; ...ю я, должны вы сами знать, совсѣмъ другое дѣло. Не ...осивъ самъ сперва подробно о невѣстѣ, ея родителяхъ, ея ...шкахъ, прадѣдушкахъ, до пятаго рода, объ ихъ состояніи и ...деніи, я—бы не взялся за сватовство сына моего искрен... друга. Когда я прихожу къ вамъ въ качествѣ свата, ... вы по одному этому можете судить о партіи, которую я ... предложу.

Тутъ послѣдовало пятиминутное всеобщее молчаніе, прерыв...ое лишь постукиваніемъ ложекъ о тарелки, понюхиваніемъ ...ку и чисткою носомъ. Наконецъ столяръ хозяинъ прер... молчаніе.

— Погодите немножко..... сей часъ мы серьозно поговоримъ: ...кая девушка? чья она? каково ея происхожденіе? Глав...вниматете—ль это? отъ кого она происходитъ? ибо 1-ое по

ея происхожденію, я могу судить о ней самой; 2-ое не забудьте что Цемахъ мой—перлъ мой и что онъ у меня первое дитя которое я хочу женить. Кромѣ него у меня-же, слава Богу еще три дочери подростаютъ. Значитъ, если я Цемаха въ надлежащія, какія я понимаю, руки отдамъ, такъ не только что его, но и другихъ дѣтей своихъ погублю.

— Опять вы за свое, возразилъ ребъ Азріэль.....

— Что-же вы горячитесь, почти съ гнѣвомъ отнесся къ ребъ Азріэлю другой сватъ.—Вѣдь ребъ Хаимъ еще дѣвушки нашей не знаетъ; ему простительно все говорить. А какъ услышит кто она? что она? тогда посмотримъ, что онъ скажетъ.

— Ну довольно объ этомъ. Это такая вещь, которая требуетъ больше обсужденій и кромѣ того: здѣсь не мѣсто. Цемахъ уйдетъ въ ешиботъ послѣ обѣда, присовокупилъ ребъ Сиеръ пощипавъ щеку Цемаха, вслѣдствіе чего на его щекѣ появилось табачное пятно,—а тамъ, всякій себѣ пойдетъ на новое мѣсто тогда потолкуемъ. Ничего, я увѣренъ, какъ теперь день, что много намъ не придется трактовать. А что съ тобою, Цемахъ учишься прилежно? кто тамъ у васъ въ ешиботѣ—рошъ гаш (преподаватель въ ешиботѣ)?

— Ребъ Зеликль.

— Ахъ, да, ребъ Зеликль... Повѣрите-ли, я этого ребъ Зеликль зналъ вотъ такимъ мальчикомъ. Тутъ онъ показалъ рукою ростъ ребъ Зеликля съ полтора аршина. Это былъ такой проказникъ, что весь ешиботъ днемъ вверхъ ворочалъ. Ему тогда было лѣтъ тринадцать, а ужъ слылъ „острою головою" Экъ! сколько этотъ ребъ Зеликль перестрадалъ!...

— Ну, теперь и поговоримъ, сказалъ отецъ, окончивъ застольную молитву; Цемахъ знаешь ли, что ужь третій часъ? пора тебѣ въ клаузъ. Ступай!

Цемахъ всталъ изъ-за стола, взялъ подъ мышку фунтовой ломоть хлѣба, испросилъ себѣ у матери копѣйку и, какъ бы нехотя, ушелъ.

Столяръ взялся за работу. Жена—за очищеніе тарелокъ. Каждый ушелъ въ свой уголъ. За столомъ остались лишь свата.

— Кто-же это—невѣста ваша?

— Знали ли вы, или слыхали ли вы про ребъ Янкеле Пѣнскаго....

— Какъ не слыхать? Ребъ Янкеле Пѣнскій! и ребенокъ знаетъ его, какъ почтеннаго раввина и вообще какъ достойнаго, истиннаго еврея. А что изъ этого?

— Постойте.... дальше.... А слыхали ли вы про ребъ Давидулъ Дисненскаго?

— Ребъ Давидулъ Диснеръ?.. Какъ не знать! что за вопросъ? тотъ, который пять лѣтъ тому назадъ пребывалъ въ нашемъ городѣ и читалъ хилукъ (искусная рѣчь, читаемая въ клаузѣ при всеобщемъ собраніи).

— Да, да, тотъ самый.

— Я его очень хорошо знаю. Говорятъ, будто городокъ оттого и получилъ названіе „Дисна", что тамъ раввинствовалъ ребъ Давиделъ Диснеръ. Вѣрно ли это?

— Очень можетъ статься. А ребъ Гавріэля Лупцскаго знаете?

— Нѣтъ, того-то не знаю.

— Какъ-то? ребъ Гавріэля? втораго послѣ виленскаго гаона еврея не знаете?! Да вѣдь сколько сочиненій этотъ геній написалъ! Вѣдь онъ составилъ комментарій на тегилимъ (псалмы Давидовы). Ахъ! сколько тамъ остраго, сколько тамъ нравоучительнаго! Попробовали бы вы когда нибудь прочесть двѣ—три главы; тогда вы узнали бы, что это былъ за еврей! Ахъ, Боже мой! что онъ тамъ дѣлаетъ изъ человѣка и его дѣяній! Боже мой! Боже мой! Человѣкъ—это просто щепка, прахъ, зола, говоритъ ребъ Гавріэль. Ай, ай, ай, какъ онъ описываетъ адъ со всѣми его подробностями! Сперва онъ показываетъ первое отдѣленіе ада и разсказываетъ какимъ мукамъ, страданіямъ и пыткамъ подвергаются такіе-то грѣшники; потомъ вводить во второе, третье, четвертое и т. д., просто, какъ прочтешь, то тебѣ остается одно: бросить жену, дѣтей, домъ, имущество, всѣ дѣла, все, все, все и засѣсть въ какой-нибудь клаузъ за гемаррою, такъ чтобъ и душу за нею испустилъ. Да что много говорить о ребъ Гавріэлѣ? спросите вашего Цемаха,—онъ навѣрно его знаетъ, отъ него—вы и узнаете, кто такой ребъ Гавріэле?

— Да знаете-ли что, подхватилъ другой сватъ,—говорятъ, что къ этому ребъ Гавріэле еженочно въ двѣнадцать часовъ приходили мертвецы изъ того свѣта, чтобъ онъ ихъ судилъ и

будто онъ самъ, своими-же руками, многимъ вливалъ горячій свинецъ въ горло. Да еще какія чудеса, какія чудеса этотъ еврей творилъ! я просто прихожу въ жасъ при одномъ его имени.

— Ну, такъ чтожъ? къ чему-же все это ведетъ?

— Имѣйте терпѣніе. Тутъ дѣло такого рода. Ребъ Гетцель портной, не смотря однакожъ на это, его нельзя сравнить съ другими портными. Такъ-ли?

— Что это значитъ: нельзя сравнить его съ другими? Портной всегда портнымъ остается. Неужели, когда у него есть нѣсколько денегъ, такъ онъ уже исключеніе? Онъ-портной, извѣстное дѣло, портной.

— Нѣтъ, Богъ съ вами. Какъ же можно такъ говорить? подхватилъ ребъ Азріэль. Сравните мужика съ кѣмъ вамъ сказать—тутъ?... съ кѣмъ?... да хоть-бы съ шляхтичемъ какимъ нибудь. Можно дѣлать подобное сравненіе? тотъ мужикъ, свинопасъ, однимъ словомъ—грубой человѣкъ, ему только землю пахать, а другой—никогда земли не пахалъ, въ кабакахъ съ мужиками не водится, а живетъ, какъ подобаетъ жить порядочному человѣку. Такъ и ребъ Гетцель относится къ своимъ соремесленникамъ. Тѣ—грубые люди, плуты, Богъ вѣсть какого происхожденія, но субботамъ валяются пьяными по всѣмъ форштадтамъ, дѣлаютъ скандалы, однимъ словомъ—дикій народъ. А посмотрите на ребъ Гетцеля, какую роль онъ играетъ, въ особенности въ послѣднее время? Два года тому назадъ его избрали въ габаи въ клаузѣ. Три дня въ недѣлю при его столѣ помѣщаются двое достойнѣйшихъ арембахеровъ. Дальше, онъ такъ аккуратно соблюдаетъ молитву, что ни разу даже и вечерней молитвы не пропустилъ, чтобъ не явиться въ клаузъ. Меламеду его сына онъ платитъ почти что тридцать рублей полугодично. Чего больше требовать отъ еврея? Кажется, что первый ребъ-Цогъ 1) не будетъ надежнѣе его. Какже безъ всякихъ соображеній осудить человѣка и произнести надъ нимъ такой приговоръ!

— Дай Богъ, чтобъ всѣ евреи не хуже были ребъ Гетце-

---

1) Сказочное имя, употребляемое для выраженія великаго, важнаго человѣка.

зя, прибавилъ ребъ Смерелъ. Портной!.... однакожъ, кто этотъ портной?

— Ну, ужъ вы слишкомъ, однакожъ, преувеличиваете.. но.. положимъ, ну чтожъ — онъ имѣетъ дочь, что ли?

— О-го-го, дочь! Да какая еще дочь? Дочь дочери — рознь. Дѣвушка красивая, умная, разсуждаетъ, какъ пожилая, пишетъ по еврейски, какъ лучшій меламедъ. Ея письма идутъ за границу. Да, послушали бы вы, какъ она читаетъ цена-урена 1)! Такъ ясно и внятно выливаются слова изъ ея устъ! Хотя.... но это ничего, чтожъ? вѣдь она человѣкъ, т. е. я хочу сказать т. е... что у нея бѣльмо какое то на лѣвомъ глазу, да... но чтожъ? нельзя однакожъ понизить ея цѣну изъ-за какого нибудь пятнышка!

— Такъ чтожъ?! такъ вы хотите, стало быть, сватать сына моего, Цемаха, за слѣпую дочь портнаго, съ досадою, гнѣвомъ и почти со слезами на глазахъ закричалъ столяръ.

— Тшш.... Тшш.... не кричите только! Къ чему горячиться, не дослышавъ конца. Развѣ уже вы все знаете, что мы хотѣли говорить? Знаете ли вы, что ребъ Янкелъ Пѣнскій приходится невѣстѣ близкимъ родней?

— Что онъ ей за родственникъ? спросилъ, нѣсколько успокоившись, столяръ.

— Какъ же? онъ ей родной дядя по матери. Жена ребъ Гетцеля и ребъ Янкель просто сестра и братъ. Понимаете? что она уже не такъ далека отъ вашего сына, какъ вы полагали?

— Однакожъ ......

— Постойте, постойте. Такъ значитъ: съ ея роднымъ дя-

1) Цена-урена — собраніе библейскихъ разсказовъ, составленныхъ по порядку главъ пятекнижія, съ примѣсью легендъ, толкованій стиховъ, нравоучительныхъ изреченій, цитированныхъ изъ талмуда, мидреша и различныхъ другихъ краснорѣчивыхъ еврейскихъ книгъ. Эта книга составлена на жаргонѣ. Ее вмѣняется въ обязанность каждой женщинѣ читать по субботамъ. Въ каждую субботу прочитываютъ главу, соотвѣтствующую заглавію той главы изъ св. писанія, которая читается въ синагогѣ на еврейскомъ языкѣ въ тотъ же день.

дей ребъ Янкелемъ вы можете породниться; стыдиться родс съ нимъ вамъ вѣрно не слѣдуетъ. Дальше: ребъ Давид Диснеръ, этотъ достохвальный еврей, про котораго мы гово ли и о которомъ вы сами такого высокаго мнѣнія,—вотъ р Давидулъ Диснеръ ей... ея отца, ея дѣдушки... да, братъ дѣдушки по отцѣ.

— Это не близкое родство.

— Богъ съ вами: все-же изъ одного корня. Ну, чтожь раскричались? Вѣдь мы сами не стали-бы сватать вашего маха за обыкновеннаго портнаго. Столяръ нѣсколько заду ся, а оба свата въ это время, отойдя въ сторону, перешеі вались.

— Нѣтъ, полурѣшительно произнесъ наконецъ столяръ, бы хорошо, да... портной—же отецъ. Вотъ это именно сто у меня въ горлѣ. Что городъ на это скажетъ?

— Послушайте, объ этомъ не толкуйте больше. Мы в разъ сказали: портной портному—рознь; къ тому-же не забуд что ребъ Гетцель человѣкъ состоятельный, что онъ въ сос ніи дать своей дочери и триста рублей приданнаго. Хотя еще съ нимъ объ этомъ не говорили, но мы это знаемъ изъ стовѣрныхъ устъ.

Опять водворилось молчаніе. Оба свата дѣлали видъ, то уходятъ. Столяръ остановилъ ихъ и спросилъ: отвѣч мнѣ вотъ на что: вѣдь, вы какого то ребъ Гавріэля судо изводителя надъ мертвыми упомянули. Что-же? онъ тож ихъ фамиліи принадлежитъ?

— Да... хотя... но... однакожь все-же родня.

— Какой же именно родня онъ имъ.

— Знаете-ль? вотъ этотъ ребъ Давидулъ Диснеръ п дился ему троюроднымъ дядей, кажется.

— Ну, и это не мѣшаетъ дѣлу, одобрилъ столяръ.

— Такъ какъ вы полагаете? будетъ рѣчь? т. е. стои намъ идти съ предложеніемъ къ ребъ Гетцелю?

— Къ ребъ Гетцелю?... можете себѣ идти, а я пока подумаю, посовѣтуюсь съ кѣмъ знаю, а вы зайдите ко м или, впрочемъ, я васъ, кажется, увижу въ субботу въ к тогда поговоримъ.

— Можемъ идти, обратился ребъ Азріэлъ къ другому

— Нѣтъ, погодите! а лейхаимъ (на здоровье) не сдѣлаете?

— Ну, не мѣшаетъ! Дай Богъ, чтобъ мы водку пили сперва на помолвкѣ, а потомъ на свадьбѣ сына вашего!

— Дай Богъ, дай Богъ! и я того желалъ бы искренно.

Жена принесла загрязненную бутылочку водки и рюмочку. Каждый выпилъ, изъявляя желаніе пить на свадьбѣ Цемаха, послѣ чего оба свата, поднявшись съ своихъ мѣстъ, ушли.

— Какъ это тебѣ цахнетъ, Хане? спросилъ столяръ свою жену по уходѣ сватовъ. Ужъ показываются: смекнули, значить, что такое мой Цемахъ!

— Дай Богъ, чтобъ все было къ лучшему, отвѣтила жена, вздыхая и скорчивъ жалкую рожу.

— Да, я знаю откуда вѣтеръ дуетъ. Тутъ, видишь, дѣло строилось такъ: ребъ Гетцелъ приходится, кажется, родней служкѣ того ешибота, въ которомъ Цемахъ учится. Служка-же вѣдь видитъ, что изъ Цемаха можетъ со временемъ выдти, такъ вотъ и указалъ его ребъ Гетцелю, чтобъ тотъ не выпустилъ его изъ рукъ. Ахъ-ахъ-ах-ахъ! Голова начинаетъ идти кругомъ! Мы еще, Ханинке, не испытали безпокойствъ отъ розлуки съ дѣтьми и издержекъ на то, чтобъ ихъ пристроить! Судя по другимъ, дай Богъ, чтобъ я въ теченіи круглаго года былъ въ состояніи заработать, сколько мнѣ потребуется на это дѣло! Но Богъ милостивъ.

— У-у-у-нъ! ребейнеслэйломъ (господи!) Для тебя все возможно. Ты укажешь намъ вѣрный путь...

— Знаешь, Хане, это надо устроить не зѣвая. Ты тамъ разспроси у своихъ, а я у своихъ, и коли окажется дѣло подходящимъ, мы не должны его отлагать. Пора уже намъ радѣть и о другихъ дѣтяхъ нашихъ. Цемахъ—малое горе. Отъ него мы лишнихъ хлопотъ имѣть не будемъ, слава Богу, слава Богу!

— Да, знаешь, у кого мы все узнаемъ о ребъ Гетцелѣ?

— У кого? скажи!

— У Двейра Авремелесъ. Вѣдь она пять лѣтъ съ нимъ въ однѣхъ сѣняхъ жила.

— Да, правда, правда! Такъ завтра же, Хане, не позже, сходи къ ней и такъ... мимоходомъ все и разспросишь. А я

имѣю своего, который, кажется, всю подноготную знаетъ о ребъ Гетцелѣ.

— А какъ ты думаешь, Хаимъ, Цемаху-то можно обо всемъ этомъ разсказать?

— Сохрани тебя Богъ! Какъ можно! Только того и недоставало,—чтобъ Цемахъ занялъ свои мысли дѣвушкою, невѣстою, свадьбою! Вѣдь онъ не праздный мальчикъ! Когда понадобится, онъ узнаетъ. Я думаю ничего не говорить Цемаху до трехъ послѣднихъ дней предъ свадьбою. Надо устроить такъ, чтобъ это было тайною, чтобы онъ даже ничего не подозрѣвалъ.

— Но вѣдь онъ спроситъ, что здѣсь дѣлали сваты? Вѣдь онъ ихъ знаетъ; онъ былъ при томъ, когда они пришли?

— Чтожь? мы ему скажемъ... мы ему скажемъ... ничего! онъ и не спроситъ и даже въ голову ему не придетъ спросить объ этомъ. А въ случаѣ, если спроситъ, такъ я найду отвѣтъ. Но не забудь, Ханинке, главное, разспросить подробно о знатности происхожденія ребъ Гетцеля и вѣрно ли то, что сваты говорили, будто ребъ Гетцель сталъ габаемъ какого-то клауза? Я что-то объ этомъ не слыхалъ. А вѣдь это не маловажное достоинство.

— Не забуду, не забуду, ты только о своемъ не забудь. Въ комнату вошелъ какой-то незнакомецъ и бесѣда прекратилась.

Портной ребъ Гетцель, какъ предметъ, занимающій теперь главное мѣсто въ жизни нашего героя, будетъ небезъинтересенъ и для насъ, слѣдящихъ за всѣмъ, что его окружаетъ и что интересуется имъ Не смотря на то, что столяръ съ женою рѣшились секретничать предъ Цемахомъ и держать предложеніе сватовъ въ величайшей тайнѣ, Цемахъ зналъ обо всемъ и даже довольно много самъ принималъ участія въ этомъ дѣлѣ. Отзывъ сватовъ о ребъ Гетцелѣ, говорившихъ: портной портному— рознь, имѣетъ и свою часть истины; только слова эти надо принимать въ значеніи прямо противоположномъ тому, какое они придали имъ. Чтобъ избавиться отъ нападокъ сватовъ, которые, вѣроятно, возразятъ на наше голословное извращеніе смысла ихъ

словъ, мы рѣшаемся описать ребъ Гетцеля и его прекрасный полъ фотографически вѣрно, безъ всякихъ прикрасъ и безъ малѣйшаго пристрастія ни къ ребъ Гетцелю ни къ сватамъ.

Ребъ Гетцель—человѣкъ лѣтъ сорока пяти, черноволосый и чернобородый высокій мужчина, съ краснымъ, будто озябнувшемъ носомъ, худощавыми, блѣдными щеками и черными, отъ пьянства слезящими, глазами. Пейсики у него не такъ значительно отдѣлены отъ ушей, какъ у другихъ евреевъ, а покрываютъ рядомъ съ задними волосами красныя уши. На одномъ изъ пальцевъ правой руки у него всегда красуется наперстникъ. Шапка постоянно сидитъ на бекрень. Безъ своего краснаго посоха онъ и шагу не ступитъ. Сапоги его всегда лоснятся, но только спереди, а каблуки всегда блѣдно-желтаго цвѣта. Штаны опущены до самаго низу. Эти послѣднія вольности, т. е. чистка сапогъ, опусканіе штановъ и своевольное обхожденіе съ пейсками, онъ позволяетъ себѣ какъ необходимость, такъ какъ онъ считается польскимъ 1) портнымъ, слѣдовательно нельзя-же зайти къ порядочному пану съ впущенными въ сапоги штанами, нечищенными сапогами и т. п. Осанка его изогнутая: верхняя часть туловища всегда уступаетъ нижней мѣсто впереди. Поступь подвижная: когда онъ идетъ по улицѣ, вы замѣтите, какъ плеча его попеременно выставляются впередъ, то правое, то лѣвое. Длиннополый сюртукъ его застегнутъ на одну только пуговицу и всегда почти на среднюю. Вообще онъ походитъ на щеголя, такъ, покрайней мѣрѣ, ему кажется, отчего и смотритъ всегда гордо, какимъ то особеннымъ взглядомъ. При встрѣчѣ съ нимъ, вы по лицу его догадаетесь, что онъ портной. Послѣднее обстоятельство евреи приписываютъ всѣмъ портнымъ, которыхъ, въ наказаніе за доносъ на Герцедека, всегда узнаютъ при первой встрѣчѣ.

Дома у него работаютъ при весьма длинномъ, на подставкахъ подпертомъ столѣ, три работника и одна работница. Самъ хозяинъ помѣщается на окнѣ, безъ сюртука и безъ сапогъ, под-

1) Такъ называется на жаргонѣ портной, берущій работу не у евреевъ.

жавши подъ себя одну ногу, а другую ставитъ на скамейкѣ, на которой съ одной стороны сидятъ два работника, а съ другой работница. Насупротивъ него помѣщается третій работникъ. На другомъ концѣ стола сидитъ жена съ ребенкомъ при грудяхъ. На полу ползаютъ двое маленькихъ дѣтишекъ. Въ углу при окошкѣ сидятъ двѣ женщины: одна изъ нихъ худощавая дѣвушка лѣтъ пятнадцати, чернокожая, русоволосая и мутноглазая. На лѣвомъ глазѣ—бѣльмо. Росту она низкаго. На головѣ цвѣтной платочекъ. Станъ ея горбатый. Смуглость щекъ ея, широкій носъ и нѣсколько набокъ искривленный ротъ придаютъ ей отвратительную уродливость. Она то и есть нареченная невѣста Цемаха. Говорятъ, что правая нога ея нѣсколько короче лѣвой, но мы этого незамѣтили, такъ какъ она въ это время сидѣла. Возлѣ нея на окошкѣ лежитъ тетрадь, исписанная на разныхъ страницахъ еврейскимъ алфавитомъ. Буквы скорѣе походятъ на іероглифы, каракули, чѣмъ на настоящія буквы. Другая женщина. помѣщающаяся на какой-то колодкѣ, пожилыхъ уже лѣтъ, съ тусклыми очками, привязанными ниткою къ головѣ, она учила первую читать нѣмецкій жаргонъ.

Въ домѣ тѣснота, безпорядокъ, ужасная вонь. На полу набросаны разныя розности: клочья ваты, обрѣзки разныхъ суконъ, обломки горшковъ, что то, посыпанное золою и т. д. Каждый работникъ распѣваетъ особую пѣсню, а жена въ свою очередь, качая своего груднаго ребенка, убаюкиваетъ его какою мо старинною жаргонскою пѣснею.

Ребъ Гетцель принадлежитъ къ хасидской сектѣ 1). Онъ собственно—не здѣшній, а житомирскій уроженецъ. Отецъ его

1) Евреи раздѣляются на двѣ секты: хасиды и миснагды. Въ здѣшнемъ краѣ большую часть евреевъ составляютъ миснагды. Чѣмъ сѣвернѣе отъ Вильны, тѣмъ число хасидовъ болѣе и болѣе возрастаетъ. Хасиды и миснагды сильно враждуютъ между собою. Хасиды имѣютъ своимъ представителемъ ребе, собственно учитель, но онъ носитъ также названіе добраго еврея. Побывать у добраго еврея, значитъ: побывать у хасидскаго ребе, котораго они обожаютъ въ точномъ смыслѣ этого слова.

былъ извѣстный толмудистъ. Женившись на четырнадцатомъ году отъ роду, онъ въ трилцать пять лѣтъ былъ уже обремененъ большимъ семействомъ, состоявшимъ изъ четырехъ сыновей и пяти дочерей. Не имѣя никакихъ средствъ пропитывать такое огромное семейство, онъ маялся—маялся, да наконецъ, послѣ долгихъ мученій, умеръ въ неописанной бѣдности, оставивъ двое дѣтей на рукахъ жены, двухъ дочерей замужнихъ, а остальныхъ безъ всякихъ надеждъ на лучшую участь. Гетцелю было тогда восемъ лѣтъ. Способности у него были не такія блестящія, чтобъ

Чтобъ имѣть ясное понятіе о степени этого обожанія, довольно сказать, что они цѣлуютъ то мѣсто, на которомъ сидѣлъ добрый еврей, считаютъ святою ту пыль, ту землю, которой прикоснулось колесо его экипажа. Ничего у нихъ не предпринимается безъ предварительнаго совѣщанія съ нимъ. Когда жена хасида бездѣтна, то самымъ лучшимъ способомъ считается побывать у добраго еврея, посовѣщаться съ нимъ, за что онъ получаетъ приличное вознагражденіе, называемое пидіенъ (искупленіе), и чѣмъ больше вознагражденіе, тѣмъ больше дающій его увѣренъ въ шансахъ успѣшнаго свиданія съ ребе.

Хасиды отличаются отъ миснагдовъ въ порядкѣ и образѣ совершенія молитвы. Разница въ порядкѣ молитвы состоитъ въ томъ, что нѣкоторыя молитвы, читаемыя у миснагдовъ на самомъ концѣ, читаются у хисадовъ въ самомъ началѣ, и на оборотъ. Въ большей части молитвъ у хасидовъ вставляются разные варіанты. Въ образѣ совершенія молитвы они еще отличаются тѣтъ отъ миснагдовъ, что вмѣсто одной пары филактеріевъ, употребляемыхъ послѣдними въ теченіи всей молитвы, они надѣваютъ двѣ пары: сперва одну, потоиъ другую. Молитва у миснагдовъ сопровождается только качаніемъ всего туловища вправо и влѣво, или впередъ и назадъ, а хасиды, кромѣ этого качанія, бьютъ руками объ стѣну, каждое слово повторяютъ по три—четыре раза, кричатъ неистово и напѣваютъ между каждымъ стихомъ какія то неуловимыя междометія. Кромѣ того, хасиды ежедневно отправляются въ баню, гдѣ окунываются въ искуственномъ водохранилищѣ. Хасиды въ высшей степени склонены къ горькому напитку.

могъ съ успѣхомъ предаваться арембахерству. На первыхъ порахъ онъ нашелъ слѣпца—нищаго, у котораго взялся исправлять обязанность важатаго. Полтора года онъ занималъ это почтенное мѣсто, пока старикъ не испустилъ духъ, оставивъ ему въ наслѣдство нѣсколько рублей. Затѣмъ онъ уѣхалъ въ Польшу и поступилъ ученикомъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру. Положенiе его было самое безотрадное: нуждамъ его и страданiямъ не было конца и мѣры. Наконецъ онъ заглядѣлся на 2 пары серебрянныхъ ложекъ, рѣшился присвоить ихъ себѣ и бѣжать въ Вильну. Спекуляцiя эта удалась ему какъ нельзя лучше. Онъ стащилъ у хозяина эти ложки, нѣсколько золотыхъ вещицъ, десятка три рублей чистаганомъ и удралъ въ самый центръ Литвы, въ Вильну. Прибывъ туда, онъ скоро нашелъ купца украденнымъ вещамъ, получилъ третью часть ихъ стоимости и поступилъ къ портному. Вскорѣ получилъ онъ вѣсть, что одинъ изъ его братьевъ крестился. Сколько ни старался онъ держать этотъ фактъ въ секретѣ, однакожъ портной—хозяинъ его, а затѣмъ и всѣ бывшiе въ домѣ, провѣдали о немъ. Это было причиною безконечныхъ преслѣдованiй и поруганiй, претерпѣнныхъ Гетцелемъ отъ всего дома своего хозяина-портнаго. Всѣ глумились надъ нимъ и попрекали братомъ его. Гетцель наконецъ не выдержалъ и бросилъ своего портнаго. Теперь уже легче ему было искать себѣ другаго хозяина, такъ какъ портняжское искуство нѣсколько уже засѣло въ его голову и свыклось съ его пальцами. Скоро нашелся портной, принявшiй Гетцеля на весьма выгодныхъ для послѣдняго условiяхъ. Мало по малу онъ изучилъ основательно портняжное искуство, накопилъ себѣ достаточное приданное и составилъ себѣ партiю. Женившись, онъ уже пересталъ служить при чужомъ столѣ, а сталъ владѣтелемъ собственнаго портняжнаго стола. Онъ вообще былъ статный молодой человѣкъ и, кромѣ того, два года, проведенные имъ когда-то въ Польшѣ, тоже небезполезны были для него тѣмъ, что онъ успѣлъ тамъ научиться свободно говорить по польски, что ему въ настоящее время принесло много пользы. Польскiе паны полюбили его за это и эта любовь была для него очень прибыльна. Онъ обзавелся хозяйствомъ, прижилъ себѣ двухъ дочерей, воспиталъ ихъ въ еврейскомъ духѣ, то есть воспитанiемъ ихъ совсѣмъ не занимался. Онъ рѣшился поправить свою

прежнюю репутацію, отчего и сталъ всеседневнымъ членомъ хосидскаго домишка (такъ на жаргонѣ называется молельня хосидовъ), моталъ деньги на разныя клаузныя почести. Наконецъ онъ добился почетнаго званія Габая. Послѣднее ему стоило немало усилій, онъ часто устроялъ шалешъ-судесы (третья субботняя трапеза особенно почитается хасидами), на которыя приглашалъ множество хасидовъ, заливалъ ихъ обильно водкою и взялъ себѣ двухъ арембахеромъ на субботу.

Такимъ-то образомъ онъ возвысился въ мнѣніи всѣхъ хасидовъ и съ каждымъ днемъ улучшалъ свою репутацію и отзывы объ немъ. Настала наконецъ пора выдать дочь замужъ. Онъ хотѣлъ прибрать ей жениха, который соотвѣтствовалъ-бы настоящему его значенію и той роли, какую онъ играетъ въ городѣ. Планы, какіе онъ строилъ для выдачи своей дочери, мы узнаемъ изъ слѣдующаго разговора его съ женою во время одного послѣ—обѣда, когда работы было мало, отчего работниковъ дома не было, а были только онъ, жена, дочь и остальныя дѣти.

— Ахъ, Меринке! плохія время настали. Работы ужъ слишкомъ три недѣли какъ въ нашемъ домѣ не имѣется. А расходы-то расходы! Къ тому-же дороговизна такая настала, что ужъ она у меня вотъ гдѣ стоитъ.

Тутъ онъ показалъ рукою на шею.

— Ахъ, Гетцель! еслибъ ты вчера слушалъ проповѣдь городскаго проповѣдника, ты-бы не то говорилъ! Онъ показалъ всю суетность всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ трудовъ. Онъ такъ задѣлъ мое сердце, что и слезъ не хватило. Ай-ай-ай ай!!... Сорке, что съ тобой вчера Эстеръ читала въ Цена-урена? обратилась мать къ дочери: кажется, тоже, что-то подобное. Я слушала, все слушала.

Дочь молчала и ничего не отвѣчала.

— Что? будетъ ли что нибудь изъ ея ученья? спросилъ ребъ Гетцель свою жену. Ужъ мнѣ надоѣло давать ея учительницѣ по 15 копѣекъ: что понедѣльникъ, то и вынимай 15 копѣекъ. Когда-жъ—этому будетъ конецъ? Не даромъ понедѣльникъ считаютъ несчастнымъ днемъ! Вѣдь уже четвертый годъ какъ учится!

— Ай, мой мужъ! Пускай это тебѣ не будетъ въ тягость. Отчего это именно ея ученіе у тебя лишняя вещь? Когда Богъ

даетъ намъ 15 копѣекъ, такъ лучшаго изъ нихъ употребленія мы сдѣлать не можемъ. Недаромъ говорится: кто дастъ мнѣ на рыбу, тотъ дастъ и на перецъ. Вѣдь она дѣвушка. Это для нея необходимо, какъ для тебя игла и нитки. На что, напримѣръ, она похожа будетъ, когда ее послѣ свадьбы, когда Богъ дастъ дожить, поведутъ въ синагогу, а она тамъ будетъ сидѣть словно деревянный чурбанъ? Можетъ, Богъ дастъ, найдемъ для нея жениха не въ городѣ, гдѣ женщины уже стали немножко.... лучше не говорить! а въ маленькомъ городкѣ, гдѣ еврейки такъ и смотрятъ на это, какъ на самую необходимую вещь, какъ оно въ самомъ дѣлѣ и есть. Легко тебѣ сказать: полно ее учить! Ты себѣ пускаешь эти слова въ бороду, ничуть не соображая, что ты такое сказалъ.

— Эхъ! тебѣ все женихи да женихи. Ты знаешь, что для этого еще и денегъ надо. Ужъ не скажу много, по крайней мѣрѣ триста рублей.

— Триста рублей!... гм...онъ все про свое. Развѣ мой отецъ далъ мнѣ такую сумму? однако-же я въ дѣвкахъ не осталась, тоже и съ нами будетъ. Мы сдѣлаемъ точно такъ, какъ родители наши дѣлали.

— И вправду, ты права, подхватилъ ее ребъ Гетцель.—До свадьбы пятьдесятъ рублей какъ нибудь сколотимъ, а тамъ мы еще не умершіе. Послѣ свадьбы, если Богъ поможетъ, можемъ дать еще больше того сколько обяжемся. Такъ и быть, Меринке, слѣдовало бы повидаться съ сватами, да попросить ихъ, чтобъ они и нашу дочь имѣли на виду. Чтоже? 50 рублей къ помолвкѣ представимъ, предъ свадьбою 50 рублей, а на двѣсти рублей вексель выдадимъ. Да знаешь ли, еще лучше? Женихъ до послѣ—свадьбы совсѣмъ ни о чемъ не долженъ знать. Мы должны сказать, что наша дочь имѣетъ триста рублей, а за триста рублей она достанетъ самого лучшаго арембахера. Вѣдь я непремѣнно арембахера—хотѣлъ, потому что, понимаешь? съ нимъ можно кое-какъ сладить. Коли мы послѣ свадьбы скажемъ, что двѣсти рублей новая чета у насъ имѣетъ, такъ это тоже не большой изъянъ. А если Богъ послѣ свадьбы поможетъ намъ, мы съ удовольствіемъ отдадимъ имъ, что слѣдуетъ. А сохрани Боже, не посчастливится мнѣ, что-же мнѣ, дорогія дѣтушки мои, дѣлать? развѣ украсть? Тогда мой зять можетъ и меламдомъ

сдѣлаться и это не велика бѣда. Вѣдь для этого-то мнѣ именно и хотѣлось бы такого, который былъ бы изъ лучшихъ въ ешиботѣ, потому, тора есть хорошій товаръ, вездѣ находитъ покупателей.

— Разумѣется, такъ....Знаешь ли, я уже просилъ ребъ Смерла и онъ даже записалъ нашу дочь въ спискѣ невѣстъ. Онъ намъ сыщетъ жениха; онъ намъ дастъ ихъ хоть столько, сколько мы и не предвидимъ.

— Да, ребъ Смерель—славная птица. Хотя носа то у него почти нѣтъ, однакожъ это ему иногда полезно: спрашиваютъ о чемъ нибудь, на что отвѣчать неудобно, тогда подъ носъ себѣ что нибудь скажетъ, и квита.

Жена засмѣялась отъ этой остроты.

Дочь ихъ, про которую шла рѣчь, хотя и находилась при этомъ разговорѣ и хотя слышала какія пагубныя ковы строятъ для ея будущаго мужа, а, слѣдовательно, и для нея самой, однакожъ слова не промолвила, какъ будто не про нее толкуютъ. Это молчаніе не было слѣдствіемъ излишка благоговѣнія ея къ родителямъ, въ разговоръ которыхъ она не смѣла вмѣшиваться, это было по двумъ причинамъ: она еще дитя, она нечего грѣха таить, была тѣмъ, что называется глупенькою дѣвчонкой. Несчастное дитя!

— Ну, чтожъ, Мера, насмѣшки въ сторону. Ребъ Смерлъ съ тѣхъ поръ, какъ ты его просила, еще ни разу не былъ съ предложеніемъ?

— Нѣтъ, онъ у насъ не былъ. Давича только я его на рыбномъ рынкѣ встрѣтила, такъ онъ сказалъ: ахъ, кабы вы знали, сколько я теперь тружусь для васъ! Такъ должно быть что будетъ на дняхъ у насъ.

— Ахъ, еслибъ онъ поспѣшилъ приходомъ своимъ!.. Для меня теперь открылся отличный случай получить рублей сорокъ или пятьдесятъ для представленія къ помолвкѣ. Я былъ вчера у пана Зодлинскаго, у него былъ балъ. Чтобъ ты видѣла, какъ ласково онъ меня принялъ, разспрашивалъ о моемъ семействѣ, о моихъ дѣтяхъ! Я ему сказалъ, что у меня цурка на выданью (дочь невѣста). Онъ меня представилъ нѣкоторымъ графамъ „вотъ мой кравецъ (портной), говоритъ, человѣкъ честный и добрый мастеръ“. Я тамъ распоряжался при чаѣ.

Такъ еслибы мнѣ теперь потребовалось нѣсколько десятковъ, я попросилъ бы у него и, кажется, онъ не рѣшился бы отказать мнѣ. А это было бы славно!

— Чтожъ? Ты только долженъ стараться сохранить его доброе расположеніе къ тебѣ.

— Знаешь ли—что слѣдовало бы, Мере? слѣдовало бы на эту субботу сварить для него два хорошихъ куска рыбы, да такъ, чтобъ было пріятно и для глазъ и для языка. Я ему понесу ихъ. Вѣдь ты знаешь, что всѣ прицимъ (польскіе паны) любятъ еврейскую рыбу. Они сами говорятъ: когда еврей сваритъ рыбы, то она вкуснѣе всякаго лакомства. Къ тому еще калачъ (бѣлый хлѣбъ) лишній испеки. Они ужасно любятъ наши калачи и нашу пасхальную мацу. Хотя этотъ сюрпризъ мнѣ будетъ стоить нѣсколько копѣекъ, но эти копѣйки могутъ современемъ принести мнѣ нѣсколько рублей.

— Э...это небольшія деньги. Я приготовлю рыбу какъ нельзя лучше. Двошке (служанка) сваритъ такъ, что это будетъ сама прелесть. Двошке, вѣдь, служила у Р., въ первомъ богатомъ домѣ нашего города, тамъ она выучилась такъ отлично стряпать, что не уступитъ въ этомъ искуствѣ искуснѣйшему повару. Да, смотри, чтобъ ты пану Зодлинскому сказалъ, что жена-де моя сварила эту рыбу, можете-де съ удовольствіемъ кушать.

— Разумѣется, такъ скажу.

— А вотъ кстати ребъ Смерлъ идетъ. Смотри, смотри, Мере, вонъ, вонъ идетъ. О какая радость!

— Приведи себя въ порядокъ, крикнула она на дочь: возьми сейчасъ Цена-урена и садись за нею. Скорѣе!!!

Сама она набросила на голову чепчикъ и ссунула на лобъ свой парикъ.

— Доброе утро, Мере, доброе утро, ребъ Гетцель! сказалъ ребъ Смерлъ, входя.

— Ахъ, Господи! какъ легки-то вы на поминѣ, сказалъ портной: припомни мы Мессію и тотъ, должно быть, пришелъ бы: такая случилась счастливая минута.

— Да развѣ вы меня вспоминали?

— Только что о васъ у меня съ женою шла рѣчь.

— Недаромъ мнѣ во всю дорогу икалось.

— Вотъ видите: мы не лгуны.

— О! кабы вы лгунами-то были, я бы съ вами не вошелъ въ сношенія, потому что я смерть не люблю лгуновъ.

Мужъ съ женою улыбнулись.

— Садитесь, любезный ребъ Смерлъ! мы съ вами старые друзья, стало быть, намъ нечего въ политику играть (еврейское выраженіе—церемониться). Сядьте вотъ тутъ! Двошке! обратился хозяинъ къ служанкѣ, поди за водкою! Вы, вѣроятно, отъ водки не откажетесь?

— Хотя, собственно говоря, я сегодня почти десять чарокъ уже выпилъ и мнѣ даже теперь докторомъ строжайше воспрещено пить водку, да, вѣроятно, отъ того не увернешься. Вотъ, напримѣръ, вы предлагаете мнѣ водку, ну, смѣю-ли я отказаться?

— Попробуйте-ка! Насильно въ горло волью!

— Вотъ видите, когда неволятъ меня, чтожъ дѣлать? Такъ и вездѣ: куда только ни прихожу: пейте да пейте!

— Ну, ничего, да будетъ на здоровье! Что новенькаго, ребъ Смерлъ?

— О....я сегодня въ клаузѣ слушалъ прелюбопытную новость.

— Что такое?

— Да развѣ вы не слыхали? Слышно, будто Іозефъ, царь Пруссіи, уже готовитъ огромную милицію противъ Турка. Тутъ, вѣдь, встревожится весь міръ. Прусскій король подкупилъ и французскаго и австрійскаго и всѣ трое уже идутъ къ границамъ турецкимъ.

Ребъ Гетцель выпучилъ глаза и разинулъ ротъ отъ любопытства.

— А....такимъ образомъ, вѣдь турокъ пропалъ.

— Нѣтъ, понимаете-ль? Турецкій царь тоже не мальчишка. Онъ уже давно приготовился. Вы, должно быть, слыхали о силѣ турецкой? Онъ всѣхъ ихъ одолѣетъ.

— Вотъ то-то будетъ схватка. Отъ кого же вы слыхали?

— Отъ кого? да отъ самого ребъ Шепселя. Вѣдь онъ ухо-на-ухо со всѣми высшими. Когда онъ говоритъ, такъ это печатныя слова.

— Знаете-ли, ребъ Смерлъ! тутъ улыбается и для насъ близкое спасенье. Понимаете-ли? Богъ знаетъ, что онъ дѣлаетъ.

Вѣдь Турція.... что такое Турція? это есть Эрецъ Ісроель (Израильская земля—Палестина). Должно быть, что тутъ кроется что нибудь и для насъ.

— Дай Богъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ ребъ Смерлъ.

— Но достовѣрно-ли это?

— Достовѣрно, разумѣется, достовѣрно!

Служанка принесла кварту водки и поставила ее на столъ. Жена ребъ Гетцеля подала двѣ рюмки.

— Э! что это за рюмочка? съ улыбающимся сердитымъ видомъ закричалъ ребъ Гетцель. Ты совсѣмъ забываешь, какъ я вижу, кто эту водку пить будетъ. Дай сюда мою кидушъ-чарку (чарка, въ которую вливается вино, освящеющее субботу. Она по закону, должна вмѣщать въ себѣ не менѣе четверти кварты). Она по карійлей мѣрѣ видная и сытная.

На лицѣ ребь Смерла появилась радостная улыбка.

— Вотъ эта сподручнѣе, закричалъ портной, принявъ изъ рукъ жены большой красный бокалъ съ длинною ножкою. Лейхаимъ! (на здоровье) сказалъ онъ, отпивъ глотокъ налитаго бокала, послѣ чего однимъ духомъ выпилъ весь бокалъ, при чемъ быстро откинулъ голову назадъ, а лѣвою рукою подхватилъ сзади чуть не слетѣвшую шапку. А!!! а !!! а !!!...сказалъ онъ, прищуривъ глаза, славная водка,—восьмидесяти градусный спиртъ! Гдѣ ты купила эту водку? спросилъ онъ служанку, наливая между тѣмъ другой бокалъ для свата.

— У Мейске Пархъ, отвѣтила служанка.

— У Мейске Пархъ? такъ вотъ почему водка хороша. Онъ меня никогда не обманываетъ.

— Лейхаимъ! сказалъ ребъ Смерлъ.

— Лейшолемъ (на миръ—на здоровье), отвѣтилъ ребъ Гетцель. Знаете-ли, вы мнѣ радостную вѣсть принесли!

— Какую вѣсть?

— Да насчетъ войны-то. Это, знаете, счастье, когда войны настаютъ. Тогда, понимаете, все движется, живетъ, и гарнизоны являются, отвсюду валятъ заработки. На всѣхъ льется золото; бѣдняки становятся милліонерами во время войны.

— Да, да, я самъ знаю много такихъ богачей.

— Да...извѣстное дѣло! и меня Богъ можетъ помиловать въ это время. Мнѣ теперь нужны деньги.

— Да, приготовьте, приготовьте, онѣ скоро потребуются. Я сыскалъ для вашей дочери славнаго, выгоднаго жениха. Только денежки потребуются.

— Ну ничего; чтожъ, когда потребуются, тогда и сыщутся. Съ кѣмъ же это вы ее сватаете?

— Я вамъ скажу....вы вѣрно согласитесь, что такая родня для васъ большое счастіе. Но Богъ знаетъ! хотя я черезчуръ расхвалилъ вашу дочь, наговорилъ столько, что ужъ наконецъ совѣстно стало,—но....

— Что-жъ они? велѣли къ намъ идти? Кто же они такіе?

— Что-же вы спѣшите? узнаете! А узнаете, такъ съ закрытыми глазами этого жениха примете. Что про жениха говорить. Онъ вѣдь чудо-парень. Умный, статный, красивый, смирный, скромный, благочестивый, ученый и чего еще?

— Этого, разумѣется, довольно; но кто же онъ такой?

— Нѣтъ, еще не все я про него сказалъ: онъ четыреста листовъ гемарры наизустъ знаетъ, скоро получитъ смихесъ на раввинство (Смихесъ—аттестатъ), хозяйскій сынъ.

— Кто его отецъ?

— Отецъ его, хотя простой ремесленникъ, но благочестивый еврей.

— Скажите мнѣ, наконецъ, кто онъ таковъ?

— Коротко сказать: отецъ—столяръ; его зовутъ „ребъ Хаимъ." Сынъ его, котораго я вамъ прочу въ женихи, учится въ клаузѣ Р . . . . . а. Онъ ужъ проходитъ семь листовъ въ недѣлю съ Тейсфесъ и Маршоэ (коментарій къ Талмуду).

— Какъ его зовутъ?

— Цемахъ, отвѣчалъ сватъ.

— Цемахъ? о Цемахѣ какомъ-то я слыхалъ. Рошъ-гашиве (учитель) 3-го отдѣленія приходится женѣ моей родственникомъ. Онъ когда-то, кажется, въ запрошлую субботу упоминалъ о какомъ-то Цемахѣ, какъ о чудѣ.

— Позвольте, позвольте, рошъ-гашива приходится родственникомъ вашей дочери!

— Кто? ребъ Зеликель?

— Да, да, ребъ Зеликель.

— Это мнѣ даже необходимо знать. Понимаете ли? чѣм больше такихъ людей, какъ ребъ Зеликль. въ вашей фамилі тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ наше дѣло. Я уже указалъ ребъ Ха иму-столяру вашу знатную родословную, что, между нами, н него окончательно подѣйствовало. Сначала онъ и слушать н хотѣлъ о вашей дочери; но какъ только я сталъ толкова ему ваше и жены вашей происхожденіе, онъ и открылъ нѣ сколько уши на мое предложеніе.

— Что-же онъ такая за птица? Я портной, а онъ—ст ляръ. Что-же онъ такъ дуется?

— Понимаетель? между его сыномъ и вашей дочерью огро ная разница. Но приступимъ къ болѣе матеріальнымъ интер самъ: сколько даете вашей дочери въ приданное?

— Я даю ей триста рублей, кромѣ обычныхъ подарко жениху, за что, разумѣется, и дочь моя не должна остаться бе подарковъ со стороны жениха.

— Триста рублей?...маленько немножко....Ну а посвадебн коштъ какой?

— Этого не могу сейчасъ обѣщать. Я еще не думалъ объ это Я посовѣтуюсь съ женою.

— Если не дадите, такъ сомнительно, даже очень сом тельно, состоится ли дѣло.

— Скажите мнѣ сперва, что вамъ ребъ Хаимъ отвѣча

— Онъ отвѣтилъ, что посмотритъ, разспроситъ обо все мною сказанномъ, и дастъ черезъ нѣсколько дней отвѣтъ.

— Ну, и отъ меня имѣете тотъ-же отвѣтъ.

— Я вамъ съ своей стороны совѣтую не медлить отвѣт и согласиться на посвадебный коштъ. Вѣдь она у васъ пер дочь, которую вы выдаете замужъ; вамъ, думаю, тяжело буд съ ней разстаться.

— Дай Богъ, я бы этого желалъ....Такъ постарайтесь, почите тамъ у ребъ Хаима.

— Ужъ вы мнѣ не напоминайте. Ну, прощайте!

— Прощайте!

И сватъ ушелъ.

М. Вольперъ.

(Окончаніе будетъ).

ЧЕРЧЕНСКАЯ ПЕЩЕРА [1]

(стихотвореніе)

Посвящается Н. И. Костомарову.

Печально и тихо, какъ бы надъ могилой,
Лѣса и долины угрюмо стоятъ.
Лишь Смотричь вдали, подъ столѣтнею ивой,
Уныло журчитъ у подошвы Карпатъ.

Минувшіе годы теперь вспоминая,
Я слышу въ прошедшей туманной дали
Печальные стоны родимаго края,
Страданья и вопли Подольской земли.

Вотъ тучныя нивы богато покрылись.
Колосьями чудной пшеницы и ржи,
И стаи воронъ надъ лѣсомъ закружились.
Надъ полемъ игриво порхаютъ грачи.

Вездѣ межь пшеницой серпы засверкали.
Послышались пѣсни веселыхъ жнецовъ;
Въ зеленой травѣ, при дорогѣ лежали
Паръ нѣсколько черныхъ, рабочихъ воловъ.

И солнечный лучь по лазури небесной
Игриво и тихо сверкалъ и скользилъ.
И въ тѣнь отъ жары, подъ густую черешню,
Усталыхъ жнецовъ онъ на отдыхъ манилъ.

---

1) Черченская пещера, это та самая пещера, о которой недав- упоминалъ въ своей первой публичной лекціи Н. И. Костома- въ. Она находится Подольской губерніи, въ Каменецкомъ здѣ и занимаетъ пространство отъ м. Черче, до С. Нѣшна. разстояніи болѣе чѣмъ 20 верстъ. Посѣтители этой пеще- поражаются валяющимися въ ней множествомъ человѣческихъ стей, а воображеніе простолюдина соединяетъ съ понятіемъ о разные страхи. О Черченской пещерѣ существуютъ самые ообразныя преданія, изъ коихъ одно разсказывается въ едлагаемомъ стихотвореніи.

Но вдругъ, среди этой веселой картины,
Послышались вопли и крики людей:
„Бросайте работу! спасайтесь, бѣгите!“
Послышался топоть татарскихъ коней....

Еще оглянуться жнецы не успѣли,
Татары, какъ тучи, слетѣли на нихъ,
И градомъ посыпались мѣткія стрѣлы.
Поднялись рыданья, и стоны и крикъ...

Минута,—и кровью поля обагрились,
И замерли пѣсни, и хохотъ умолкъ;
Лишь трупами тучное поле покрылось,
И, чуя добычу, завылъ въ лѣсу голодный волкъ.

Опять тишина.... Лишь пышная нива
Измята копытами вражьихъ коней;
Окончилась грустно веселая жнива,
Замолкли и пѣсни безпечныхъ людей.

Печально и тихо, какъ бы надъ могилой,
Лѣса и долины угрюмо стоятъ,
Лишь Смотричь вдали, подъ столѣтнею ивой,
Уныло журчитъ у подошвы Карпатъ.

Вотъ тамъ, подъ горою, пещера большая, —
Безмолвный свидѣтель ужасныхъ временъ;
Я слышу здѣсь стоны, я вижу страданья,
И все предо мною мелькаетъ какъ сонъ.

Вотъ мать своихъ бѣдныхъ малютокъ собрала
Несчастная скрыться въ пещеру спѣшитъ,
Сынишка трехлѣтній, въ рубашенкѣ рваной,
Въ испугѣ и съ плачемъ, за ней семенитъ.

Вотъ старецъ, съ предлинной сѣдой бородою,
Едва опираясь на суковатый шестъ,
Насилу плетется, и той же тропою,
Туда же—въ пещеру, за дочкой идетъ.

Густыми толпами спѣшатъ сюда люди,
И тѣ, что изъ поля вернулись въ живыхъ,
И тѣ, что недавно отняты отъ груди,
Съ женой ея мужъ, съ невѣстой женихъ.

Наполнилась быстро пещера большая
Толпами народа съ окрестныхъ полей,
И вдругъ превратилась нора подземная
Въ огромное село, въ жилище людей.

Напрасно татары рыскали по полю,
Въ селеньяхъ, оврагахъ, въ лѣсахъ, у болотъ!
Пещера большая, вблизи, подъ горою
Хранила укромно несчастный народъ.

И тихо, уныло, какъ бы надъ могилой,
Лѣса и долины угрюмо стоятъ,
Лишь Смотричь вдали, подъ столѣтнею ивой,
Уныло журчитъ у подошвы Карпатъ.

Татары все рыщутъ еще на Подоли...
И вотъ уже скоро окончится годъ....
И сжился съ пещерою—волей неволей,
Врагами запуганный, бѣдный народъ.

Пугливо выходятъ печальныя лица,
Вокругъ боязливо такъ смотрятъ онѣ,
И перелетная пугаетъ ихъ птица,
Чудится татаринъ на быстромъ конѣ

И вотъ у пещеры, на узкой дорожкѣ,
Явилась дѣвица, съ цвѣтами въ рукахъ;
Вокругъ оглянулась, какъ дикая кошка,
Когда ей послышится, лай злыхъ собакъ.

Была то невѣста. Она увидала
Вблизи отъ пещеры, подъ ивой цвѣтокъ,
И быстро, и робко къ нему подбѣжала,
Хотѣла бѣдняжка сорвать на вѣнокъ....

Но чу! что-то будто вдали промелькнуло...
Вотъ вотъ догоняетъ, вотъ громко кричитъ....
Дѣвица пугливо назадъ оглянулась...:
А страшный татаринъ рукою манитъ....

Стрѣлою пустилась къ пещерѣ глубокой.
Какъ коршунъ за нею татаринъ бѣжалъ,
Стрѣльнулъ онъ изъ лука, но было далеко,
И дѣвушка скрылась въ глубокій провалъ.

И свиснулъ онъ громко, и вотъ надъ рѣкою
Пронесся далеко пронзительный свистъ;
И въ мигъ у пещеры, большою толпою,
Татары, какъ волки, вокругъ собрались.

Смекнули въ чемъ дѣло и быстро рѣшили:
Въ минуту изъ лѣса колодъ нанесли,
Отверстье въ пещеру на глухо забили,
Соломой прикрыли, и все подожгли.

И вмигъ разгорѣлись сухія колоды.
Татары смотрѣли и ждали потѣхъ,
И дико неслись у печальнаго входа
И радость и стоны, и слезы и смѣхъ.

Все тише и тише печальные звуки...
И скоро на вѣки замолкли они,
И только на память ужаснѣйшей муки
Бѣлѣютъ у входа лишь кости одни.

Печально и тихо, какъ бы надъ могилой
Лѣса и долины угрюмо стоятъ
Лишь Смотричь вдали, подъ столѣтнею ивой,
Уныло журчитъ у подошвы Карпатъ......

Митрофанъ Симашкевичъ.

С.-Петербургъ. 1870 г. 9 Марта.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

Высочайшее повелѣніе.

Государственный совѣтъ, въ дапартаментѣ государственной экономіи и въ общемъ собраніи, разсмотрѣвъ представленіе оберъ-прокурора св. синода по журналу Высочайше учрежденнаго присутствія по дѣламъ православнаго духовенства, о замѣнѣ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ поземельнымъ сборомъ существующихъ тамъ натуральныхъ повинностей прихожанъ въ пользу православнаго духовенства, *мнѣніемъ положилъ:*

1) Въ губерніхъ: Могилевской, Витебской, Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской, установленныя положеніемъ 20 іюля 1842 года натуральныя повинности прихожанъ въ пользу православнаго духовенства отмѣнить съ 1-го января 1870 года.

2) Съ того же срока, учредить въ означенныхъ шести губерніяхъ поземельный сборъ, подобно тому, какой установленъ Высочайшимъ повелѣніемъ, 16-го января 1867 г., въ юго-западномъ краѣ и, сходно съ симъ, опредѣлить оный для губерній: Могилевской въ 54,660 р., Витебской 42,590 р., Виленской 54,460 р., Ковенской 40,460 р., Гродненской 49,160 р. и Минской 68,372 р., и взимать его со всѣхъ тѣхъ земель, которыя обложены уже сборомъ на губернскія земскія повинности.

3) Разкладку вновь учреждаемаго сбора предоставить въ каждой губерніи соединеннымъ губернскому по крестьянскимъ дѣламъ и особому о земскихъ повинностяхъ присутствіямъ, на тѣхъ же основаніяхъ, на кокоторыхъ разложенъ поземельный сборъ на губернскія земскія повинности, утвержденіе же раскладокъ подчинить тому порядку, какой установленъ для утвержденія раскладокъ земскихъ въ тѣхъ губерніяхъ повинностей, распространивъ этотъ же порядокъ, со времени наступленія срока для составленія новыхъ раскладокъ земскихъ повинностей слѣдующаго за настоящимъ трехлѣтія, и на утвержденіе раскладокъ устано-

вленнаго Высочайшимъ повелѣніемъ 16-го января 1867 г поземельнаго сбора въ пользу духовенства въ Кіевской, По дольской и Волынской губерніяхъ.

4) Изъ поименованныхъ въ п. 2 суммъ, впредь до со ставленія раскладокъ земскихъ повинностей на будущее съ 1872 г., трехлѣтіе, назначить, соразмѣрно народонасе ленію разныхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій шести сѣ веро-западныхъ губерній, для православнаго духовенств 184 т. р., а на духовныя потребности другихъ христіан скихъ вѣроисповѣданій—125,702 р.

5) На будущее, послѣ окончанія срока дѣйствующих смѣтъ земскихъ повинностей, время дѣлать новое распре дѣленіе суммъ поземельнаго сбора между православнымъ иновѣрнымъ духовенствомъ, чрезъ каждые три года, пр самомъ утвержденіи раскладокъ этого сбора, пропорціал наго числу жителей въ каждой губерніи православнаго иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, для чего соедине ныя губернскія по крестьянскимъ и особыя о земских повинностяхъ присутствія, вмѣстѣ съ представленіемъ порядку раскладокъ поземельнаго сбора въ пользу духове ства на утвержденіе, должны представлять точныя свѣд нія о числѣ жителей въ каждой губерніи, по вѣроиспов даніямъ.

Правило это распространить, съ того же времени, и распредѣленіе между православнымъ и иновѣрнымъ дух венствомъ суммъ учрежденнаго, по Высочайшему повел нію, 16-го января 1867 г., поземельнаго сбора въ губе ніяхъ: Кіевской, Подольской и Волынской.

6) Состоявшіяся въ нѣкоторыхъ православныхъ прих дахъ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ соглашенія ме ду причтами и прихожанами, относительно замѣна нат ральныхъ повинностей денежными платежами, не сч тать впредь обязательными для прихожанъ.

Означенное мнѣніе государственнаго совѣта Его Имп раторское Величество, въ 16-й день марта сего года, В сочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

(Вил. Вѣстн.).

О предоставленіи православнымъ священникамъ права преподавать духовныя требы по просьбѣ лицъ греко-уніатскаго обряда.

Святѣйшій правительствующій сунодъ слушали предложеніе господина сунодальнаго оберъ-прокурора, отъ 4-го ноября 1869 г., за № 4,844, при коемъ препровождено, въ копіи, изъ министерства народнаго просвѣщенія, сообщеніе по вопросу о возможности православнымъ священникамъ преподавать требы по просьбѣ лицъ греко-уніатскаго обряда. Изъ сообщенія этого видно, что одинъ изъ живущихъ въ Петербургѣ греко-уніатовъ обратился въ недавнее время къ одному изъ столичныхъ православныхъ священниковъ съ просьбою совершить св. крещеніе, по обряду православной церкви, надъ ребенкомъ, происходящимъ отъ родителей уніатовъ. Священникъ долго колебался исполнить эту просьбу и только уступая настояніямъ отца, въ виду крайне опаснаго положенія ребенка, почти умирающаго, рѣшился совершить крещеніе. Случай этотъ привелъ въ недоумѣніе уніата, ищущаго сближенія съ православною церковью. Естественно ожидать, что повтореніе подобныхъ случаевъ подѣйствуетъ весьма неблагопріятно на возникающее нынѣ въ части уніатскаго населенія добровольное стремленіе къ православной церкви. Господинъ оберъ-прокуроръ обратилъ вниманіе на это обстоятельство и указалъ, въ видахъ разрѣшенія возникающаго отсюда вопроса о допущеніи уніатовъ къ принятію духовныхъ требъ отъ православныхъ священниковъ, на послѣдовавшее въ послѣдніе годы, по ходатайству г. военнаго министра рѣшеніе святѣйшаго сунода о дозволеніи православнымъ священникамъ преподавать духовныя требы служащимъ въ войскахъ уніатамъ. Справка: въ 1866 году, военный министръ сообщилъ, что въ число рекрутъ Царства Польскаго принимаются на службу греко-уніаты и, при распредѣленіи, поступаютъ, между прочимъ, и въ такія войска, которыя расположены, въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ уніатскихъ храмовъ и духовенства, а потому возбуждается вопросъ: ка-

кимъ образомъ въ подобныхъ мѣстахъ нижніе чины греко-уніатскаго вѣроисповѣданія должны исполнять свои религіозныя обязанности? Святѣйшій сунодъ, выслушавъ предложеніе по сему предмету, по опредѣленію 25-го января (21-го іюля) 1867 года, предоставилъ господину оберъ-прокурору сообщить генералъ-адъютанту Милютину, что военные чины греко-уніатскаго вѣроисповѣданія, состоящіе въ войскахъ, расположенныхъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ уніатскихъ храмовъ и духовенства, могутъ, для исполненія христіанскихъ требъ, обращаться къ православному духовенству, что и исполнено 21-го іюня 1867 года, за № 3,360. Приказали разсмотрѣвъ изложенное, святѣйшій сунодъ находитъ, что по вопросу, возбужденному въ декабрѣ 1866 года военнымъ министромъ о томъ, къ кому должны обращаться нижніе воинскіе чины греко-уніатскаго исповѣданія для исполненія религіозныхъ обязанностей въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ храмовъ и духовенства сего исповѣданія, святѣйшій сунодъ, по опредѣленію 25-го января (21-го іюня), 1867 года, разрѣшилъ, что военные чины греко-уніатскаго исповѣданія, для исполненія христіанскихъ требъ, могутъ обращаться къ православному духовенству. Согласно съ симъ и нынѣ, въ разрѣшеніе вышеизъясненнаго сообщенія министерства народнаго просвѣщенія, святѣйшій сунодъ опредѣляетъ: предоставить православнымъ священникамъ исполнять требы и совершать таинства надъ лицами греко-уніатскаго исповѣданія, когда сіи послѣднія будутъ ихъ о томъ просить; о чемъ дать знать циркулярными указами епархіальнымъ преосвященнымъ, для объявленія духовенству ввѣренныхъ имъ епархій. Февраля 25-го дня 1870 года.

(Вил. Вѣстн.).

Освященіе православнаго храма въ Гроднѣ.

Въ Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ описано торжество 4-го апрѣля слѣдующимъ образомъ: 4-го апрѣля настоящаго года, г. Гродна былъ свидѣтелемъ весьма знаменательнаго для православія торжества въ здѣшнемъ

краѣ. Въ этомъ день, памятный для цѣлой Россіи спасеніемъ драгоцѣнной жизни Государя Императора отъ угрожавшей Его Величеству въ 1866 г. опасности, совершилось освященіе воздвигнутаго въ этомъ городѣ православнаго храма, посвященнаго имени св. Благовѣрнаго и Великаго Князя Александра Невскаго. Исторія указываетъ намъ, что Гродна еще издревле была городомъ православнымъ; еще въ 1560 году было въ Гроднѣ шесть церквей греко-восточныхъ и одна римско-католическая, но время и обстоятельства частію со всѣмъ изгладили изъ памяти людей слѣды и мѣста однѣхъ изъ нихъ, отъ другихъ же оставили намъ однѣ развалины. Существующія теперь православныя церкви были прежде католическими и не благочестивое усердіе православныхъ положило имъ основаніе. Красующійся теперь на дворцовой площади Гродны, храмъ св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго есть первый и единственный храмъ, созданный набожностію здѣшнихъ русскихъ людей, воодушевленныхъ патріотическимъ чувствомъ и проникнутыхъ благоговѣйною признательностію къ божественному Промыслу за чудесное спасеніе жизни обожаемаго Монарха отъ преступной руки злодѣя. Вскорѣ послѣ событія 4-го апрѣля 1866 г., въ залахъ гродненскаго благороднаго собранія, и именно 20 апрѣля, единодушно было выражено русскимъ обществомъ желаніе увѣковѣчить этотъ день построеніемъ православнаго храма въ г. Гроднѣ. Еще на канунѣ многожеланнаго дня, гродненское общество, съ самаго утра, съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ готовилось встрѣтить приглашенныхъ изъ Вильны дорогихъ гостей: преосвященнѣйшаго Іосифа, епископа Ковенскаго, имѣвшаго освятить вновь созданный храмъ, который и прибылъ съ дневнымъ поѣздомъ, и г. виленскаго генерелъ-губернатора А. Л. Потапова и его супругу, удостоившихъ своимъ присутствіемъ настоящее празднество и прибывшихъ съ вечернимъ поѣздомъ. Въ 7-мъ часовъ вечера, при устроенной вокругъ храма иллюминаціи, началось въ немъ всенощное бдѣніе, которое совершалъ преосвященнѣйшій Іосифъ, въ сослуженіи шести священнослужителей, при громадномъ стеченіи молящихся,

количество которыхъ церковь была не въ состояніи помѣстить въ себѣ и въ половину. Въ самый день 4-го апрѣля, съ ранняго утра, начали собираться войска, стекаться народъ, и, по прибытіи преосвященнаго Іоосифа, въ 1 часовъ началось самое торжество освященія. Во время литургіи, былъ поставленъ въ діакона присоединенный к единовѣрію одинъ изъ наставниковъ безпоповщинской секты поморскаго согласія по имени Мартиніанъ 1).

Послѣ духовной церемоніи, главнымъ начальникомъ края былъ дѣлаемъ смотръ собраннымъ на площади войскамъ отпущено по его приказанію каждому нижнему чину от него по чаркѣ водки. Затѣмъ Александръ Львовичъ Потаповъ, съ преосвященнѣйшимъ Іосифомъ и многими почетными лицами, удостоилъ бесѣдовать съ собравшимися на празднеству освященія изъ уѣздовъ Гродненскаго, Сокольскаго и Бѣлостокскаго, волостными старшинами и сельскими старостами, въ числѣ около 150 человѣкъ. Главный начальникъ края и преосвященный Іосифъ обратились къ крестьянамъ, къ участникамъ въ пожертвованіяхъ, съ рѣчью о причинѣ настоящаго торжества и роздавъ имъ крести и молитвенники, присутствовали на предложенной и предсѣдателемъ комитета закускѣ. При чемъ генералъ-губернаторомъ провозглашены были тосты за здравіе Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника, Государыни Цесаревны и всего Царствующаго Дома, которые, конечно, встрѣчены были съ величайшимъ восторгомъ.

Затѣмъ, въ три часа пополудни, на радушно предложенномъ всему русскому обществу завтракѣ гродненскимъ губернаторомъ, княземъ Д. Н. Кропоткинымъ, г. главнымъ начальникомъ края, А. Л. Потаповымъ, предложены были тѣ же тосты и посланы были телеграммы: Государынѣ Императрицѣ, Государю Наслѣднику Цесаревичу, Государынѣ Цесаревнѣ и Великой Княгинѣ Александ

---

1) Новопоставленный діаконъ на литургіи слѣдующаго въ томъ же храмѣ поставленъ преосвященнымъ Іосифомъ санъ іерея.

Петровнѣ, отъ имени духовенства, войска, дворянства, всѣхъ служащихъ и всѣхъ сословій о томъ, что вознеся Господу Богу благодаренія и горячія мольбы о здравіи и благоденствіи Государя Императора, Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника Цесаревича, Государыни Цесаревны и всего Августѣйшаго Дома въ освященномъ храмѣ, повергаютъ къ стопамъ Ея Величества вѣрноподданническія чувства благодарности за Всемилостивѣйшее вниманіе и драгоцѣнныя для всѣхъ пожертвованія въ нынѣ освященный святой храмъ и къ стопамъ Ихъ Высочествъ глубочайшую благодарность за щедрыя приношенія новому храму. Отвѣтная телеграмма Государыни Императрицы, полученная въ Гроднѣ того же числа, слѣдующаго содержанія: „Генералъ-губернатору Потапову. Искренно благодарю, какъ за выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ, такъ и за извѣщеніе о благополучномъ событіи освященія въ нынѣшній день храма во имя Святого Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго. Марія.“ Отъ Государя Наслѣдника Цесаревича: „Генералъ-Адъютанту Потапову. Благодарю за телеграмму. Привѣтствую строителей святого храма съ окончаніемъ благого предпріятія. Александръ.“

(Вил. Вѣстн.).

Объ учрежденіи единовѣрческихъ приходовъ въ литовской епархіи.

„Литов. Епархіальн. Вѣдом.“ сообщаютъ, что въ воскресенье, 15-го марта, преосвященнымъ Іосифомъ, епископомъ ковенскимъ, въ Николаевскомъ каѳедральномъ соборѣ, рукоположенъ во діакона, а въ слѣдующее воскресенье, 22 го марта, во священника, бывшій старообрядческій наставникъ Артемій Сухорукинъ, изъ мѣщанъ города Якобштадта, для новооткрывающейся въ Новоалександровскомъ уѣздѣ, Ковенской губерніи, паствы изъ среды раскольниковъ безпоповцевъ, присоединившихся къ православной церкви на правилахъ единовѣрія. Того же 22-го марта, рукоположенъ во діакона, а 25-го марта, во священни-

ка, так же бывшій старообрядческій наставник, и крестьян д. Каролишек Вилкомірскаго уѣзда, Василій Дарандов. Первый приход единовѣрцев открывается в г. Новоалександровскѣ, а второй—в деревнѣ Каролишках Вилкомірскаго уѣзда. В городѣ Ковнѣ также открывается третій единовѣрческій приход.

Движеніе в средѣ раскола Ковенской и Виленской губерніи, гдѣ всѣх раскольников считается болѣе 30 тысячь, к единенію с православною церковію, на правилах единовѣрія, началось еще пред 1868 годом под вліяніем извѣстнаго инока Павла прусскаго, нынѣ іеромонаха, настоятеля московскаго единовѣрческаго Никольскаго монастыря. К покойному, блаженной памяти, митрополиту Іосифу поступило заявленіе раскольников деревни Каролищек о их желаніи присоединиться к церкви, с просьбами о содѣйствіи к открытію приходов и о посвященіи для них из их среды священника. В прошлом же 1869 г., поступили таковыя же просьбы и от других раскольников гг. Ковны и Новоалександровска.

Между тѣм, как литовское епархіальное начальство вело подлежащія сношенія и ходатайствовало, гдѣ слѣдует, об открытіи приходов, обезпеченіи причтов и о средствах к устройству церквей, совершилось тѣм временем дѣло присоединенія, чрез святое миропомазаніе, при посредствѣ как упомянутаго іеромонаха Павла, так и двукратно пріѣзжавшаго из Петербурга священника тамошней единовѣрческой церкви, о. Алексѣя Троицкаго, по распоряженію высокопреосвященнѣйшаго митрополита с.-петербургскаго, Исидора, вслѣдствіе ходатайства о том высокопреосвященнѣйшаго Макарія.

Содержаніе трех причтов единовѣрческих церквей, из священника и одного причетника при каждой, по распоряженію св. синода, в прошедшем году уже ассигновано к отпуску в 1870 году, со дня посвященія первых и утвержденія послѣдних в должностях. На устройство же церквей, с причтовыми помѣщеніями при них, отпущено пособіе пока в 5,000 р.

Въ непродолжительномъ времени имѣетъ совершиться 1) освященіе и третьяго священника, т. е., для Ковенской единовѣрческой церкви. (*Вил. Вѣстн.*)

Извлеченіе изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра государственныхъ имуществъ.

Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ.

Статьею 2-ю Высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату въ 16-й день мая 1867 года, постановлено, что въ десяти западныхъ губерніяхъ границы предоставляемаго въ собственность бывшихъ государственныхъ крестьянъ надѣла, и размѣръ причитающихся, съ нихъ ежегодныхъ платежей, опредѣляются особыми люстраціонными коммиссіями, подъ наблюденіемъ и руководствомъ министерства государственныхъ имуществъ.

Высочайшимъ повелѣніемъ этимъ освящены и утверждены сдѣланныя еще до изданія сего закона, министромъ государственныхъ имуществъ, административныя распоряженія къ производству въ западныхъ губерніяхъ новой люстраціи.

Люстраціонныя коммиссіи, составленныя изъ командированныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ благонадежныхъ чиновниковъ русскаго происхожденія, учреждены были въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Ковенской въ 1864 г., въ Минской—въ 1866 г. и въ Кіевской—въ 1868 г., для лучшаго устройства крестьянскаго землевладѣнія и болѣе правильнаго опредѣленія размѣра оброчной подати, въ виду того, что результаты прежнихъ люстраціонныхъ работъ, произведенныхъ мѣстными люстраціонными чиновниками, оказывались въ нѣкоторыхъ случаяхъ крайне-неудовлетворительными: оброчная подать была распредѣлена неуравнительно, и оказывалась по нѣкоторымъ селеніямъ отяготительною для крестьянъ, а часть необходимыхъ крестьянамъ земель была обращена подъ казенныя фермы, сдававшіяся въ аренду большею частью лицамъ польскаго происхожденія. Люстраціоннымъ коммиссіямъ надлежало: возвратить и прирѣзать крестьянамъ необходимыя для лучшаго обезпеченія

---

1) Уже совершилось. Ред.

ихъ быта земли, устранить чрезполосность и неудобное межд отдѣльными домохозяевами распредѣленіе угодій, надѣлить вною мѣстныхъ государственныхъ крестьянъ оставшихся безземельными а также водворяемыхъ въ западномъ краѣ русскихъ переселен цевъ, и затѣмъ, повѣривъ и исправивъ оцѣнку крестьянских земель, опредѣлить окончательный размѣръ поземельнаго сбор долженствующаго служить основаніемъ къ исчисленію слѣду щихъ съ крестьянъ выкупныхъ платежей. Работы люстраціонных коммиссій усложнялись, сравнительно съ работами по поземел ному устройству крестьянъ во внутреннихъ губерніяхъ, тѣмъ о стоятельствомъ, что въ западныхъ губерніяхъ—вмѣсто отгран ченія и утвержденія, *по цѣлому селенію, существующа о(бщинного надѣла*—приходилось *отводить вновь надѣлы*, допущеніемъ измѣненія прежнихъ границъ посредствомъ прир зокъ и обмѣновъ, и съ *распредѣленіемъ надѣла* между *от дѣльными домохозяевами*, владѣющими землею подворно, не на общинномъ правѣ.

Сверхъ того, на тѣ же люстраціонныя коммиссіи возложен были работы: по отводу казенныхъ земель для дополнительна обезпеченія православныхъ причтовъ по образованіи изъ свобо ныхъ за надѣломъ крестьянъ казенныхъ земель и частью и конфискованныхъ имѣній участковъ въ размѣрѣ отъ 20 до 1,0(десят. и болѣе, для продажи сихъ участковъ, на основа Высочайше утвержденной 23-го іюня 1865 г. инструкціи, л цамъ русскаго происхожденія, въ видахъ усиленія въ западно краѣ русскаго землевладѣнія. Наконецъ, чины люстраціонны коммиссій принимали участіе и въ оцѣнкѣ имѣній, подлежа шихъ обязательной продажѣ въ силу Высочайшаго повелѣн 10-го декабря 1865 г.

Несмотря на трудность и многосложность предстоявши люстраціоннымъ коммиссіямъ работъ, работы эти были оконче въ 1869 г. въ губерніяхъ: Гродненской, Минской, Виленской Ковенской, что даетъ министерству государственныхъ имущест возможность, по мѣрѣ окончанія въ этихъ губерніяхъ утвержде люстраціонныхъ актовъ, перевести оттуда люстраціонныхъ ч новъ въ губерніи Волынскую, Подольскую, Витебскую и Мо левскую, и открыть тамъ дѣйствія люстраціонныхъ коммиссій тѣхъ же основаніяхъ.

Скорое и успѣшное окончаніе этого дѣла въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ слѣдуетъ приписать, кромѣ усердія мѣстныхъ исполнителей, тому обстоятельству, что предварительныя административныя распоряженія по этому предмету оказались вполнѣ соотвѣтствовавшими изданному въ 1867 г. закону, который, утвердивъ то направленіе, какое было уже дано дѣлу, указалъ ясныя и опредѣлительныя правила для его окончанія. Благодаря сему, а также опытности, пріобрѣтенной мѣстными исполнителями, въ составѣ коихъ во все время работъ допускались перемѣны только въ исключительныхъ случаяхъ, примѣненіе закона на мѣстѣ не возбуждало ни сомнѣній, ни недоразумѣній.

Дѣйствія люстраціонныхъ коммиссій въ этихъ четырехъ губерніяхъ касались 10,937 селеній, въ томъ числѣ *930 селеній вновь образовавшихся* изъ водворенныхъ послѣ мятежа 1863 года на казенныхъ земляхъ *переселенцевъ* изъ внутреннихъ губерній, отставныхъ солдатъ и мѣстныхъ русскихъ старообрядцевъ.

До открытія дѣйствій люстраціонныхъ коммиссій въ означенныхъ губерніяхъ, въ казенныхъ имѣніяхъ числилось 323,416 душъ, съ надѣломъ въ 2,038,384 дес.; въ томъ числѣ удобной оцѣненной земли 1,775,199 дес., неоцѣненной (т. е. пастбищъ и выгоновъ, предоставляемыхъ крестьянамъ безплатно, въ прибавокъ къ полевому надѣлу) 114,915 дес. и неудобной (подъ водами, дорогами, болотами и проч.) 148,270 дес.

По окончаніи новой люстраціи, по причисленіи вновь водворенныхъ на казенныхъ земляхъ поселенцевъ, и по включеніи въ крестьянскій надѣлъ прирѣзанныхъ къ оному и отведенныхъ поселенцамъ и мѣстнымъ безземельнымъ крестьянамъ казенныхъ земель, число душъ, надѣленныхъ землею въ казенныхъ селеніяхъ увеличилось до 412,685, во владѣніе коихъ отведено 2,512,057 дес., въ томъ числѣ удобной, обложенной по оцѣнкѣ 2,094,618 дес., удобной же не оцѣненной—152,578 дес., и неудобной—264,861 дес.

Такимъ образомъ люстраціонными коммиссіями вновь водворено на казенныхъ земляхъ русскихъ переселенцевъ и отставныхъ солдатъ 89,269 душъ. Значительная часть новыхъ поселеній устроена въ мѣстностяхъ пограничныхъ и лѣсистыхъ, гдѣ доселѣ было слабо русское населеніе. Вслѣдствіе надѣла новыхъ

поселенцевъ и мѣстныхъ безземельныхъ крестьянъ; а также вслѣ
ствіе прирѣзовъ къ существовавшимъ участкамъ, недостаточн
обезпеченныхъ землею домохозяевъ, общее пространство крест
янскихъ земель увеличилось на 473,673 дес., въ томъ чис
удобной оцѣненной земли 319,419 дес., удобной неоцѣненн
37,663 дес. и неудобной 116,591 дес.

Среднимъ числомъ приходится теперь на душу по 6,09 де
въ томъ числѣ удобной оцѣненной 5,08 дес., неоцѣненной (пас
бищной и выгодной) 0,37 дес. и неудобной 0,64 дес. Но это
средній выводъ измѣняется въ частности по губерніямъ: вы
всего надѣлъ въ Минской губерніи, гдѣ среднимъ числомъ
душу приходится болѣе 8-ми дес., а ниже всего въ Гродн
ской—гдѣ приходится лишь съ небольшимъ по 5-ти дес.
душу.

Но, такъ какъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ существ
етъ участковое владѣніе, то здѣсь, кромѣ общаго отношен
числа душъ къ количеству земли крестьянскаго надѣла, имѣе
большое значеніе средній размѣръ крестьянскихъ подворны
участковъ. Участки въ каждомъ селеніи различаются на *полн*
хозяйскіе участки и на *полуучастки*, предоставляемые преи
щественно тѣмъ крестьянамъ, которые не въ состояніи обза
стись полнымъ хозяйствомъ. Сверхъ того есть мелкіе усад
ные и огородные участки, отводимые отставнымъ солдатамъ
беззeмельнымъ крестьянамъ тамъ, гдѣ они не въ состояніи
завестись земледѣльческимъ хозяйствомъ, или гдѣ недостато
казенной земли для надѣленія всѣхъ беззeмельныхъ полным
даже половинными участками. Впрочемъ, въ большей части мѣ
ностей преобладаютъ полные участки, что доказывается при
денными выше довольно высокими средними цифрами надѣла
разсчету на общее число душъ.

Средній размѣръ полнаго крестьянскаго участка составл
въ сложности по всѣмъ четыремъ губерніямъ 27,7 дес., и
обще въ большей части уѣздовъ этихъ губерній, размѣръ у
стковъ преимущественно колеблется между 20-ю и 30-ю де
тинами; но въ частности въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ разм
этотъ значительно измѣняется подъ вліяніемъ различныхъ п
чинъ.

Въ мѣстностяхъ, гуще населенныхъ, гдѣ при томъ зе

распредѣляется довольно равномѣрно между домохозяевами каждаго селенія, размѣръ участковъ понижается; напримѣръ: въ Бѣльскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи на участокъ приходится только по $17^3/_4$ дес.

Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ участковое хозяйство переходитъ въ фермерное, гдѣ встрѣчаются такъ называемыя односелья и вообще такіе отдѣльно-лежащіе участки, которые не могутъ быть обработываемы средствами одного крестьянскаго семейства, безъ пособія наемныхъ работниковъ, такіе крупные участки оставлены въ прежнихъ размѣрахъ, ибо по силѣ ст. 6-й Высочайше утвержденныхъ 20-го октября 1867 г. правилъ о составленіи люстраціонныхъ актовъ, безъ согласія домохозяевъ не можетъ быть допускаемо уменьшеніе существующаго размѣра крестьянскихъ участковъ. Вслѣдствіе сего въ Тельшевскомъ уѣздѣ Ковенской губерніи средній размѣръ участка доходитъ до 28 дес., а въ нѣкоторыхъ, конечно рѣдкихъ, случаяхъ встрѣчаются такіе участки до 120 дес. каждый.

Въ другихъ мѣстностяхъ размѣръ участковъ увеличивается вслѣдствіе малоцѣнности земли и огромнаго количества находящихъ въ составъ участковъ неудобныхъ пространствъ. Есть уѣзды, гдѣ надѣлъ крестьянъ состоитъ изъ разбросанныхъ среди болотъ клочковъ пахатныхъ и луговыхъ земель, причемъ окружающія болота могутъ лишь въ нѣкоторые сухіе годы служить отчасти крестьянамъ для сѣнокошенія. Такимъ образомъ въ Мозырскомъ уѣздѣ Минской губерніи средній размѣръ участка доходитъ до 64-хъ дес., а по нѣкоторымъ селеніямъ встрѣчаются участки даже до 179 дес., въ числѣ коихъ значительная часть (нерѣдко болѣе половины) неудобной и неоцѣненной земли. Хотя подобные размѣры участковъ, изобилующихъ неудобною землею, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской губерніи, однако число ихъ оказываетъ существенное вліяніе на средніе по губерніи выводы. Въ Минской губерніи средній по губерніи размѣръ участка доходитъ до $34^1/_2$ дес., въ составъ коихъ входитъ до 20% *неудобныхъ и неоцѣненныхъ пространствъ*, тогда какъ въ Ковенской губерніи, даже при существованіи многихъ крупныхъ и цѣнныхъ участковъ, средній по губерніи размѣръ участка составляетъ лишь около 26-ти дес., въ томъ числѣ менѣе 10% неудобныхъ и неоцѣненныхъ земель, т. е. слиш-

коихъ въ два съ половиною раза меньше противъ Минской гу-берніи.

За прежде отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ земли по-ступало всего оброчной подати въ четырехъ сѣверо-западны губерніяхъ. 1.386,735 руб. 17 коп.

Въ средней сложности прежняя оброчная подать составля 78 1/10 к. съ дес. оцѣненной земли; въ отдѣльности же по гу-берніямъ подать эта составляла въ Ковенской губерніи 1 1 1/2 коп., а въ губерніяхъ: Виленской, Гродненской и Минск отъ 67 до 68 коп. съ десятины.

Вновь исчисленный люстраціональными коммиссіями размѣ оброчной подати подлежалъ, на основаніи ст. 12 и 13-й В сочайше утвержденныхъ, 20-го октября 1867 г., правилъ люстраціонныхъ актахъ, сличенію по каждому селенію съ в купными платежами крестьянъ въ сосѣднихъ помѣщичьихъ им ніяхъ, съ тѣмъ чтобы онъ былъ ниже послѣднихъ, по крайн мѣрѣ, на 10%, и затѣмъ, съ прежними платежами крестья возвышеніе коихъ допускалось неболѣе какъ на 18%.

Вновь исчисленный люстраціонный оброкъ оказался бо чѣмъ на 10% ниже, чѣмъ выкупные платежи въ помѣщи ихъ имѣніяхъ по 7,842 селеніямъ, и потребовалъ понижен для сравненія съ сими платежами уменьшенными на 10% 3,023 селеніяхъ. При этомъ произведенное по новой люстра болѣе правильное и соразмѣрное со стоимостію надѣла расп дѣленіе оброчной подати потребовало пониженія прежняго с ра по 5,814 селеніямъ, и повышенія по 3,848 селеніямъ.

По увеличеніи исчисленной на указанномъ выше основа оброчной подати на 10%—для обращенія оной въ выкуп платежи, коими стоимость крестьянскаго надѣла должна б погашена въ установленный срокъ—общая сумма выкупн платежей по четыремъ сѣверо-западнымъ губерніямъ состав 1,705,618 руб. 51 коп., а въ средней сложности на десят 81,4 коп.; въ отдѣльности же по губерніямъ: въ Ковенско 1 р. 12 3/4 коп., въ Гродненской и Виленской—71 и 71 1/ и въ Минской—55 1/2 к. съ десятины.

Такимъ образомъ, общая сумма выкупныхъ платежей вышаетъ прежнюю подать оброчную на 318,883 руб. 34 т. е. на 22,9%; но какъ значительная часть этого изли

дает на земли, отведенныя переселенцам и прирѣзанныя къ стьянскому надѣлу, то дѣйствительное возвышеніе это составъ: по Ковенской губерніи $11^1/_4$ к. съ десятины или 10%, о губерніямъ Виленской и Гродненской—отъ $3^3/_4$ и 3,9 к. десятины, т. е. 5,6% и 5,8%; по Минской же губерніи, вообще прежняя оброчная подать была для крестьянъ довьно обременительна (что очевидно изъ того, что средняя обвая подать въ Минской губерніи почти равнялась оброчной ати въ губерніяхъ Виленской и Гродненской), и гдѣ въ рѣзку къ крестьянскому надѣлу поступали весьма малоцѣнземли, облагавшіяся ничтожнымъ платежемъ, средній разъ выкупныхъ платежей оказывается ниже противъ прежней очной подати на $12^1/_2$ коп. съ десятины или 18,4%.

Высочайшимъ указомъ 16-го мая 1867 г. и Высочайше ержденными 20-го октября того же года правилами установы основанія для поземельнаго устройства государственныхъ стьянъ въ девяти западныхъ губерніяхъ, и опредѣленъ поцокъ составленія и утвержденія люстраціонныхъ актовъ на доставленныя каждому селенію и мѣстечку земли и угодья. я государственныхъ крестьянъ люстраціонные акты имѣютъ же самое значеніе, какъ выкупные акты для крестьянъ собвенниковъ изъ бывшихъ помѣщичьихъ имѣній: тѣми и други окончательно опредѣляются границы предоставленнаго въ бственность крестьянъ надѣла и размѣръ причитающихся съ ихъ ежегодно выкупныхъ платежей. По мѣрѣ утвержденія люстраонныхъ актовъ, немедленно выдаются государственнымъ крестьянъ на предоставленныя въ ихъ собственность по симъ актамъ земли угодья данныя, тѣмъ же порядкомъ, какой указанъ для сего въ Высочайше утвержденномъ 19-го февраля 1861 года положеніе о выкупѣ, и со времени выдачи сихъ данныхъ государственные рестьяне, въ отношеніи владѣнія и распоряженія землями ихъ адѣла, подчиняются уже общимъ правиламъ, постановленнымъ въ вышеприведенномъ положеніи для всѣхъ вообще крестьянъсобственниковъ.

По мѣрѣ утвержденія общихъ по каждой губерніи результатовъ люстраціонныхъ работъ, люстраціонныя коммиссіи должны были приступить къ составленію и затѣмъ къ предъявленію

крестьянамъ каждаго селенія, при участіи мировыхъ посре‌дниковъ, люстраціонныхъ актовъ.

Къ составленію люстраціонныхъ актовъ было приступл на семъ основаніи въ Гродненской губерніи съ апрѣля мѣс 1869 года, въ Минской съ августа, въ Виленской съ октя и въ Ковенской съ ноября 1869 года.

Въ *Гродненской* губерніи составленіе и предъявленіе страціонныхъ актовъ было совершенно окончено къ началу о бря 1869 года по всѣмъ селеніямъ, за исключеніемъ д только, гдѣ тому воспрепятствовало неразрѣшеніе производящ ся спорныхъ дѣлъ о земляхъ этихъ селеній.

Въ *Минской* губерніи изъ общаго числа 899-ти сел съ населеніемъ въ 55,002 души и надѣломъ въ 440,600 сятинъ, къ 1-му январю 1870 года люстраціонные акты составлены по 899-ти селеніямъ и предъявлены по 809-ти леніямъ, съ населеніемъ въ 18,019 дворовъ и надѣломъ 377,516 десятинъ. Стало быть, по отношенію къ общему ч селеній предъявлено актовъ 90%. Во многихъ селеніяхъ ской губерніи, послѣ предъявленія люстраціонныхъ актовъ, кр яне, движимые чувствомъ благодарности за прочное обезпе ихъ быта, просили мѣстныхъ священниковъ отслужить мо за здравіе Вашего Императорскаго Величества.

Въ *Виленской* губерніи изъ общаго числа 4,093 се съ населеніемъ въ 114,312 душъ и надѣломъ въ 659,6 составлены люстраціонные акты по 2,186 селеніямъ и предъ ны по 1,516 селеніямъ, въ коихъ числится 11,680 дворов надѣломъ 242,583 десят.; такимъ образомъ, по отношенію к щему числу селеній предъявлено люстраціонныхъ актовъ 3

Въ *Ковенской* губерніи—по позднему окончанію люстр ныхъ работъ, вслѣдствіе огромнаго числа селеній (4,278 коихъ надлежало произвести эти работы, и вслѣдствіе вст ныхъ коммиссіею особыхъ затрудненій въ приведеніи въ п извѣстность числа душъ по каждому селенію—къ предъя люстраціонныхъ актовъ въ теченіи 1869 года еще не был ступлено. Составлены же въ Ковенской губерніи къ 1-му 1870 года люстраціонные акты по 2,974 селеніямъ.

Крестьянамъ предоставлено, независимо отъ заявленія женій при самомъ предъявленіи имъ люстраціонныхъ актовъ

ть въ теченіе трехъ мѣсяцевъ жалобы губернскому по крестьян- ъ дѣламъ присутствію. Потому, разсмотрѣніе люстраціонныхъ въ въ губернскомъ присутствіи можетъ начинаться лишь по ченіи трехмѣсячнаго срока со дня ихъ предъявленія. Въ виду , въ теченіе 1869 года, могло быть приступлено къ утверж- ю люстраціонныхъ актовъ только по Гродненской губерніи, предъявленіе актовъ началось гораздо ранѣе, чѣмъ въ прочихъ рніяхъ.

По свѣдѣніямъ, доставленнымъ министру государственныхъ ществъ Гродненскимъ губернаторомъ, до 1-го января 1870 внесено было на разсмотрѣніе губернскаго присутствія 1,180 траціонныхъ актовъ по 1,212-ти селеніямъ и мѣстечкамъ 1); числа этихъ актовъ было обжаловано крестьянами при предъ- ніи 113 актовъ, т. е. 9,5%.

По 1-е января 1870 года, утверждено присутствіемъ 658 товъ по 671 селенію и мѣстечку, что, по отношенію къ обще- числу селеній и мѣстечекъ Гродненской губерніи состав- етъ $40^1/_4$%.

По утвержденнымъ актамъ предоставлено населенію въ 17,657 оровъ въ собственность 282,141 десятина земли.

Такимъ образомъ, въ Гродненской губерніи, въ теченіе нѣ- сколькихъ мѣсяцевъ, составленіе и представленіе люстраціонныхъ товъ произведено уже по весьма значительной части селеній.

(Вил. Вѣстн.).

Рѣдкое сочетаніе религіозности съ патріотизмомъ.

Крестьянинъ - собственникъ деревни Суходола, Брестскаго ѣзда, Гродненской губерніи, Ульянъ Ивановъ Дубяга, первый подалъ мысль о сооруженіи въ деревнѣ Суходолѣ церкви, въ вос-

---

1) Число актовъ не совпадаетъ съ числомъ селеній и мѣсте- чекъ, потому что по нѣкоторымъ мѣстечкамъ, гдѣ, кромѣ крестья- нъ, водворены и мѣщане, выкупающіе одни усадьбы и выгоны, составляется по два акта, а по односельямъ, застѣнкамъ и высел- камъ составлялись акты вмѣстѣ съ тѣми селеніями, при коихъ они находятся.

поминаніе благополучнаго избавленія Государя Императора угрожавшей Его Величеству, 4 апрѣля 1866 г., опасно склонилъ къ тому своихъ односельцевъ, пожертвовалъ зна тельную по своему состоянію сумму и затѣмъ въ продолж двухъ лѣтъ неутомимо работалъ по сбору пожертвованій и, к простой чернорабочій, при постройкѣ церкви. Во все время стройки, въ кассѣ ни разу не было болѣе 30 руб.,—обстоят ство, дававшее основаніе полагать, что крестьяне, по недос ку средствъ, лишены будутъ возможности докончить постр церкви; вслѣдствіе чего и сами жители деревни Суходола однократно теряли всякую надежду на счастливое оконч предпринятыхъ ими работъ. Но крестьянинъ Дубяга, въ изложеннаго, лишь усерднѣе продолжалъ работать и своимъ мѣромъ и увѣщаніями достигъ наконецъ того, что 12 минув го декабря окончена и освящена въ деревнѣ Суходолѣ ка ная церковь, крытая желѣзомъ. О таковомъ похвалы поступкѣ крестьянина Дубяги на пользу православія вѣрноподданнической преданности его, г. министромъ в реннихъ дѣлъ представлено Государю Императору, и Величеству благоугодно было, въ 10 день сего апрѣля, Вс лостивѣйше пожаловать крестьянину Ульяну Дубягѣ серебря медаль, съ надписью „за усердіе“, для ношенія на груди Станиславской лентѣ.

(Вил. Вѣстн.)

Изъ картинной галлереи галиційскаго сейма.

(Флоріанъ Земялковскій).

Извѣстный въ политическомъ и литературномъ мірѣ, лантливый польскій дѣятель, гр. Лешекъ-Борковскій, отъ мени до времени, даритъ читающую публику плодами св наблюденіи надъ человѣчествомъ и надъ ходомъ его бо направленной къ высвобожденію изъ подъ чужаго ярма.

Въ ряду брошюръ подъ вышеозначеннымъ заглавіемъ торъ, вооруженный сарказмомъ, безпощадно отдѣлываетъ скихъ политиковъ и польскую политику. Въ предшеств шихъ выпускахъ онъ разобралъ такимъ образомъ дѣятель

галиційскихъ депутатовъ: Корнелія Кшечуновича и кн. Владислава Сангушки. Теперь показался третій выпускъ, въ которомъ авторъ критически пробѣгаетъ дѣятельность депутата Флоріана Земялковскаго, сопоставляя ее съ дѣятельностію гр. Агенора Голуховскаго, бывшаго намѣстникомъ въ Галиціи. Здѣсь въ рядѣ картинъ, мастерски набросанныхъ, читателю ясно представляется немощная шаткость и осязательная несостоятельность галиційско-польской политики, которая, имѣя предъ собою нелѣпую цѣль: „отбудованія Польши отъ моря до моря", напрасно ищетъ подходящихъ средствъ, бросается, словно угорѣлая, въ разныя, часто противоположныя, стороны, и, наконецъ, истощивъ всю свою изобрѣтательность, становится въ тупикъ предъ вопросомъ: куда же идти и гдѣ спасеніе? Такая политика, между прочимъ, олицетворяется въ Флоріанѣ Земялковскомъ, одномъ изъ теперешнихъ представителей и водителей галиційскихъ поляковъ. Считаемъ тѣмъ болѣе умѣстнымъ познакомить, хотя въ общихъ чертахъ, читателей нашихъ съ дѣятельностію Земялковскаго, что авторъ въ брошюрѣ своей косвенно рѣшаетъ поставленный выше вопросъ: гдѣ спасеніе? Это спасеніе, по указанію гр. Борковскаго, въ славянствѣ.

Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе съ отрочества Земялковскаго, отецъ котораго былъ поваромъ въ конвиктѣ (воспитательномъ пріютѣ) отцовъ іезуитовъ въ Тарновѣ, гдѣ пребывалъ и Агеноръ Голуховскій, какъ воспитанникъ. Юный графъ, выхоленный въ лебяжемъ пуху, будучи подъ надзоромъ отцевъ іезуитовъ, а сыновъ Лойолы, не имѣлъ никакихъ сношеній съ юнымъ Флоріаномъ и видывалъ его только по временамъ, оскабливающимъ морковь предъ кухнею. Онъ навсегда забылъ бы объ этомъ, если бы нѣсколько десятковъ лѣтъ позже не увидѣлъ его опять въ намѣтнической гостинной.

Маленькій камзолъ, съ истиннымъ умиленіемъ и глубокою почтительностію, присматривался къ бархатному графчику. Между ними не было иныхъ отношеній; а по мѣрѣ того, какъ они подвигались въ высшіе классы, дороги ихъ расходились все шире.

Флоріанъ Земялховскій учился тому, чему его учили, и учился прилежно. Природныя способности облегчали ему ученье, а ученье, въ свою очередь, притупляло въ немъ спо-

собности. Таковы были австрійскія училища. Назначеніе ихъ было—перерабатывать духъ. Толкли его и превращали въ машину путемъ притупленія живаго творчества, посредствомъ замѣны самостоятельныхъ движеній вставленными клинками и тушенія горячихъ желаній отравленною милостынею. Незнаніе прошлаго своего народа, сомнѣніе относительно его будущности, равнодушіе къ его бездолью, отчужденіе отъ его нравъ; самолюбіе и спокойное подчиненіе фактическому положенію—таковы были качества, требовавшіяся отъ австрійскихъ поляковъ для полученія протекціи, для составленія казенной каріеры. Не удивительно, поэтому, что, когда неожиданныя потрясенія, израсходовавъ нѣкоторыя дѣйствующія силы, выбросили правительство изъ обычной, однообразной колеи, то въ цѣломъ австрійскомъ государствѣ невозможно было найти способнаго мастера, который уложилъ бы, соотвѣтственно требованіямъ времени, разсыпавшіяся составныя части и далъ бы вновь машинѣ свободный ходъ безъ визга, тренія и насильственныхъ толчковъ. Сѣяніе духа оказалось обманчивымъ.

Голуховскій учился также хорошо и тому, чему учился и Флоріанъ Землявовскій. Но домашнее воспитаніе, столкновеніе съ иными людьми, жажда блистательной будущности,—все это будило воображеніе и вырабатывало на этомъ станкѣ совсѣмъ иную нравственную ткань.

Оба польскому языку не учились и владѣли имъ только практически. Но пользовніе этимъ языкомъ было также различное. Голуховскій говорилъ по польски только со слугами, Землковскій—со всѣми знакомыми; тѣмъ не менѣе, общеніе съ бѣдною молодежью и недостатокъ средствъ для шляхетскихъ развлеченій располагали этого послѣдняго къ отечественной литературѣ, ознакомливали съ прошедшимъ поляковъ, возбуждали сожалѣніе и жажду возвратить его. Это были признаки, въ то время весьма опасные.

Обоихъ страна еще не знала. Едва сотый проговаривалъ гдѣ нибудь, что графъ отрицается польщизны, что посѣщаетъ только дома высокихъ тузовъ, что говоритъ не иначе, какъ только по нѣмецки, что готовъ пожертвовать всѣмъ, лишь бы вскарабкаться на высокій правительственный постъ. Едва сотый кое-гдѣ шепталъ на ухо, что Землковскій тяжкимъ тру

ь заработывать хлѣбъ, что не имѣя ничего терять, состав-
гъ заговоръ, что онъ взялся свалить австрійское правитель-
и возстановить Польшу. Послѣ такой увертюры, послѣ
инныхъ приготовленій, выступили, наконецъ, изъ закулисна-
прикрытія на публичную сцену: графъ Агеронъ Голуховскій,
питомъ воротникѣ губернаторскаго совѣтника и Флоріанъ
лковскій въ цѣпяхъ, какъ политическій узникъ. Въ то
ія они забыли другъ о другѣ и вовсе не были знакомы.
юги вели ихъ въ верхъ,—одного на губернаторское кресло,
таго на висѣлицу.

Кто могъ бы предвидѣть, что двадцать лѣтъ спустя, въ
ой мертвой странѣ, какъ Галиція, повернется дѣло къ тому,
бы Голуховскій могъ пойти въ тюрьму, а Землковскій сдѣлаться
ударственнымъ совѣтникомъ? Развѣ такъ много измѣнилась
тема и самая натура правителей? Ни сколько. Но у мо-
дости—сильныя приманки. Старый Флоріанъ захотѣлъ сдѣ-
ться молодымъ Агеноромъ, а старый Агеноръ—молодымъ
оріаномъ. У Голуховскаго уже были почести и имѣніе; по
ому, онъ желалъ сдѣлаться еще патріотомъ. За Землков-
имъ была уже слава патріота; по этому, онъ желалъ еще то-
, чего не имѣлъ.

Въ 1848 г. Галиція посылала депутатовъ въ законода-
льный сеймъ государства. Землковскій былъ выбранъ въ
ьвовѣ. Это были его политическіе начатки. Польское пов-
танье 1863 г., весьма натурально, перевернуло все существо
емлковскаго. Святость „справы“, воображаемая великость
ели лишили его самообладанія и сдѣлали его слѣпымъ отно-
тельно средствъ. По этому онъ, какъ шальной, бросился
оканать „Москву“, въ союзѣ съ кн. Адамомъ Сапѣгою. На-
реніе было непреклонное, готовность великая, но не совсѣмъ
езвая. Ни что на свѣтѣ не въ состояніи оправдать этой
разсудительной траты тяжко собранныхъ сбереженій, этого
рячечнаго неладу, въ которомъ смѣшивался самый пригод-
ый матеріалъ съ дѣйствительнымъ соромъ, дабы съ такою
нокалиберностію потерпѣть безславное бѣдствіе подъ Радзи-
ловомъ и укрыться въ безопасную австрійскую тюрьму. Землл-
вскій вторично сдѣлался политическимъ узникомъ; Голухов-

скій второй разъ сталъ намѣстникомъ королевствъ Галиціи и Лодомеріи съ великимъ княжествомъ краковскимъ.

Заключеніе Землковскаго опять окончилось счастливо амнистіею, вынужденною обстоятельствами. Теперь, старые знакомые по іезуитскому конвикту въ Тарновѣ, могли ближе познакомиться и взаимно служить другъ другу. Озаренный ореоломъ мученичества, Землковскій вновь вступилъ въ сеймъ. Подъ такимъ обаяніемъ, его вліяніе было огромное! Чтобы закрѣпить его, приходилось не столько брать въ разсчетъ желанія страны, сколько потакать и угождать большинству сеймоваго мнѣнія, выработаннаго страннымъ способомъ, при помощи наемныхъ и „народныхъ" газетъ. Мы не были такъ счастливы, чтобы съ конституціонными свободами не пожаловали и намъ также и конституціонные подлости. Рѣчь—о наемном злоупотребленіи свободы печати. Тогда еще министромъ былъ Белькреди.

Изъ Бригидокъ [1]) явился утѣшитель для галиційскаго сейма. Всѣ радовались безмѣрно. Задушевныя вѣжливости, частыя конференціи и непосредственныя отношенія къ намѣстнику, пріятно согрѣвали человѣка, который привыкъ смотрѣть на Агенора Голуховскаго—еще на студента—съ чувствомъ извѣстнаго рода обожанія. Во время этихъ антрактовъ политической драмы, разошлась въ Львовѣ забавная, особеннаго рода вѣсть. Господа Землковскіе поѣхали съ визитомъ къ намѣстнику. Счастливый депутатъ приглядывался въ зеркало, въ передней, и налаживалъ задніе волосы на переднюю лысину,—иначе секретъ бы могъ обнаружиться. Вдругъ отворяется дверь: „ихъ превосходительство принимаютъ". Землковскій съ поспѣху схватилъ шляпу со стола и вмѣстѣ съ женою вошелъ въ залу, держа въ рукахъ шляпу, украшенную у тульи графскою кокардою, а у полей—широкимъ золотымъ галуномъ, потому что это была шляпа графскаго лакея. Случай самъ по себѣ невинный, но не означаетъ ли онъ предопредѣленія свыше? Вѣдь солнечныя затмѣнія также считались долгое время случайностію, а теперь ихъ предсказываютъ астрономы.

Начиная съ 1866 года, внимательный наблюдатель мо

1) Названіе тюрьмы, въ которой сидѣлъ Землковскій.

уже подмѣтить въ Землковскомъ какое-то шатаніе, какъ бы внутреннюю борьбу преобразующихся понятій, какъ бы какое-то подчиненіе новымъ или постороннимъ видамъ. Кажется, что несчастное повстанье 1863 года и его послѣдствія переполнили душу Землковскаго сомнѣніемъ, а неутѣшительныя внушенія въ такомъ духѣ вліятельныхъ людей проняли его такимъ отчаяніемъ, что онъ сталъ усматривать въ Австріи послѣднее убѣжище и даже не колебался провозгласить публично, что безъ Австріи нѣтъ поляковъ. Освобожденный такимъ способомъ духъ схватился за ультрамонтанскую идею. Утопающій хватается за бритву.

Изъ этого источника, только съ примѣсью восточнаго католицисма и страха предъ германскимъ давленіемъ, вытекла особая идея т. е. мысль о единеніи славянскихъ племенъ для общей защиты. Въ ней кроется не только большая жизненность, но и безопаснѣйшая будущность, потому что общій славянскій элементъ служитъ ей естественнымъ фундаментомъ, а уроки исторіи и способъ дѣйствія ракузскаго правительства въ Чехіи и Галиціи укореняютъ ее и развиваютъ. Здѣсь кстати будетъ привести отрывокъ изъ извѣстной брошюры г. Фадѣева: „О связи восточнаго вопроса съ славянскимъ". „Пусть поляки будутъ себѣ какими угодно мечтателями, но нельзя же допустить, чтобы между ними не было умныхъ людей, которые не видѣли бы не избѣжности выбора между самостоятельностію въ племенномъ союзѣ и совершеннымъ исчезновеніемъ. Славянскіе народы должны стремиться къ тѣснѣйшему племенному союзу". Эти убѣжденія Землковскій, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выдавалъ за свои, но потомъ сталъ измѣнять имъ, чтобы лучше убѣдиться въ ихъ твердости и значеніи.

Въ продолженіи двухъ лѣтъ (1867, 1868) Землковскій засѣдалъ съ полномочіемъ мѣстнаго сейма въ вѣнской имперской думѣ и даже считался предводителемъ цѣлой делегаціи. Въ 1867 г. онъ полагалъ, что Австрія для поляковъ, во всякомъ случаѣ нужна, какъ воздухъ для жизни; поэтому, онъ льстилъ большинству имперской думы, прислуживался и угождалъ министерству и довелъ дѣло до упроченія нѣмецкаго давленія на другія народности. Планъ его былъ дрянной, т. е. уловить нѣмцевъ польскою любовію, снискать ихъ довѣріе, даваясь безъ

сопротивленія связать себя и скрутить какъ можно покрѣпче, а потомъ, потихоньку, шагъ за шагомъ, развязывать эти узлы и нищенски конючить автономическихъ крохъ.

Земялковскій, угождая министрамъ, освящалъ или, покрайней мѣрѣ, приводилъ въ порядокъ историческія народныя права, дабы въ Австріи, укрѣпленной нѣмецкимъ преобладаніемъ и славянскими надеждами, отражать русскіе напоры (?). Ослѣпленіе! Развѣ нельзя было предвидѣть, что усиленіе нѣмецкаго элемента, малочисленнаго въ краѣ, неизбѣжно должно совершаться на счетъ обезнародованія славянъ? Что же касается Россіи, то Австрія, для безпрепятственнаго развитія своей нѣмецкой политики, сама должна была бы искать заручки въ дружбѣ этого государства. Еще разъ ослѣпленіе!

Вѣнская имперская дума (рейсхратъ) никогда, положительно никогда, не дасть равноправности. Каждый, кто въ ней будетъ уступать, долженъ быть лишенъ народныхъ правъ. Тамъ всякая борьба—есть борьба за преобладаніе. Напрасно нѣмцы увѣряютъ, что не будутъ злоупотреблять этимъ преобладаніемъ; этого быть не можетъ. Покуда удержится выборное право Шмерлинга и декабрская конституція, до тѣхъ поръ нѣмцы будутъ абсолютно господствовать надъ другими народностями въ Цислейтаніи, хотя бы Рехбауэръ не хотѣлъ того искренно. Но какъ толко выборное право, по требованіямъ справедливости, будетъ измѣнено, то декабрскій уставъ падетъ тотчасъ и настанетъ преобладаніе славянское, хотя бы того, на правду, не желалъ панъ Грохольскій.

Земялковскій хотѣлъ въ союзѣ съ Адамомъ Сапѣгою свалить Россію—не удалось! Теперь онъ поправился и намѣренъ доканать Россію въ союзѣ съ Австріею. Какъ бы не такъ! Новый союзникъ, правда, нѣсколько сильнѣе прежняго, но менѣе охотливъ. Гдѣ смыслъ, чтобы австрійскіе нѣмцы, имѣя власть въ рукахъ, вздумали рисковать для Польши своимъ правительствомъ, своимъ спокойствіемъ, своими матеріальными выгодами, своимъ привольнымъ житьемъ, своими биржевыми играми! Не захотятъ ли они пойдти лучше къ нѣмцамъ нѣмецкимъ? Гдѣ смыслъ, чтобы австрійскіе славяне, измученные и напуганные нѣмецкимъ преобладаніемъ, хотѣли, въ защиту нѣмцевъ, пожертвовать единственными благами, какія у нихъ

остались,—отвагою и жизнію,—для истребленія той силы (т е. Россіи), которую почитають послѣднимъ прибѣжищемъ своихъ народностей! Не захотятъ ли они пойдти лучше къ славянамъ славянскимъ?

Земялковскій постоянно хвалился,—хотя, говоря по правдѣ, вовсе не чѣмъ тутъ хвалиться,—что онъ желаетъ Австріи могущественной, что видитъ въ Австріи спасеніе Польши. Австріи могущественной!... Спасеніе Польши!... А избиралъ для этого, какъ новый Валленродъ, пути совершенно противоположныя. Нѣмецкое преобладаніе въ Австріи, заботясь только о самомъ себѣ, дѣлаетъ невозможнымъ усиленіе государства, а польскія надежды, полагаемыя въ этомъ государствѣ,—кто бы ихъ ни подогрѣвалъ,—превращаетъ въ обольщеніе. Затѣмъ, политика Земялковскаго была не только обмачива, но даже смѣшна, потому что лишена всякой тѣни разумнаго правдоподобія. Поэтому, ее принимали не разъ за кое-что худшее, чѣмъ обольщеніе.

Вѣрно то, говоритъ Бокль, что вообще люди съ величайшими затрудненіями сопротивляются безпрерывному искушенію, если искушеніе это имѣетъ форму почестей и наградъ.

(*Бирж. Вѣд.*).

Непогрѣшимость папы.

Между произведеніями прессы, вызванными попыткою возвести въ догматъ ученіе о личной непогрѣшимости папы въ дѣлахъ вѣры, безспорно, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаютъ письма члена французской академіи священника Гратри къ архіепископу мехельнскому (M-gr L'evéque d'Orleans et M-gr l' Archevêque de Malines—par Gratry).

Гратри принадлежитъ къ тому небольшому кружку французскаго духовенства, которое, усвоивъ галликанское воззрѣніе на папство, не отождествляетъ папы съ церковію и ставитъ его ниже вселенскихъ соборовъ, и которое очень хорошо сознаетъ, что неудержимое стремленіе папства къ неслыханному до сихъ поръ произволу въ дѣлахъ вѣры вредитъ больше всего высшимъ интересамъ церкви. Тяжелое впечатлѣніе должны произ-

водить на такую личность извѣстія о томъ, что дѣлается на нынѣшнемъ мнимо-вселенскомъ соборѣ. И вотъ, подъ вліяніемъ этихъ извѣстій, о. Гратри, не имѣя возможности, подобно Дюпанлу, Стросмайеру и др., заявить лично неразумнымъ друзьямъ папства всю нелѣпость ихъ попытокъ, считаетъ своею обязанностію высказать свой взглядъ на ученіе о непогрѣшимости папы путемъ литературнымъ.

До настоящаго времени вышли въ свѣтъ три письма о. Гратри. Читателямъ нашей газеты уже извѣстно, какое сильное впечатлѣніе произвели эти письма на весь католическій міръ. Все, что есть мыслящаго и либеральнаго въ католичествѣ, всѣ тѣ, которыхъ религіозное настроеніе возмущено стремленіемъ папства поставить себя въ области вѣры выше всякаго закона, выше евангелія, отнеслись къ этимъ письмамъ въ высшей степени сочувственно. За то друзья мрака и произвола, всѣ, кого успѣла подчинить своему руководству ультрамонтанская партія, не могли отнестись къ этимъ письмамъ иначе, какъ съ злобою и ожесточеніемъ,—тѣмъ болѣе, что эти люди ничего не могли сдѣлать противъ изумительно быстраго распространенія этихъ писемъ, напоминающаго собою распространеніе знаменитыхъ 95 тезисовъ Лютера. (2-е письмо, вышедшее 3 февраля, имѣетъ уже четыре изданія). Предѣлы газетной статьи не позволяютъ намъ разсказать содержаніе этихъ писемъ съ тою подробностію, какой они заслуживали бы. Но мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи познакомить нашихъ читателей съ этими письмами, хотя въ общихъ чертахъ.

Въ первые вѣка христіанства не было и рѣчи о главенствѣ одного какого либо епископа надъ всѣми другими епископами. Тѣмъ болѣе не могло быть рѣчи о непогрѣшимости этого епископа. И прошло 9 столѣтій прежде, чѣмъ появились лже-исидировскія декреталіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно обозначились тенденціи папства захватить въ свои руки власть надъ всею церковію. Затѣмъ и послѣ того нужно было еще пройдти тысячѣ лѣтъ прежде, чѣмъ ультрамонтанство рѣшилось торжественно возвесть ученіе о папской непогрѣшимости въ догматъ вѣры и обязать членовъ римской церкви, подъ угрозою отлученія отъ церкви, признавать этотъ догматъ наравнѣ съ ученіемъ о Божественномъ Основателѣ церкви.

Рѣшиться на такое дѣло, какъ возвести ложь въ догматъ вѣры, превозгласить этотъ догматъ послѣ того, какъ церковь не знала его въ теченіе почти XIX столѣтій—очевидно дѣло слишкомъ рискованное: такъ всегда можно опасаться встрѣтить себѣ противниковъ, которые разоблачать проповѣдуемую ложь. Римская курія очень хорошо всегда видѣла эту опасность,—вотъ почему до настоящаго времени она не смѣла „подступить къ вопросу о непогрѣшимости“ и возвесть его въ догматъ. Но она никогда не упускала изъ виду, что догматъ о непогрѣшимости составляетъ завершеніе зданія папства, что, рано или поздно, придется признать догматъ о непогрѣшимости, и потому она въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ работала неустанно для подготовленія католиковъ къ принятію этого новаго догмата. И если въ настоящее время римская курія рѣшается осуществить давно затѣянную мысль, то это прямой знакъ, что по ея мнѣнію католики достаточно подготовлены къ принятію ученія о папской непогрѣшимости.

Вотъ съ этими-то предварительными работами папства и знакомитъ насъ Гратри въ своихъ письмахъ. И читатель по указаніямъ Гратри приходитъ невольно къ тому заключенію, что исторія ученія о папской непогрѣшимости есть исторія подлоговъ, порчи святоотеческихъ мѣстъ и уклоненій ума человѣческаго отъ отъ первыхъ логическихъ законовъ мышленія на путь самыхъ дикихъ софисмовъ,

Для лучшей характеристики этихъ писемъ, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателя на два три—факта, указываемые въ письмахъ о Гратри.

Прежде всего считаемъ нужнымъ остановить вниманіе читателя на исторіи папы Гонорія. Дѣло вотъ въ чемъ: VI вселенскій соборъ предалъ Гонорія анаѳемѣ за то, что онъ раздѣлялъ и открыто проповѣдывалъ монофелитскую ересь. Эта анаѳема произнесена была затѣмъ еще на пяти соборахъ (VII вселенскомъ, константинопольскомъ по дѣлу Фотія и трехъ римскихъ, бывшихъ подъ предсѣдательствомъ самихъ папъ). Мало того: имя Гонорія, какъ еретика, занесено было въ служебники и другія богослужебныя книги, и, кромѣ того въ папскую присягу, ту присягу, какую даютъ папы при вступленіи на престолъ. Фактъ осужденія Гонорія, именно за ересь, какъ

видитъ читатель, обставленъ такъ хорошо, что сомнѣваться в немъ, или отрицать его было бы слишкомъ странно. Но этот фактъ слишкомъ рѣзалъ глаза и самимъ папамъ, и ихъ пр верженцамъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря лже-иси доровскимъ декреталіямъ и другимъ подобнымъ же средствам servus servorum все болѣе и болѣе получалъ въ глазахъ к толиковъ значеніе намѣстника Божія на землѣ. Нужно бы какъ нибудь отдѣлаться отъ этого факта. И вотъ „по вдохн венію Божію" (эти кощунственныя слова принадлежатъ Бе ллармину), начинается сокращеніе богослужебныхъ книгъ, па ской присяги и т. п. Изъ числа именъ еретиковъ, осужде ныхъ на соборахъ, *имя Гонорія исчезаетъ*. Вмѣстѣ с тѣмъ въ церковныхъ исторіяхъ, предназначенныхъ въ руковод ство при изученіи церковной исторіи, начинаютъ появлять замѣтки, что имя святѣйшаго Гонорія подвергалось нѣкотор время порицаніямъ на шестомъ вселенскомъ соборѣ. Так мало по малу уничтожаютъ данныя, которыя могли бы дава вѣрующимъ не заглядывающимъ въ полныя изданія дѣяній с борныхъ, мысль, что одинъ изъ папъ былъ еретикъ. Но пр верженцы папства, конечно, знали хорошо, что всегда найду ся нечестивые католики, которые, быть можетъ, пожелаю изучать дѣянія соборныя въ подлинникахъ. Поэтому, очеви но, нужно было какъ нибудь объяснить—конечно, въ полі папства—фактъ осужденія Гонорія. И тутъ-то совершают такія дикія вещи, которыя были бы невѣроятны, если Гратри не приводилъ самыхъ словъ защитниковъ папства. С дите сами, читатель. Одинъ изъ защитниковъ папства го ритъ: я читалъ въ дѣяніяхъ собора слова "анаѳема еретн Гонорію". Но вопросъ еще въ томъ, что значитъ слово „е тику. Вмѣсто того, чтобы заключать отъ слова, употребле наго на соборѣ, къ природѣ преступленія того, кто осужде соборомъ, нужно обратить вниманіе на обстоятельства, сре которыхъ произнесено это слово и этими обстоятельствами ; яснить смыслъ употребленнаго слова." (Какъ будто слово е тикъ можетъ давать мысль иную, чѣмъ какую соединяетъ этимъ словомъ общій смыслъ)! Другой защитникъ пап ва замѣчаетъ: „папа, дѣйствительно, былъ винове Эта виновность состояла въ снисходительности его

еретикамъ, быть можетъ, совершенно несправедливой. Это-то и *далъ имъ право* включить имя Гонорія въ рядъ именъ другихъ еретиковъ, которымъ произносили анаѳему. Но какъ скоро разъ Гонорій былъ *уподобленъ еретикамъ,* то и могли *трактовать о немъ, какъ о еретикѣ*.... И вотъ, вслѣдствіе только снисходительности къ еретикамъ, ему, исповѣдывавшему чистое православное ученіе, вселенскій соборъ произноситъ анаѳему и проситъ императора сжечь его сочиненія и сослать въ ссылку!..." Къ несчастію для автора такого остроумнаго соображенія, въ дѣяніяхъ собора прямо говорится, что соборъ разсматривалъ письма Гонорія и нашелъ, что Гонорій совершенно раздѣлялъ ученіе прочихъ монофелитовъ. „Я просматривалъ всѣ акты собора, говоритъ третій защитникъ и убѣдился, что VI вселенскій соборъ и не думалъ осуждать Гонорія, какъ лично виновнаго въ ереси, и что онъ осудилъ его лишь за небрежность". И это говорится въ виду опредѣленія собора: „анаѳема еретику Гонорію". Еще соображеніе, принадлежащее самому архіепископу мехельнскому. Этотъ почетный прелатъ заявляетъ, что VI вселенскій соборъ и послѣдующіе за нимъ были введены въ заблужденіе, и что эти соборы впали въ погрѣшность, осужденія Гонорія. Вотъ сущность этого соображенія, показывающаго, что приверженцы идеи о личной непогрѣшимости папы, чтобы утвердить вѣру въ новоизмышленный догматъ, готовы колебать вѣковую увѣренность церкви въ непогрѣшимости вселенскихъ соборовъ.

Другой фактъ. Ученіе о непогрѣшимости папы довольно подробно и обстоятельно раскрыто въ первый разъ въ такъ называемыхъ лжеисидоровскихъ декреталіяхъ. Наука давно отказалась признать эти декреталіи подлинными. Она давно уже доказала не только то, что декреталіи вовсе не принадлежатъ тѣмъ лицамъ, которымъ они приписываются, но и то, что эти лица (каковы напр. Анаклетъ, папа римскій и другіе знаменитые отцы церкви) никогда и не могли высказывать тѣхъ мыслей, какіе имъ приписываются въ декреталіяхъ. Далѣе. И сами папы должны были признать эти декреталіи ложными. Такъ папа Пій VI, въ своемъ письмѣ къ 4 нѣмецкимъ митрополитамъ въ 1789 году, пишетъ между прочимъ слѣдующее: „бросимъ эту коллекцію въ огонь, и пусть она сгоритъ

такъ, если вамъ угодно". Кажется, послѣ этого на них основывать ученіе о папской непогрѣшимости не возможно. И тѣмъ не менѣе декреталіи все таки служатъ основаніемъ, н которомъ утверждаютъ защитники папства идею о непогрѣши мости папы. Вотъ какъ разсуждаетъ объ этомъ предмет одинъ изъ приверженцевъ этого ученія. Безъ сомнѣнія декре таліи лжеисидировскія—подложныя декреталіи, и тѣмъ не ме нѣе легко оправдать тѣ намѣренія, которыя имѣли составител этихъ декреталій. Эти декреталіи не принесли *ничего нова го* (?) ни въ управленіе церковное, ни въ дисциплину церкви онѣ только привели въ ясность *право* и *обычаи всѣхъ вре менъ* (?!) и сообщили имъ силу. Трудно придумать болѣ сильную ложь, чтобы не сказать болѣе. Еще одинъ фактъ Извѣстно, что папа Урбанъ VIII осудилъ ученіе Галилея, как противное евангелію,—и что одинъ изъ его преемников именно Пій VI отмѣнилъ это постановленіе. Очевидно, таким образомъ, Пій VI призналъ ошибочнымъ опредѣленіе Урбана,— опредѣленіе, касавшееся вѣры,—и признавалъ такимъ образом Урбана VIII допустившимъ ошибку, погрѣшившимъ. Факт этотъ такъ ясенъ, что говоритъ самъ за себя. Но для за щитника непогрѣшимости папы этотъ фактъ не имѣетъ особен наго значенія. Благоразуміе, говоритъ одинъ изъ этихъ за щитниковъ, предписывало папамъ Павлу V и Урбану VIII и конгрегаціямъ римскимъ осудить во имя священнаго писанія и католической вѣры систему истинную, но противную общеприня тому въ то время толкованію извѣстныхъ мѣстъ библіи. Не чего сказать, удачная защита. Есть впрочемъ и другая по пытка защитить папство отъ нареканія въ осужденіи Галилея Одинъ писатель (Герни Мартенъ) замѣчаетъ, что папы *ни ког да не подписывали* осужденія Галилея, и что отвѣтственност за осужденіе галилея лежитъ на инквизиціи. И это говорите: послѣ того, какъ папы торжественно признали систему Галиле: еретическою!

Указанныя нами данныя могутъ дать нашимъ читателямъ хоть отчасти понятіе о томъ, на сколько честны тѣ сред ства, къ которымъ прибѣгала и прибѣгаетъ римская курія для убѣжденія католиковъ въ папской непогрѣшимости.

„Знаете ли вы, преосвященный, спрашиваетъ Гратри ме-

хельскаго архіепископа, въ исторіи духа человѣческаго другой вопросъ богословскій, философскій, историческій, который былъ бы обезображенъ такъ ложью, безсовѣстностію и подделками? Не пришло ли время, чтобы люди честные, люди мужественные и вѣрующіе, смѣло взглянули въ лицо скандалу и изгнали изъ храма не только продавцевъ, но и поддѣлывателей этой фальшивой религіозной и моральной монеты"?

Теперь постараемся опредѣлить то значеніе, которое имѣютъ письма Гратри для католичества въ виду близкаго провозглашенія догмата о личной непогрѣшимости папъ.

Надобно отдать честь Гратри,—онъ мастерски выполнилъ свою задачу—доказать, что въ основѣ ученія о папской непогрѣшимости лежитъ ложь во всевозможныхъ ея проявленіяхъ. Но мы не можемъ ожидать, чтобы быстрое распространеніе писемъ Гратри пріостановило провозглашеніе догмата о непогрѣшимости папы, на что отчасти расчитывалъ Гратри. Пій IX и окружающіе его безъ сомнѣнія очень хорошо знаютъ, что дѣло ихъ, если поставить предъ судомъ исторіи, не совсѣмъ чисто, и если они все-таки провозглашаютъ догматъ о непогрѣшимости, то они побуждаются къ этому особыми соображеніями", между которыми первое мѣсто, конечно, занимаетъ стремленіе—придать папству новый блескъ въ глазахъ вѣрующихъ и новую поддержку. Съ другой стороны, масса вѣрующихъ такъ увѣрена въ главенствѣ папы надъ всею церковію, такъ крѣпко вѣруетъ въ папу, какъ намѣстника Божія на землѣ, какъ посредника между Богомъ и людьми, что для нея ученіе о непогрѣшимости не представляется страннымъ. Для нея это ученіе не есть что либо даже новое. Она давно смотритъ уже на папу, какъ на орудіе, посредствомъ котораго Богъ открываетъ Свою волю людямъ, и потому она охотно принимаетъ и всѣ слѣдствія, вытекающія изъ этого ученія. Въ письмахъ Гратри есть интересныя въ этомъ отношеніи страницы. Вотъ что между прочимъ говоритъ онъ въ 3 письмѣ. „Не зарождается ли на нашихъ глазахъ мысль уничтожить вовсе соборы? Не слышимъ ли мы, какъ говорятъ: этотъ соборъ ватиканскій будетъ послѣднимъ соборомъ? Эпоха соборовъ кончилась... Одинъ очень благочестивый и образованный священникъ говорилъ мнѣ (и повторилъ эти слова): „да, есть

на землѣ человѣкъ, который можетъ сказать: Я святый духъ. Одинъ извѣстный монахъ, достойно носящій это имя, сказалъ мнѣ: я принимаю все то, что вы порицаете. Одинъ весьма почетный писатель католическій написалъ длинное разсужденіе, чтобы доказать истину положенія: папа—это евхаристія. Мы знаемъ, говоритъ онъ, несомнѣнно одно, именно то, что ни одинъ человѣкъ не знаетъ ничего, исключая того человѣка, которому всегда соприсутствуетъ Богъ, человѣка, который носитъ мысль Божію... И съ нашей стороны остается только неуклонно слѣдовать его вдохновенному руководству... Римскій преосвященный есть третье видимое пребываніе Христа между нами... Онъ есть видимая нами тѣнь, которая исходитъ отъ невидимой главы церкви въ евхаристіи. Папа имѣетъ такія же права на наше поклоненіе, какъ таинство. Тайна его намѣстничества подобна тайнѣ евхаристіи: двѣ тайны перекрещаются, такъ сказать одна другою. Не поклоняющійся папѣ столько же имѣетъ правъ быть истиннымъ христіаниномъ, сколько и не почитающій св. Дѣвы. Почитаніе папы есть существенная часть благочестія христіанскаго, — она есть невидѣлимый элементъ христіанской святости. Папа есть представитель Бога, какъ будто небо было постоянно открыто надъ его главою, и какъ будто бы онъ, подобно св. Стефану, видѣлъ I. Христа сѣдящаго одесную Отца. Мы не должны допускать возникнуть въ насъ какому либо малодушному колебанію касательно того, что имѣетъ отношеніе къ главенству папы, временному ли, или духовному, потому что его временная власть есть часть нашей религіи...“

При такихъ условіяхъ, при такой крѣпкой вѣрѣ массы въ папство, понятно, нельзя разсчитывать, чтобы появленіе писемъ Гратри заставило папу отказаться отъ мысли, которая руководила имъ при созваніи ватиканскаго собора.

Письма Гратри имѣютъ, по нашему мнѣнію, иное значеніе. Выше мы сказали, что ученіе о личной непогрѣшимости составляетъ завершеніе зданія папства. Въ разъясненіе этой мысли мы позволимъ теперь себѣ сдѣлать выписку изъ сочиненій покойнаго Хомякова, безспорно, одного изъ лучшихъ православныхъ богослововъ: „Чтобы не остаться въ глазахъ церкви расколомъ, или не оправдать заранѣе своимъ примѣромъ проте-

стантское своеволіе, романисмъ вынужденъ былъ, говоритъ Хомяковъ, приписать римскому епископу непогрѣшимость безусловную. Эта непогрѣшимость есть не что иное, какъ условное начало, допущенное заднимъ числомъ и по необходимости, чтобы оправдать предшествовавшее его изобрѣтенію незаконное дѣйствіе". Развивая эту послѣднюю мысль, Хомяковъ говоритъ: „Въ первые вѣка до самой эпохи великаго западнаго раскола, познаніе божественныхъ истинъ считалось принадлежностію всей цѣлой церкви, объединенной духомъ любви. Въ девятомъ вѣкѣ, во преки церковному преданію, западъ присвоиваетъ себѣ право измѣнять вселенскій символъ безъ содѣйствія своихъ восточныхъ братій. Право рѣшенія догматическихъ вопросовъ такимъ образомъ внезапно было переставлено. Прежде оно составляло принадлежность цѣлой вселенской церкви, отнынѣ оно присвоивалось церкви областной. Это право могло быть за нею укрѣплено на двоякомъ основаніи: въ силу свободы изслѣдованія, откинувшей живое преданіе, или въ силу признанія за извѣстною, географически очерченною, мѣстностію исключительной привилегіи на обладаніе Святымъ Духомъ. На дѣлѣ было принято первое изъ этихъ началъ; но провозгласить и узаконить его, какъ право, было рано; прежній строй церковной жизни былъ еще слишкомъ памятенъ. Второе начало было слишкомъ неопредѣленно, и при томъ столько противно здравому смыслу, что не было возможности и на немъ укрѣпиться. Естественно возникла мысль пріурочить монополію боговдохновенности къ одному престолу, древнѣйшему изъ всѣхъ на западѣ и наиболѣе чтимому всею вселенною; это было благовиднѣе и въ меньшей степени оскорбляло человѣческій разумъ."

Вотъ въ какомъ отношеніи стоитъ ученіе о непогрѣшимости къ самому жизненному пункту папства. И не знаменательно ли послѣ этого, въ самомъ дѣлѣ, что въ тотъ моментъ, когда папство дѣлаетъ послѣдній выводъ изъ ученія о главенствѣ римскаго епископа—ученія и составляющаго сущность римскаго раскола—и достигаетъ окончательнаго развитія (мы конечно имѣемъ въ виду теорію власти папской),—въ этотъ моментъ, въ средѣ самаго католичества появляются личности въ родѣ Гратри, личности честныя, образованныя, которыя не затрудняются, во имя религіозной истины и науки, открыто и смѣло назвать

ученіе о непогрѣшимости ученіемъ неосновательнымъ, совершенно ложнымъ.

Не будемъ преувеличивать дѣла. Мы не можемъ сказать, чтобы Гратри и подобныя ему личности, отрицая ученіе о непогрѣшимости, вполнѣ ясно сознавали то положеніе, которое занимаетъ ученіе о непогрѣшимости въ системѣ вѣроученія римской церкви, и чтобы, отвергая права папства на непогрѣшимость, они вмѣстѣ съ тѣмъ отвергали и его права на главенство въ церкви и шли прямо на встрѣчу къ соединенію съ церковію восточною. Эти люди все-таки воспитаны въ благоговѣйномъ уваженіи къ папству, какъ учрежденію божественному. Эти люди все таки еще очень мало знакомы съ церковію восточною. И потому ихъ переходъ отъ однихъ убѣжденій, которыя считаются истинными, къ другимъ убѣжденіямъ, совершенно противнымъ, не можетъ совершиться безъ всякихъ колебаній, скоро. Отсутствіе строгой послѣдовательности въ выводахъ, стараніе помирить старыя убѣжденія съ новыми, вотъ черты которыми существенно характиризуются всѣ подобные переходы.

И для Гратри видимо настало теперь время этого колебанія между старыми и новыми убѣжденіями. Убѣдившись въ несостоятельности ученія о непогрѣшимости, онъ постоянно высказываетъ убѣжденіе о необходимости обставить власть папскую такъ, чтобы въ дѣлахъ вѣры всѣ важнѣйшіе вопросы церковные, касающіеся церкви вообще, рѣшаемы были не однимъ папою, но вмѣстѣ съ тѣми, которымъ Самъ Духъ Божій ввѣрилъ управленіе церковію,—епископами. Нашъ врагъ, говоритъ Гратри, это тотъ духъ, который старался изгнать изъ церкви соборъ Констанцскій, когда онъ требовалъ реформы церкви въ *куріи римской*. Врага церкви Гратри видитъ—однимъ словомъ—въ ультрамонтанскомъ направленіи папства, подчиняющаго интересы политическіе интересамъ религіознымъ, мечтающаго быть единственнымъ руководителемъ человѣчества и единственнымъ рѣшителемъ его судебъ. Сообразно тому и спасеніе церкви Гратри видитъ именно въ ослабленіи этого направленія, въ ограниченіи папской власти. Возвышая такимъ образомъ власть епископовъ и сокращая предѣлы власти папской и отказывая этой послѣдней въ правахъ на непогрѣшимость, Гратри рѣ-

жется высказать и то положеніе, что ученію о безусловномъ главенствѣ папы въ церкви не должно быть мѣста въ догматикѣ римско-католической, такъ какъ оно не составляетъ по его словамъ, „сокровища вѣры," и, по видимому, близокъ къ мысли, что папа есть только главный, первый, но не единственный представитель божества. Вотъ, что говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ: "Сокровище нашей вѣры—это Іисусъ Христосъ, его евангеліе, исповѣдь и отпущеніе грѣховъ; это—догматъ общенія святыхъ, это видимое существованіе церкви—нашей матери, это—фактъ жизни вѣчной, жизни и божественной, и сверхъ естественной, которой пріобщается душа еще въ этой жизни... Не бойтесь ничего души христіанскія! *Во всякой деревнѣ, всякой стороны христіанской, священникъ Іисуса Христа держитъ ключи церкви, куда вы можете войти для того, чтобы положить свою голову подобно апостолу Іоанну. на грудь Спасителя.*" Но Гратри еще не дошелъ до той мысли, что вопросы, касающіеся общихъ дѣлъ всей церкви, должны подлежать и обсужденію всей церкви, что именно это стремленіе папства дать перевѣсъ въ дѣлахъ вѣры голосу одной помѣстной церкви предъ общимъ мнѣніемъ, или вѣрованіемъ, и произвело римскій расколъ. Гратри все еще поддерживаетъ мысль, что папство есть учрежденіе божественное, что папа есть центръ единства для всей церкви, и вѣруя, что Духъ Святый соединитъ нѣкогда всѣхъ вѣрующихъ въ одно стадо, у котораго будетъ одинъ пастырь, онъ мечтаетъ, что этимъ пастыремъ будетъ папа.

Мы, конечно, не знаемъ, что будетъ дальше съ убѣжденіями Гратри. Мы не знаемъ, проведетъ ли онъ до конца свою мысль, или остановится на полдорогѣ къ истинѣ. Но для насъ и не особенно важно знать это. Судьба личности имѣетъ для насъ второстепенное значеніе. Пусть только все больше и больше распространяется въ средѣ римско-католическаго міра основная мысль писемъ Гратри. При этомъ условіи легко уже будетъ усвоившимъ воззрѣнія Гратри сдѣлать и тѣ выводы, которыхъ не сдѣлалъ авторъ писемъ къ мехельнскому архіепископу.

(*Бирж. Вѣд.*)

Итальянская палата о непогрѣшимости папъ.

Римскій вопросъ и папская непогрѣшимость подали поводъ къ весьма интереснымъ преніямъ въ итальянской палатѣ депутатовъ. Депутатъ Бони прервалъ разсужденіе о финансахъ слѣдующими словами: „финансовые вопросы не должны заставлять насъ забывать, что Римъ принадлежитъ намъ. Если мы въ настоящее время и не можемъ занять его территорію, то во всякомъ случаѣ, должны всѣми силами противодѣйствовать нарушенію нашихъ правъ. Я мало интересуюсь римскимъ дворомъ и потому не нахожу нужнымъ говорить о непогрѣшимости, считая ее нелѣпостью изъ нелѣпостей. Но мы должны наблюдать за тѣмъ, чтобы соборъ не оскорбилъ ни нашихъ законовъ, ни нашихъ учрежденій. Въ заключеніе ораторъ требовалъ, чтобы правительство дало объясненіе о своемъ отношеніи къ собору и къ римскому вопросу. Министръ иностранныхъ дѣлъ Висконти-Веноста отвѣчалъ рѣчью; общій смыслъ ея былъ таковъ, что италіянское правительство не приписываетъ ни малѣйшаго значенія рѣшеніямъ собора и потому предоставляетъ святымъ отцамъ дѣлать, что имъ угодно. Правительство, само собою разумѣется, съумѣетъ заставить уважать италіянскіе законы. „Мы можемъ сожалѣть, присовокупилъ министръ, что въ Римѣ не слушаютъ добрыхъ совѣтовъ, но особенно безпокоиться объ этомъ намъ нѣтъ повода. Что касается нашихъ отношеній къ церкви, то мы будемъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ своими собственными законами, а не рѣшеніями собора.“ Это заявленіе министра встрѣтило сильное одобреніе; только два депутата, принадлежащіе къ различнымъ партіямъ возстали противъ него. Одинъ находилъ, что правительство дурно поступаетъ, позволяя отцамъ собора дѣлать, что имъ угодно, а другой высказывался среди всеобщаго смѣха. „Отцы собора, сказалъ онъ, засѣдаютъ такъ высоко, что никакія стрѣлы, пущенныя въ нихъ, не могутъ достигнуть цѣли. Италія никогда не овладѣетъ Римомъ; если же и овладѣетъ (сильный смѣхъ), то произойдетъ смѣшеніе языковъ и разсѣяніе народовъ. О непогрѣшимости нельзя говорить, не зная исторіи церкви“ (Ого! на лѣвой). Ораторъ заключилъ словами: „Власть открывать намъ двери рая принадлежитъ только папамъ и соборамъ, но не парламентамъ.“

после предложено было перейдти къ очереднымъ занятіямъ въ слѣдующей формѣ: „Палата, совершенно равнодушная къ вопросу о непогрѣшимости папы, переходитъ къ очереднымъ занятіямъ.“

Перейдемъ къ Швейцаріи. Поднятый римскимъ соборомъ вопросъ о непогрѣшимости вызываетъ здѣсь энергическіе протесты. Объявленъ манифестъ, приглашающій швейцарцевъ возстать противъ притязаній римской куріи, и на объявленіе догмата папской непогрѣшимости отвѣчать учрежденіемъ національной католической швейцарской церкви. Вотъ отрывокъ изъ него:

„Мы требуемъ самымъ категорическимъ образомъ реформы нашей духовной организаціи на демократическихъ основаніяхъ, въ особенности учрежденія синодовъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Мы полагаемъ свободу церкви и нашего исповѣданія въ религіозномъ самоуправленіи, на почвѣ чистаго ученія Христа, и при томъ съ отстраненіемъ иностраннаго (т. е. римскаго) вліянія. Мы объявляемъ открыто, что противно нашему разуму, нашей совѣсти и нашимъ религіознымъ чувствамъ принадлежать болѣе къ церкви, которая находится въ явномъ противорѣчіи съ наукою, съ разумомъ, съ убѣжденіями милліоновъ добрыхъ христіанъ,—къ церкви, которая издѣвается надъ здравымъ смысломъ и изобрѣтаетъ смѣшные догматы, и которая возвращается ко временамъ язычества, желая обоготворить своего первосвященника. Католики Арговіи и всей Швейцаріи! время дѣйствовать настало! Докажемъ, что мы проникнуты сознаніемъ нашего долга, по отношенію къ нашимъ предкамъ, по отношенію къ нашимъ потомкамъ и по отношенію къ намъ самимъ. Не охранимъ республику и водрузимъ нашъ демократическій духъ въ учрежденіяхъ церкви... Намъ предстоитъ борьба упорная, но плодомъ нашихъ усилій будетъ *католическая національная церковь*.“

Манифестъ этотъ показываетъ, что идея Овербека объ основаніи католическихъ національныхъ церквей, получаетъ распространеніе, благодаря упорнымъ усиліямъ Рима централизовать еще болѣе латинскую церковь. Недовольные соборомъ подумываютъ и о другомъ исходѣ. „*Не слѣдуетъ ли намъ, во избѣжаніе преслѣдованій римскаго двора, сдѣлаться про-*

тестантами? 1)" Такими словами заканчивается энерги ское письмо, адресованное венгерским епископом Строси ером,—известным противником папской непогрѣшимости, ко рый будто бы изгнан из Рима, от имени его товарищей, п сутствующих на соборѣ, — к президенту пештскаго кабине графу Андраши. В письмѣ этом, епископ Строснайер го ко жалуется на насилія, которым он подвергался со стор Ватикана, и требует себѣ поддержки венгерскаго правительст Россія остается пока в выжидательном положеніи относите но собора. *(Бирж. Вѣд.)*

Из Рима.

Нужно отдать справедливость его святѣйшеству Пію I что он, подобно самым искусным современным волшебника умѣет усилить и без того напряженныя ожиданія публики. в самом дѣлѣ, даже посвященным в дѣла кажется уд тельным, каким образом он съумѣет заставить весь ци лизованный мір всѣх исповѣданій говорить и обсуждать пр де разрозненныя и отрывочныя положенія силлабуса, котор он теперь придал законченную форму. Подобно тому, как еическій король древних саг, являлся на поле битвы, о женный избранною толпою смѣлых великанов, так и те перед нами является папа Пій IX, с своим позитив силлабусом, в сопровожденіи двадцати одного рыцаря, п тых одинаковыми бронями, и называемых „Canones," на современной исторіи и заставляет своих рыцарей метать против рыцарей духа, принципов науки, пропитанных менным духом свободы государственных учрежденій. В ная исторія может указать очень мало примѣров таког сягательства на купленныя такою тяжелою цѣною умствен церковныя пріобрѣтенія, в каком обвиняется папа Пій Отлитыя в позитивную форму положенія силлабуса, в п

---

1) От чего ж протестантами? Есть христіанств торое древнѣе и непогрѣшимѣе протестанства, и к кот в послѣднее время, почувствовали сильное влеченіе сам тестанты. Ред. В. З. Р.

ѣ на русской языкъ, заключаются въ сущности въ слѣдую-
щемъ: отдѣльные индивидуумы, какъ и отдѣльные народы, долж-
ны отказаться отъ своей личности въ пользу церкви, и отка-
заться въ такой степени, чтобы совершенно отдѣлиться отъ сво-
его внѣшняго существованія; они должны уничтожить всякія
требованія и потребности своей природы и говорить языкомъ
церкви, или, вѣрнѣе, языкомъ римской куріи. Найдти доказа-
тельства для подтвержденія сказаннаго нами было бы не трудно,
если бы сами-то отдѣльныя положенія силлабуса не страдали
неясностію. Canones 1—3 направлены противъ утвердившагося
въ христіанскихъ религіяхъ раціонализма и его проявленій. По-
ложенія 4—7 заключаютъ самое строгое осужденіе не только
натурализма и индиферентизма, но даже терпимости относитель-
но другихъ вѣроисповѣданій. А, по мнѣнію римской куріи, къ дру-
гимъ исповѣданіямъ принадлежатъ всѣ тѣ, которыя не такъ
думаютъ и вѣруютъ, какъ она повелѣваетъ. Положенія отъ 8—
13, 20, 21, трактующія о заблужденіяхъ противъ церкви и
ея правъ, о заблужденіяхъ противъ гражданскаго общества, и
о христіанскомъ бракѣ, осуждаютъ кромѣ того піетизмъ, пан-
теизмъ, современный либерализмъ и клерикально-либеральныя об-
щества. 17 канонъ застѣнчиво отстаиваетъ свѣтскую власть па-
пы—это постоянно больное мѣсто Рима, которое иногда дово-
дитъ его до пароксизмовъ. Въ 18 и 19 положеніяхъ силлабу-
са устанавляется между государствомъ и церковію такое же со-
отношеніе, какое существуетъ между мѣсяцемъ и солнцемъ. По
данному очерку можно смѣло заключить, что силлабусъ объявля-
етъ рѣшительную войну всѣмъ этическимъ силамъ нашего вре-
мени. Каждому мыслящему человѣку неизбѣжно придетъ въ го-
лову вопросъ: „Неужели же Римъ, при всѣхъ своихъ необуз-
данныхъ выходкахъ, дѣйствительно стоитъ на христіанской, ка-
толической почвѣ? Римъ не желаетъ сознать, что христіанство
не есть рядъ нанизанныхъ, какъ четки, догматовъ, а существен-
ный жизненный принципъ. Если курія будетъ продолжать ис-
правлять міръ по своей любимой методѣ, то она собственною
рукою подрѣжетъ въ сердцахъ корни христіанской вѣры, такъ
какъ ея пламенная вѣра есть не что иное, какъ огонь, которой
не свѣтитъ, а только затемняетъ свѣтъ своимъ дымомъ и ко-
потью. И тогда можетъ случиться, что возмущенный христіан-

свій міръ, по чувству самосохраненія, поставитъ на сце
зрѣлище „о послѣднемъ папѣ“,—событіе, которое уже въ ти
приготовляется движеніемъ умовъ, и которое ближе, чѣмъ э
предполагаетъ гордая римско-католическая церковь. Въ этомъ
отношеніи Провидѣніе быть можетъ мудро устроило, наказа
папство слѣпотою, такъ что оно не видитъ окружающій
свѣтъ и, подобно ночной бабочкѣ, все ближе подлетаетъ
пламени, пока не сдѣлается его жертвою. И дѣйствительно, нел
зя отрицать, что развитіе человѣческаго рода часто идетъ п
добнымъ путемъ; то, что предназначено къ погибели, внезап
слѣпнетъ, погружается въ умственный мракъ и всѣ его начин
нія лишь ускоряютъ катастрофу. Было время, когда господст
римской церкви являлось ужаснымъ, когда ея желѣзная рука тя
тѣла надъ государями и народами, теперь отъ нея остались о
лишь внѣшнія великолѣпія, одна наружность, она лишилась ж
ни и дѣйствительнаго существованія; эта внѣшность обаятел
дѣйствуетъ на массы, и тысячи чувствуютъ сладкій трепе
когда папа поднимаетъ надъ ними свою благословляющую дл
тысячи страшатся его проклятій; но благословенія его не и
ютъ прежней силы, громы его проклятій не убиваютъ, его под
тыя руки—руки безжизненнаго автомата, за которымъ стоятъ о
іезуиты. Нѣтъ, для борьбы съ этого великолѣпно украшен
ничтожностію, не нужно геройства. Разрушеніе ея является
деломъ времени. Теперь не нужны сатирики, чтобы предать
смѣянію жизнь духовенства, громящаго міръ своими прокля
ми; ни одинъ самый талантливый юмористъ, не могъ бы пр
вести такого эфекта, какой производитъ разсказы о тайн
Ватикана и интимныя письма отцевъ собора. Пій IX имѣ
большое сходство съ тремя изъ своихъ предшественниковъ.
жно бы даже сказать, что онъ взялъ ихъ себѣ за обра
если бы предположить, что онъ знаетъ исторію. Но Пій
когда не занимался прошедшимъ, онъ исключительно дитя св
времени и живетъ только въ настоящемъ. Эти три папы, И
кентій X, Климентій XI и въ особенности Павелъ IV. На пе
го онъ похожъ твердою, непоколебимою вѣрою въ собствен
влеченія и недостаткомъ теологическаго образованія; на втора
своею преданностію іезуитамъ и высокомѣрнымъ обращеніем
епископами, осмѣливающимися имѣть свое собственное мн

акъ Павелъ IV хвалился: „когда нибудь потомство скажетъ ю мнѣ—этотъ старый италіянецъ, приближаясь къ смерти, мѣсто того, чтобы плакать и каяться въ грѣхахъ, составлялъ ширные планы,“—такъ и Пій IX, несмотря на преклонныя лѣта, хочетъ совершать великія дѣянія, хочетъ укрѣпить папскую ласть, какъ rocher de bronze. Съ помощію собора онъ надѣетя укрѣпить всемірное господство папъ и передать папскую власть неприкосновенною своимъ преемникамъ. Пій IX убѣжденъ, что ви всѣхъ его замыслахъ и дѣйствіяхъ имъ руководитъ Божественный промыслъ, избирающій его своимъ орудіемъ; однимъ въ доказательствъ своего высокаго назначенія, онъ считаетъ отъ фактъ, что изъ 265 папъ, ни одинъ до сихъ поръ не занималъ такъ долго апостольскаго престола. Въ этомъ смыслѣ пишетъ теперь одинъ іезуитъ исторію папы; говорятъ, одна глава, посвященная собору, уже окончена. Французскій исторіографъ Вердо, который долженъ былъ описывать походъ въ Бельгію и осаду одной бельгійской крѣпости, описалъ эту осаду прежде, чѣмъ она была кончена и самодовольно говорилъ: mon siége est fait. Точно такъ же и историкъ папы можетъ теперь говорить: mon concile est fait. Иностранцы, привлеченные въ Римъ соборомъ и удержанные на время слишкомъ распространенною извѣстностію тамошнихъ карнаваловъ, спѣшатъ оставить вѣчный городъ, унося съ собою двойное разочарованіе, такъ какъ увеселительная программа и программа религіозная одинаково обманули ихъ ожиданія. Римляне съ величайшею грустію смотрятъ въ слѣдъ своимъ удаляющимся гостямъ и всю вину за неудачу своихъ пышныхъ надеждъ слагаютъ на соборъ. Дѣйствительно, такой неожиданный отъѣздъ иностранцевъ разстроилъ немало хозяйственныхъ разсчетовъ и внесъ въ римскія семейства громадный дефицитъ. Дефицитъ въ папскихъ кассахъ въ Римѣ, все болѣе и болѣе оскудѣвающихъ въ слѣдствіе расходовъ на содержаніе 300 епископовъ, приводитъ въ немалое смущеніе и св. отца. Размѣрамъ, которые принимаютъ пренія собора, въ виду требованій абсолютистской партіи, и въ особенности въ виду оппозиціи противъ объявленія догмата о непогрѣшимости, не предвидится границъ, и папа еще недавно, говоря объ огрожающемъ ему банкротствѣ, полушутя, полусеріозно, замѣтилъ: Per furia di farmi infallibile mi faranno fallire (въ своемъ усердіи сдѣлать меня непогрѣшимымъ,

они доведутъ меня до грѣха банкротства). Между тѣмъ публичныя духовныя торжества и разныя церковныя церемоніи, съ цѣлію удержать наплывъ иностранцевъ и богомольцевъ, продолжаются. Впечатлѣніе, производимое этими торжествами, почти такое-же, какъ и впечатлѣніе, производимое въ другихъ странахъ различными празднествами и торжественными встрѣчами: всюду великолѣпіе, солдаты, крики vivat, ковры и давка, съ тою только разницею, что мрачные римскіе дворцы и живописныя церкви представляютъ прекрасную рамку для подобнаго рода картинъ. Но въ римскихъ зрѣлищахъ недостаетъ того, безъ чего они немыслимы въ другихъ мѣстахъ, а именно—народа. Иногда въ толпѣ не увидишь ни одного человѣка, принадлежащаго к низшему классу. Она состоитъ изъ гражданъ съ ихъ женами и дочерьми, иностранцевъ, военныхъ и преимущественно изъ духовенства. Гдѣ же бываетъ народъ? Говорятъ, что онъ работаетъ въ это время; но это очевидная ложь, потому что во всякое другое время его видишь на площадяхъ и на улицахъ, не работающимъ. Интересно было бы узнать, куда дѣвается народъ въ то время, когда папа желаетъ благословить его. Гдѣ же уличные мальчишки? Впрочемъ Римъ отличается тѣмъ, что въ немъ нѣтъ уличныхъ мальчишекъ. Это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что они всѣ употребляются церковью для хоровъ, для пѣнія и для нищенства. Римскія церковныя празднества не обходятся безъ комическаго эпилога, какъ на театрѣ, послѣ какихъ нибудь драмъ, даются обыкновенно еще водевили. Подобнымъ водевилемъ служатъ такъ называемыя дѣтскія проповѣди, которыя произносятся въ теченіи недѣли до Рождества и недѣли послѣ Рождества, въ церкви Маріи Арацели. Дѣти отъ 5 до 11 лѣтняго возраста проповѣдуютъ въ этой церкви, что вдолбили въ нихъ учителя въ школѣ. Церковь Арацели на Кампидоліо напоминаетъ собою отчасти раззорившуюся аристократку. Бывшая роскошь свѣтится сквозь обветшалый нарядъ. Великолѣпный куполъ изъ массивнаго золота; но бокъ о бокъ съ памятникомъ папы виднѣются коленкоровые покровы на алтаряхъ. Картины лубочной живописи висятъ бокъ о бокъ съ картинами древнихъ мастеровъ. Отвратительныя исповѣдальни напоминаютъ собою платяные шкапы, а въ глубинѣ сіяетъ залитая золотомъ и серебромъ капелла. Что касается до этихъ малолѣтнихъ пропо-

иковъ, которыхъ ставятъ на столы, то только римская публика можетъ переварить ихъ. Вотъ какъ описываетъ свои впечатлѣнія по этому поводу корреспондентъ одной нѣмецкой газеты: „Особенно смѣшонъ былъ одинъ мальчуганъ лѣтъ 5. Прежде чѣмъ взлѣсть на роковой стулъ, онъ о чемъ-то съ жаромъ говорилъ съ матерью, стоявшею позади стола, затѣмъ сталъ одною ножкою и опять соскочилъ; честолюбіе и застѣнчивость очевидно боролись въ его маленькой душѣ. Наконецъ, онъ рѣшился, ступилъ обѣими ножками на столъ, но все еще искоса поглядывалъ на мать, какъ будто прося ее о помощи. Но вдругъ на него какъ будто нашло наитіе. Круглое личико вдругъ вытянулось и смущенная улыбка смѣнилась торжественною важностію. Онъ закатилъ глаза къ верху, вытянулъ миніатюрное тѣльце, поднялъ ручонки надъ головою и благословилъ собравшуюся толпу. За нимъ слѣдовала маленькая дѣвочка. Когда она съ паѳосомъ говорила о младенцѣ Іисусѣ, маленькія ножонки вдругъ поскользнулись и она упала, вызвавъ единодушный взрывъ хохота. Мимика и жестикуляція, къ которымъ пріучены дѣти, дѣлаетъ изъ нихъ что-то въ родѣ куколъ на пружинахъ. Когда они говорятъ о глазахъ, они тычатъ себѣ пальцами въ глазенки, прикасаются точно такъ же руками ко всякому члену тѣла, о которомъ говорится въ проповѣди. При словѣ cielo (небо) они откидываютъ голову назадъ, вздергиваютъ носики, преклоняютъ колѣна, простираютъ руки и бьютъ маленькими кулачками въ грудь, такъ какъ тамъ живетъ Господь Іисусъ. Не убѣдившись собственными глазами, трудно повѣрить этому фарсу. Одна дѣвочка говорила о Божіей матери, носившей себя подъ сердцемъ Іисуса и описала при этомъ маленькою ручкою кругъ—жестъ, значеніе котораго читатели конечно поймутъ. Особенно забавенъ былъ мальчикъ, отличавшійся истинно швейцарскою флегмою. Говоря, онъ складывалъ ручонки на толстенькомъ брюшкѣ, вертѣлъ большой палецъ одной руки вокругъ пальца другой, и имѣлъ необыкновенно добродушный видъ. Но смѣшнѣе всего было то, что противъ мальчика стоялъ францисканскій монахъ, съ котораго онъ казался вылитою копіею. Монахъ также держалъ руки сложенными на брюшкѣ и вертѣлъ между пальцевъ табакерку, у него были тѣ же стеклянные глаза, та же флегма. Это страшное сходство обратило на себя

вникание публики и взоры всѣхъ мало по малу устремились на францисканца; онъ покраснѣлъ и вскорѣ удалился. На этихъ д[…] тяхъ, принадлежавшихъ большею частію къ беднѣйшимъ сосл[…] віямъ, были роскошныя шляпы съ перьями, на нѣкоторыхъ д[…] же лайковыя перчатки, но чистота нижняго платья рѣдко соо[…] вѣтствовала изяществу шляпъ."

(Биржев. Вѣдом.)

Облеченіе въ форму папской непогрѣшимости.

Въ числѣ изобрѣтеній XIX вѣка печальную славу въ ис[…] ріи пріобрѣтутъ два изобрѣтенія римской церкви: догматъ [не]порочнаго зачатія и догматъ папской непогрѣшимости. Перв[ый] повѣданъ міру лѣтъ десять назадъ, второй на дняхъ буд[етъ] разсматриваться на соборѣ. Онъ уже совсѣмъ подготовле[нъ]. Вѣнская газета „Tages Presse" сообщаетъ слѣдующій проектъ [со]опредѣленія о папской непрогрѣшимости:

„1) Кто скажетъ, что епископскій престолъ римской це[рк]ви не есть истинно и дѣйствительно непогрѣшимый прест[олъ] святаго Петра, или что онъ не есть избранная Богомъ, бе[з]конечно,—твердая, несокрушимая и непобѣдимая скала всей х[ри]стіанской церкви, тотъ да будетъ проклятъ. 2) Кто скаж[етъ] что рядомъ съ престоломъ святаго Петра существуетъ на с[вѣ]тѣ другой непогрѣшимый престолъ истины евангелія нашего [Гос]пода Христа, тотъ да будетъ проклятъ. 3) Кто станетъ [от]рицать, что святое ученіе престола Петра необходимо для [вѣч]наго спасенія всѣхъ людей, вѣрующихъ и не вѣрующихъ, с[вѣт]скихъ и духовныхъ, тотъ да будетъ проклятъ. 4) Кто ста[нетъ] учить, что отдѣльные, законно-избранные римскіе папы, н[е въ] силу божественнаго права наслѣдуютъ св. Петру и кто ста[нетъ] отрицать непогрѣшимость кого нибудь изъ нихъ въ понима[ніи] истиннаго слова Божія, тотъ да будетъ проклятъ. 5) Кто [ста]нетъ учить, что вселенскіе соборы составляютъ власть, п[о]вленную Богомъ надъ церковію, чтобы пасти стадо Бож[іе], что въ дѣлахъ вѣры они стоятъ выше или наравнѣ съ н[имъ] или, въ силу воли Божіей, необходимы для непогрѣшим[ости] римскаго епископа, тотъ да будетъ проклятъ."

Для православнаго русскаго читателя подобное вѣроопредѣленіе должно показаться величайшею нелѣпостію и страшнѣйшею ересью, а между тѣмъ оно несомнѣнно будетъ принято на римскомъ соборѣ.

Въ газетѣ „Unita Catnlica“ уже напечатанъ благодарственный адресъ папѣ за этотъ проектъ вѣроопредѣленія о непогрѣшимости. Газета не сообщаетъ именъ подписавшихся подъ адресомъ, она просто говоритъ, что онъ составленъ и подписанъ отцами собора; во всякомъ случаѣ онъ вполнѣ согласенъ съ духомъ большинства, господствующаго на соборѣ. Вотъ его текстъ:

„Святѣйшій отецъ! Велико было наше горе въ то время, когда мы принуждены были обращаться съ просьбою къ твоему святѣйшеству, тѣмъ болѣе счастливы мы теперь, выражая тебѣ нашу смиренную благодарность. Въ то время буря разнорѣчивыхъ мнѣній волновала умы: непогрѣшимость святаго престола служила предметомъ распри, и эта непогрѣшимость подвергалась такимъ сильнымъ нападкамъ, что враги ея касались даже первосвященническихъ правъ апостола Петра и его преемниковъ, этого основнаго камня церкви. Враги церкви торжествовали; слабые въ вѣрѣ мучились сомнѣніями, вызванными искуствомъ или авторитетомъ различныхъ писателей, твердые въ вѣрѣ съ горемъ и печалью озирались кругомъ себя. Ты, святой отецъ, нашелъ средства пресѣчь это зло, позволивъ внести въ соборъ декретъ, помощію котораго усмирено будетъ все это волненіе. Благодаря этому, ослабѣвшее мужество снова возвращается, смѣлость враговъ церкви исчезаетъ, и надежда на возстановленіе мира воскресаетъ. Твое слово, святой отецъ, произведетъ на наше бурное время такое же дѣйствіе, какое произвело однажды слово Спасителя надъ бурнымъ моремъ,—оно возстановитъ тишину. Чтобы мы скорѣе могли наслаждаться этою тишиною, ты вознесешь свои святыя молитвы къ престолу Того, Чьимъ намѣстникомъ ты служишь на землѣ. Мы же присоединимъ къ твоимъ молитвамъ и наши о томъ, чтобы всѣ, кого это дѣло касается, наполнились радостію и чтобы послѣ окончательнаго утвержденія твоихъ правъ мы имѣли счастіе видѣть торжество нашей власти надъ народами.“

Теперь, когда дѣло зашло такъ далеко, окружающіе папу

не скрывают болѣе, что Пій уже много лѣтъ, съ самаго начала своего правленія, имѣлъ намѣреніе провозгласить догматъ папской непогрѣшимости. Недавно въ Римѣ вышла брошюра, въ которой, между прочимъ, говорится: „Неужели епископъ орлеанскій не зналъ, что Пій IX постоянно стремился къ провозглашенію этого догмата и къ уничтоженію галликанисма? Всѣ дѣйствія его правленія направлены къ этой цѣли. Да, мы прямо говоримъ, Пій считалъ своимъ призваніемъ провозглашеніе двухъ догматовъ, непорочнаго зачатія и папской непогрѣшимости, и такъ какъ онъ находится подъ особенною благодатію Святаго Духа, то его воли совершенно достаточно для достиженія этой цѣли." Эта тирада, очевидно, предназначалась для глазъ первосвященника, вся жизнь котораго была наполнена разными чудесными спасеніями, видѣніями, божественными откровеніями и проч. Теперь завѣса таинственности, покрывавшая эту жизнь, приподнимается, и начинаютъ говорить болѣе откровенно. Осенью прошедшаго года, и даже въ концѣ его, въ декабрѣ, на всѣ вопросы епископовъ и правительствъ, изъ Рима, отвѣчали, что папа вовсе не намѣренъ представлять вопросъ о непогрѣшимости на обсужденіе собора. Извѣстія, сообщаемыя по этому вопросу газетою „Covitta", постоянно опровергались. Папская курія, говорили въ Римѣ, не отвѣтственна за слова каждаго отдѣльнаго іезуита. Антонелли осыпалъ всѣхъ самими успокоительными завѣреніями. Между тѣмъ, коммиссія теологовъ, подготовлявшихъ вопросы для обсужденія на соборѣ, вотировала, по приказанію папы, этотъ новый догматъ, и архіепископъ Кардони представилъ свой проектъ, принятый всѣми членами коммиссіи, за исключеніемъ одного Алацаги. Отъ епископовъ тщательно скрывали предметы, подлежащіе обсужденію собора, отъ теологовъ взяли клятву хранить молчаніе, для того, чтобы епископы пріѣхали не приготовившись, не взявъ съ собою нужныхъ книгъ и стали на соборѣ вотировать, какъ машины, все, что захотятъ іезуиты. Всѣмъ извѣстно, что, по своимъ теологическимъ познаніямъ и умственному образованію, Пій IX стоитъ ниже всѣхъ своихъ предшественниковъ за послѣднія 350 лѣтъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнивать развѣ съ Иннокентіемъ VIII и Юліемъ II. Какъ ни ничтожны знанія, требуемыя отъ духо-

венства въ папской области, но нынѣшній папа не обладалъ даже и ими. Сдѣлавшись папою, онъ не имѣлъ ни времени ни возможности вознаградить пробѣлы въ своемъ образованіи, и, вслѣдъ за мучительнымъ сознаніемъ этихъ пробѣловъ, у него явилась мысль о возможности уничтожить ихъ безъ труда, посредствомъ благодати Божіей. Эта фантазія, эта идея о томъ, что онъ находится подъ особенною благодатію Божіею, и внушила папѣ намѣреніе, поселяющее въ настоящее время такое смущеніе въ умахъ католиковъ. Случаи отпаденія отъ католицизма уже начались. Американецъ Бьеринтъ поступилъ смѣлѣе и рѣшительнѣе всѣхъ, прямо оставивъ католичество и принявъ православіе. Между тѣмъ, поданный армянскими католиками въ Константинополѣ примѣръ отпаденія отъ папской власти имѣетъ себѣ подражателей въ американскомъ штатѣ Луизіанѣ. Тамошнее католическое духовенство не хочетъ признавать папу своимъ главою, а стремится къ независимости. Противупапское движеніе идетъ дальше въ Луизіанѣ, и тамошнее духовенство объявляетъ упраздненнымъ римское правило о безбрачіи священниковъ. Изъ правительствъ смѣлѣе другихъ относительно Рима ведетъ себя турецкое. Чрезъ посредство Рустемъ-бея, Порта предписала всѣмъ армянскимъ епископамъ немедленно пріѣхать въ Константинополь, и, кромѣ того, поручила Рустемъ-бею самымъ настоятельнымъ образомъ пригласить всѣхъ турецкихъ епископовъ съ ихъ свитами поскорѣе возвратиться въ Турцію, и не участвовать въ провозглашеніи догмата папской непогрѣшимости.

(Бирж. Вѣд.)

Выставка вещей и лицъ въ Римѣ.

Ярмарка клерикальнаго тщеславія и духовной промышленности открылась, наконецъ, въ Римѣ, съ подобающею обстановкою. Папа лично благословилъ священное начинаніе, посреди несмѣтной толпы кардиналовъ, епископовъ и знатнѣйшихъ иностранцевъ. Папа возсѣдалъ на тронѣ, нарочно воздвигнутомъ для него посрединѣ выставки, сказалъ рѣчь (по словамъ газеты „Osservatore Romano“) „знаменательную“, затѣмъ выслушалъ подобныя же хвалителей, подносимыхъ полиціею, и гимнъ, спѣтый во

честь его оскопленными дискантами—уѣхалъ довольный. Впр
чемъ, на этотъ разъ восторги были очень умѣренны, по дву
причинамъ:

Разумѣется, ни въ кругу святителей, расположенныхъ ку
ровать на папскій счетъ, ни въ кругу наполеонидовъ, серде
но преданныхъ второй имперіи, которой угрожаетъ кабалист
ческое значеніе папскаго имени, прежнихъ восторговъ при
явленіи главы католичества проявиться уже не могло. Нал
ные же энтузіасты восторгаются вяло, какъ потому, что ремес
это отплачивается весьма скудно, такъ и потому еще, что
встрѣчаетъ поддержки.

Общій видъ духовнаго торжища, судя по описанію, дово
но живописенъ; убранство эталажей обдуманно; разнообр
выставленныхъ предметовъ изумительно. Кто бы думалъ
кромѣ амулетовъ, дарохранилищъ, изображеній чистилищъ и
н., необходимыхъ для католическаго культа принадлежнос
въ число священныхъ предметовъ входятъ и какіе то каучу
вые мѣшочки для оконечностей, спринцовки, млекопитател
(для младенцевъ) рожки и т. д., и т. д.

Папа, изрекая предъ копотливыми святителями свою у
зу картофелемъ, былъ отчасти правъ: со дня открытія соб
содержаніе ихъ обошлось ему свыше *милліона стодвадца
пяти тысячъ франковъ*; а что они до сихъ поръ сдѣлали
состоялись всего двѣ публичныя сессіи, четыре генерал
конгрегація, и только. 116 ораторовъ говорили рѣчи, н
непорѣшивъ. Каждый ораторъ, поговорившій на вѣтеръ,
шелся слѣдовательно, папѣ въ 9,672 франка и 75 чентеси
Цифра почтенная и затраченная не на вздорную погоню з
погрѣшимостью, могла бы значительно улучшить положеніе
скихъ финансовъ. Вопросъ о непогрѣшимости сомнителенъ
но, чѣмъ когда нибудь: расколъ готовъ народиться тамъ и
и распря между святителями достигла до nec plus ultra.

Первые впали въ расколъ армянскіе отцы, оскорбл
изданіемъ схемъ, направленныхъ противъ обрядовъ вос
церкви, дисциплинарно-іерархическихъ мѣръ этихъ церк
вьютъ, предоставленныхъ имъ самими же папами.

Другая папска схема, озаглавленная „de vita et de h
te clericorum", раздражила тоже немалое число святи

взиравшихъ до сихъ поръ на свою роль нѣсколько своеобразно. Дѣло идетъ о введеніи нѣкоторыхъ измѣненій въ бытѣ патеровъ и прелатовъ, особенно римскихъ. Этотъ вопросъ былъ затрогиваемъ уже неоднократно и на предшествовавшихъ соборахъ, и въ клерикальныхъ ушахъ еще звучитъ грозный приговоръ португальскаго богослова, донъ-Бартоломея: eminentissimi cardinales eminentissima reformatione indigent, которымъ грянулъ онъ среди озадаченнаго собранія. И точно, римскій monsignore ведетъ вообще жизнь нерѣдко скандалезную и полную приключеній самаго разнообразнаго свойства. Онъ, обыкновенно, щеголь, дамскій угодникъ, гдѣ можно взяточникъ, нахалъ, подчасъ стихоплетъ, раздушенная кукла, фанфаронъ, и разное другое въ томъ же родѣ. Нѣкоторыхъ, не будь на нихъ сутаны, не отличишь отъ искателей приключеній, разъѣзжающихъ по заграничнымъ епархіямъ и приходамъ подъ именемъ апостолическихъ протонотаріусовъ, вымогающихъ взятки и запугивающихъ своимъ вліяніемъ при Ватиканѣ.

Монсиньйоръ въ Римѣ—личность неважная; внѣ Рима онъ—особа. Бѣдный священникъ заштатнаго прихода видитъ въ немъ—въ его нагломъ съ нимъ обращеніи, въ его фіолетовыхъ чулкахъ и напускномъ благочестіи—папскаго царедворца и падаетъ передъ нимъ ницъ.

Епископы тоже заискиваютъ передъ ними, самъ папа, несмотря на свою опытность и мнимую непогрѣшимость, часто бывалъ жертвою интригъ и наглости этихъ промышленниковъ, добивающихся разными пронырствами и дамскими протекціями придворныхъ должностей. Естественно, что схема, затрогивающая эти, обычаи, не могла не вызвать горячихъ протестовъ и страстной оппозиціи.

Ни одна газета, нигдѣ и никогда, кажется, не подвергалась такому ревностному гоненію, какъ „Аугсбургская Газета" въ Римѣ. Тайная полиція перехватываетъ ее на границѣ; на почтѣ вскрываютъ всѣ конверты, *безъ исключенія*, чтобъ убѣдиться, не пересылается ли она въ видѣ писемъ или нѣтъ ли изъ нея вырѣзокъ; въ кофейняхъ, аргусы не стѣсняются вырывать ее изъ рукъ неосторожныхъ читателей; корреспондентовъ ея разыскиваютъ по всему городу и недавно еще аре-

отставки старика Дресселя, изъ Магдебурга, подозрѣваемаго въ сотрудничествѣ въ этой еретической газетѣ.

Секретъ продолжаетъ быть обязательнымъ de mordicus для членовъ собора. Тайной цензурѣ подчинены всѣ исходящія изъ Рима письма, посылки, даже депеши самихъ святителей. Что ни говорите, а какъ скоро для дѣла необходима тайна, дѣло это — нечисто!

Да и можетъ ли быть оно чисто, когда ученаго Дресселя изгоняютъ, а разбойнику Фуоко оказываютъ покровительство? Да будетъ вамъ извѣстно, что убійца этотъ всю зиму, пока на горахъ лежалъ снѣгъ, прожилъ въ фарнезскомъ дворцѣ, подъ крылышкомъ Франциска II. Но снѣгъ сталъ, эксмонархъ самъ снарядилъ своего агента въ путь, и прощаясь назидательно (говоритъ газета „Oriente“) и долго разговаривалъ съ нимъ, на бурбонскомъ діалектѣ, о будущихъ *предпріятіяхъ*.

Самое модное развлеченіе римской аристократіи состоитъ теперь въ слушаніи проповѣдей святителей, которыя они по очереди, и каждый на своемъ нарѣчіи, говорятъ въ одной изъ малыхъ церквей вѣчнаго города, именно въ Santo-Andrea-della-Valle. Дамы таютъ отъ восторга и носятъ *пента* любимыхъ проповѣдниковъ. Трактуютъ они, разумѣется, исключительно о папской непогрѣшимости, и пальма первенства до сихъ поръ остается за епископомъ авиньонскимъ, монсиньйоромъ Дюбрейлемъ, который смѣлостью доводовъ превзошелъ всѣхъ остальныхъ ораторовъ. Этотъ прелатъ повѣдалъ, съ увлекающимъ жаромъ краснорѣчія, своей аудиторіи, что „Богъ воплотился три раза: во Христѣ, въ Евхаристіи и въ Ватиканѣ, въ образѣ самаго Пія IX...“ не забудьте, что человѣкъ, сказавшій это — епископъ. Чего же, послѣ этого, ждать отъ другихъ? Простительно гг. Вейльйо и Чезаре Канту нести высокопарную ерунду на страницахъ ультрамонтанскихъ газетъ; но простительно ли просвѣщенному іерарху завираться публично?

(*Голосъ*).

Происхожденіе Пія IX.

Въ „Пештскомъ“ Ллойдѣ пишутъ: Одному изслѣдователю, близко знакомому съ генеалогіею римскихъ и итальянскихъ фа-

ній, удалось открыть, что *фамилія нынѣшняго папы Пія IX—Мастаи—еврейскаго происхожденія*. Мастаи обязаны графскимъ титуломъ одной Ферретти, принадлежавшей къ древне-дворянскому роду и вышедшей замужъ въ Сенегаліи за крещенаго еврея Мастаи. Уже 24 года тому назадъ, когда графъ Мастаи-Ферретти вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ Пія IX, маркизъ Консолини издалъ генеалогическую брошюру, въ которой доказывалъ еврейское происхожденіе Мастаи. Авторъ былъ отлученъ, его брошюра предана сожженію. Съ тѣхъ поръ между домами Мастаи и Консолини существуетъ нѣсто корсиканская вендетта. Одинъ Консолини даже погибъ отъ руки одного Мастаи. Исторія эта была уже забыта, но одинъ римскій публицистъ откопалъ гдѣ-то уцѣлѣвшій экземпляръ брошюры и дополнилъ ее новыми доказательствами".

(*Бирж. Вѣд.*).

Бѣлая.

Всякое достовѣрное свидѣтельство о русскомъ происхожденіи городовъ и древнемъ православіи населенія привислянскаго края, нынѣ ополяченныхъ и окатоличенныхъ, представляетъ въ настоящее время громадную важность. Къ числу такихъ пунктовъ принадлежитъ и уѣздный городъ Бѣлая, Сѣдлецкой губерніи. Хотя поляки пишутъ и называютъ его Бяла, но въ древнихъ актахъ, обнимающихъ русскій періодъ Подлѣсья, онъ вездѣ называется: *Бѣлая*. Это видно, между прочимъ, изъ рукописной лѣтописи XVI столѣтія бѣльской Рождествобогородичной церкви, веденной съ 1597 года священникомъ Мелешкомъ Іосифовичемъ и найденной въ 1868 г. въ библіотекѣ бѣльской греко-уніатской церкви, а также изъ древнихъ записныхъ книгъ той же церкви. Городъ Бѣлая издревле населенъ былъ русскими людьми и входилъ въ составъ великаго княжества литовскаго. Позади нынѣшняго дома латинскаго ксендза, по варшавскому шоссе, указываютъ долину, служившую границею между Литвою и Польшею. Первая православная церковь въ Бѣлой построена была въ 1582 году, во имя рождества ПрисноДѣвы Маріи, сгорѣвшая потомъ въ 1646 году, 51 іюля. Упомянутый выше лѣтописецъ говоритъ: „лѣта нинѣтекущаго ты-

сячнаго пять сотъ осьмдесятъ втораго создана, а въ 1646 іюля 15 дня огнемъ сгорила и все што до неѣ принадлежало, тогожъ часу и мѣсто (городъ)". Затѣмъ, онъ же замѣчаетъ, что въ 1747 году „церковь новозбудована стараніемъ мѣщанъ набожныхъ". Къ сожалѣнію, церковь эта вмѣстѣ съ своими пастырями перешла въ унію очень рано, едва ли не тотчасъ послѣ брестскаго собора. По крайней мѣрѣ, такъ слѣдуетъ заключить изъ того, что тотъ же лѣтописецъ, повѣствуя подъ 1646 годомъ о нашествіи на Бѣлую казаковъ (отрядовъ Хмѣльницкаго) и о разореніи ими замка князя Радзивила и римско-католическаго костела, прибавляетъ: „церкви Божой жадного ущербу не чинили... отца Маноила же, священника на той часъ будучаго церквѣ бѣлъской, коня ему зъ возомъ взяли и зъ шатъ его разволокше, и въ одной рубашце позоставивше, оводобре канчуками сѣкли, били, мордовали, шаблями кололи, бороду ему вырвали". Такое наказаніе постигло о. Маноила, по всѣмъ соображеніямъ, за отступничество отъ православія и принятіе уніи. Къ концу XVII столѣтія, въ Бѣлой былъ построенъ Радзивиломъ каменный монастырь Василіановъ, и усиліями этихъ монаховъ православіе истреблено было окончательно. Въ настоящее время Бѣлая служитъ центромъ для подляскаго уніатства, благодаря тому обстоятельству, что въ ней хранятся уніатскія мощи знаменитаго Іосафата Кунцевича. Эти останки появились здѣсь недавно, именно въ самый разгаръ враждебныхъ манифестацій противъ Россіи, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Откуда ихъ добыли поляки, достовѣрно неизвѣстно; говорятъ, будто бы изъ католической каплицы,—находившейся въ замкѣ Радзивила. Но цѣль помѣщенія ихъ въ уніатской церкви была та, чтобы, посредствомъ указанія уніатамъ на ихъ святаго, будто бы замученнаго русскими, возбудить въ подляскомъ уніатскомъ населеніи ожесточеніе къ Россіи и подвинуть къ мятежу. Кунцевичъ, возведенный папою Піемъ IX въ блаженные, благодаря стараніямъ польскихъ интригантовъ,—хотя и не признается въ этой святости галицкими уніатами,—здѣсь составляетъ для русскихъ уніатовъ предметъ почитанія, и къ мощамъ его постоянно стекается множество поклонниковъ. Тѣмъ не менѣе, для людей мыслящихъ подлинность этихъ мощей подвергается все большему и большему сомнѣнію, и мы надѣемся

что правительство не откажется употребить законныя средства для обличенія подлога. Одно уже то обстоятельство, что бѣльскій Кунцевичъ имѣетъ на плечахъ неповрежденную голову, тогда какъ, по польскимъ сказаніямъ, полоцкому уніатскому епископу, изувѣрному гонителю православія, русскіе топором отсѣкли голову,—это противорѣчіе фактовъ доказываетъ, что поляки сыграли съ подлѣскими уніатами грубую шутку. Въ Лидскомъ уѣздѣ имѣется имѣніе кн. Гогенлоэ, бывшаго президента совѣта баварскихъ министровъ. Поэтому, онъ строитъ себѣ въ самомъ городѣ маленькій, но очень хорошенькій палаццо на случай пріѣзда. Не думаетъ ли князь сдѣлаться у насъ Цинцинатомъ?

(Вил. Вѣстн.).

Оттушовка польскаго элемента въ герц. Познанскомъ.

Въ то время какъ въ нашей привислянской окраинѣ польскій элементъ пользуется всѣми правами гражданства, когда самое могущественное выраженіе этой гражданственности—земельное владѣніе—не только не подвергается какой либо опасности, но пріобрѣтаетъ болѣе прочную гарантію въ ясно организованныхъ узаконеніяхъ, вводимыхъ тамъ русскою властію,—въ это время въ Познанской области послѣдніе остатки польской народности вытѣсняются и искореняются прогрессивно усиливающимся нѣмецкимъ населеніемъ. Печальную картину исчезновенія поляковъ съ лица познанской земли рисуетъ компетентная въ этомъ дѣлѣ „Газета Народовая“: „Поляки подвергаются въ Познанской области сильнѣйшему напору германизаціи. Гдѣ только нѣмецъ займетъ землю, тамъ онъ старательно вводитъ и распространяетъ нѣмецкую культуру. Поляками онъ себя не окружаетъ, ни даже—какъ это бываетъ въ Галиціи—французами или англичанами, но исключительно одними только нѣмцами. Имѣніе онъ перекреститъ на нѣмецкій ладъ, земельные участки пораспродаетъ нѣмецкимъ колонистамъ, а эти послѣдніе уже окончательно довершаютъ обезнародованіе польскаго сосѣдства. Подобный цивилизаторъ избѣгаетъ поляка на каждомъ шагу и простираетъ эту отчужденность до того, что даже польскаго поденщика не принимаетъ къ себѣ на

работу. Рабочіе, дворовые, слуги—во всѣмъ сплошная Герма нія, а полякъ, всюду пренебрегаемый, утрачиваетъ тамъ вся кія условія къ существованію". Означенная газета всю тя жесть вины взваливаетъ на познанско-польскихъ землевладѣль цевъ, которые остаются совершенно равнодушными къ интере самъ своей національности, и которые, закотавшись въ вихр расточительной жизни, сдаютъ за безцѣнокъ свои имѣнія нѣм цамъ. Понятно, что въ сѣверо-германскомъ парламентѣ представи тели польскаго землевладѣнія составляютъ самую ничтожну единицу, совершенно исчезающую въ огромномъ нѣмецкомъ бол шинствѣ,—и положеніе ихъ здѣсь крайне незавидное. Въ вѣ скомъ парламентѣ польскіе делегаты пользуются значеніемъ є на столько, что нѣмецко-австрійскіе государственные люди сч таютъ нужнымъ водить ихъ за носъ; меньшинство галиційски поляковъ, засѣдающее въ Рейхсратѣ, все-таки составляетъ ка какую величину, которую отчасти интересуются, потому чт въ случаѣ ея удаленія, ходъ парламентской комедіи долже былъ бы на время пріостановиться.

Въ Берлинѣ, напротивъ, поляковъ незамѣтно; въ тамо немъ парламентѣ на нихъ не обращаютъ никакого вниман Роль ихъ въ этомъ германскомъ государственномъ собраніи кая бѣдная и такая жалкая, что они не только не смѣю заявлять какихъ либо притязаній на автономическую отдѣ ность познанской провинціи,—они лишены возможности д заикнуться въ пользу самыхъ скромныхъ правъ польской родности, въ интересахъ защиты ея отъ совершеннаго поп щенія германисмомъ. Всѣ ихъ заботы, какъ членовъ сѣве германскаго парламента, сводятся лишь къ тому, чтобы об государственное законодательство какъ нибудь не обошло назнанской родины. Поэтому смѣшны были, предъ созванi послѣдняго парламента, выходки галиційско-польской печ требовавшей, чтобы познанскіе депутаты сдѣлали однозвуч не ѣхали въ Берлинъ. Но познанскіе поляки хорошо зна что парламентъ обойдется и безъ нихъ—и поѣхали. Что сается отношеній къ нѣмецкой власти уцѣлѣвшихъ остат познанско-польскаго простонародья, то его благоразумная корность судьбѣ выражается въ слѣдующемъ фактѣ. да польскій депутатъ Родневичъ, отвѣчая на нѣмецкій со

прощался съ крестьянами и обѣщался возвратиться къ нимъ поскорѣе, то услышалъ слѣдующій отвѣтъ: „Какъ ни желательно намъ видѣть вась въ своемъ кругу, но будетъ лучше, если вы останетесь въ сеймѣ до конца. Уже если вамъ слѣдуетъ управляться законами изъ Берлина, то хотѣлось бы, чтобы эти законы были самые лучшіе. А если вы, панове, не будете тамъ,—кто же о насъ будетъ заботиться“?

Какъ ни прискорбно, что, подъ напоромъ германизма, цѣлое славянское племя въ познанской области пропадаетъ для славянства, это выраженіе польской народности представляетъ глубоко-поучительный урокъ для поляковъ. Цѣлое полустолѣтіе русское правительство прилагало старанія къ тому, чтобы развить и укрѣпить польскую народность въ привислянскомъ краѣ, цѣлое полустолѣтіе употребила Пруссія на то, чтобы обезнародить поляковъ, находящихся подъ ея управленіемъ. У насъ результатъ—цѣлый рядъ смутъ и кровавыхъ возстаній; у пруссаковъ ненарушимое спокойствіе и правильное развитіе внутренней жизни. Такихъ результатовъ могла бы достичь и Россія, съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что, по свойству ея славянскаго воздѣйствія, она не можетъ,—если бы и хотѣла,—сдѣлать ни малѣйшаго насилія славяно-польской народности. (*Бирж. Вѣд*).

ПОВТОРИТЕЛЬНОЕ ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Домашняя Бесѣда въ текущемъ 1870 году издается по новой программѣ, разсмотрѣнной, въ надлежащей части, св. синодомъ и утвержденной Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати.

Въ программу эту входятъ:

1. Статьи, относящіяся къ догматическому и нравственному ученію Церкви православной, излагаемыя общепонятнымъ языкомъ.

2. Статьи, касающіяся внѣшняго положенія Церкви воинствующей на землѣ и православнаго духовенства.

3. Историческіе разсказы, описанія замѣчательныхъ событій въ нашемъ отечествѣ, а равно жизнеописанія зна-

менитыхъ людей, имѣвшихъ благотворное вліяніе на ту и другую сторону жизни народной.

4. Общія политическія обозрѣнія и частныя заграни ныя извѣщенія, по руководству лучшихъ нашихъ газетъ журналовъ.

5. Правительственныя распоряженія, касающіяся всѣ сторонъ жизни государственной.

6. Судебная хроника по дѣламъ, имѣющимъ особе ное какое-либо значеніе и важность (безъ обсужденія р шеній и производства ихъ дѣлъ).

7. Статьи, относящіяся къ народному здравію, из гаемыя общедоступнымъ для пониманія языкомъ.

8. Литературные разсказы, съ строго-нравственны направленіемъ.

9. Критическій разборъ книгъ и всякаго рода сочи ній, появляющихся какъ внѣ, такъ и внутри нашего о чества.

10. Всѣхъ родовъ стихотворенія, съ строгою однако оцѣнкою ихъ содержанія и внѣшнихъ достоинствъ.

11. Корреспонденціи и всякаго рода объявленія, примѣру другихъ газетъ и журналовъ.

Увеличившаяся въ текущемъ году подписка на Д **машнюю Бесѣду** 1) доказала самымъ осязательны образомъ, что мы угадали потребности читающей публи и, не измѣнья разъ навсегда принятому строго-религіоз му и нравственно-патріотическому направленію, расши ніемъ круга журнальной нашей дѣятельности, успѣли, помощи Божіей, усилить интересъ изданія, видимо тер шаго жизненность свою въ тискахъ прежней програм Не жалѣя издержекъ, мы увеличили объемъ журнала въ вышедшихъ доселѣ выпускахъ дали столько, скол въ прежнее время не давали и за полгода. Сочувстве благодарственные отзывы со стороны весьма многихъ татедей ободряютъ и поддерживаютъ насъ въ этомъ т

1) Если, хоть и въ уменьшающейся пропорціи, она бу идти такъ, какъ идетъ доселѣ, то печатаемаго количества эк пляровъ не достанетъ, и мы вынуждены будемъ отказывать здавшимъ подписчикамъ. Ред.

вомъ дѣланіи, которое почти всею своею тяжестію лежитъ на раменахъ издателя, не имѣющаго, кромѣ роднаго брата своего, доктора медицины, ни одного обязательнаго сотрудника. Впрочемъ, лишь бы Господь Богъ подкрѣпилъ силы наши, а мы будемъ трудиться и работать энергически, неустанно.

Въ виду усложненія пересылки періодическихъ изданій, мы нашли себя вынужденными измѣнить прежнюю норму годовой подписки. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ, безъ доставки, **Домашняя Бесѣда** стоитъ **три** рубля, съ доставкою **четыре**, а съ пересылкою во всѣ города Имперіи **три** рубля **сорокъ пять** коп. Но сверхъ этого **1** р. **50** к. городскіе, а **1** р. **70** к. иногородніе подписчики вносятъ на печатаніе накладныхъ, бланковъ, адресовъ, обандероленіе *каждаго* экземпляра и каждаго выпуска, на увеличеніе конторской прислуги, доставку журнала на почту и проч. и проч.,—такъ что въ итогѣ иногородніе платятъ **пять** рублей **пятнадцать** коп., а городскіе **пять** рублей **пятдесять** коп.; получающіе же въ Конторѣ Редакціи вносятъ только **три** рубля.

ПОДПИСКА БУДЕТЪ ПРИНИМАТЬСЯ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ВСЕГО ГОДА.

Подписчики получатъ журналъ съ перваго выпуска, въ какое бы время ни заявили они свое требованіе.

Если кто изъ подписчиковъ пожелаетъ, вмѣсто **5** р. 15 к., выслать ровно **шесть** рублей, а недославшіе 15-ти коп. представятъ рубль, то тѣ и другіе могутъ, по своему выбору, получить изъ находящихся въ Конторѣ Редакціи книгъ.

или

Исторіи Кіевской Академіи—*одного* экз.

или

Чтенія для православнаго народа—*четырехъ* экз.

или

Басенъ В. Незамая—*одного* экз.

или

Драмы: Мароа посадница,—*одного* экз.

или

Записокъ звонаря—*шести* экз.

Право это распространяется и на тѣхъ, которые благоволятъ подписаться въ теченіи всего 1880-го года, и на городскихъ подписчиковъ, которые за 50 коп. могутъ получить въ Конторѣ Редакціи, по своему выбору, любое изъ означенныхъ сочиненій 1).

Редакторъ-издатель Викторъ *Аскоченскій*.

---

1) Книги: *Асмодей нашего времени* и *Біографія К. Амфитеатрова*, а также и брошюры: *Разсказы очевидца* всѣ разошлись и въ Конторѣ Редакціи не имѣются; да и *Чтеній для православнаго народа* и *Басенъ В. Незамая* осталось немного

ДЕРЖАНІЕ 2-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1870 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

1. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—**Грамота**, пожалованная митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ Іосифомъ супрасльскому монастырю, 2 февраля 1514 г. Стр. 19.—2) **Привиллегія** Владислава IV, данная архіепископу смоленскому и черниговскому и всея сѣвери Креузѣ Реускому и его наслѣдникамъ въ санѣ на твердилицкую и трисвятскую волости и на разныя церкви въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ смоленскаго уѣзда и другихъ воеводствъ. 1634 г. октября 12.—Стр. 24.—3) **Опредѣленіе** гродненскаго земскаго суда по дѣлу, заведенному митрополитомъ Кипріаномъ Жоховскимъ съ старостою плотельскимъ Александромъ Волловичемъ, о возстановленіи богослуженія въ бальской церкви, забранной со всѣми принадлежностями и упраздненной покойною матерью послѣдняго. 1677 г. января 13.—Стр. 34.

ОТДѢЛЪ II.

...Ъ объяснить быстрое обрусѣніе литвы въ XIII вѣкѣ? Стр. 41.

ОТДѢЛЪ III.

...ОЛВКА и недомолвка. Стр. 25. **И. Э.....ъ.**

ОТДѢЛЪ IV.

...БІОГРАФІИ митрополита литовскаго Іосифа. Извлеченіе изъ отчета г. Оберъ-прокурора св. Сѵнода, графа Д. А. Толстаго, за 1868 годъ. Стр. 107.

...ЕБСКОЙ губерніи, Себежскаго уѣзда село Прихабы (продолженіе). Стр. 133. Св. В. **Забѣлинъ.**

...ОДУМАННЫЙ поступокъ и гибель юноши. Часть вторая. Стр. 138. **М. Вольперъ.**

...РЧЕНСКАЯ пещера (стихотвореніе). Посвящается Н. И. Костомарову. Стр. 161. Митрофанъ **Симашкевичъ.**

...ЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.—**Высочайшее** повелѣніе. Стр. 165.—**О** предоставленіи православнымъ священникамъ права преподавать духовныя требы по просьбѣ лицъ греко-уніатскаго обряда. Стр. 167.—**Освященіе** православнаго храма въ Гроднѣ. Стр. 168.—**Объ** учрежденіи единовѣрческихъ приходовъ въ литовской епархіи. Стр. 171.—**Извлеченіе** изъ всеподданнѣйшаго отчета г. министра государственныхъ имуществъ. Поземельное устройство государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Стр. 173.—**Рѣдкое** сочетаніе религіозности съ патріотизмомъ. Стр. 181.—**Изъ** картинной галлереи галиційскаго сейма. (Флоріянъ Земялковскій). Стр. 182.—**Непогрѣшимость** папы. Стр. 189.—**Итальянская** палата о непогрѣшимости папъ. Стр. 200.—**Изъ** Рима. Стр. 202.—**Облеченіе** въ форму папской непогрѣшимости. Стр. 208.—**Выставка** вещей и лицъ въ Римѣ. Стр. 211.—**Происхожденіе** Пія IX. Стр. 214.—**Бѣлая**. Стр. 215.—**Стушовка** польскаго элемента въ герц. Познанскомъ. Стр. 217.—Повторительное Объявленіе. Стр. 219.

Содержаніе 2-ой кн. „Вѣстника западной Росс

за 1870 годъ.

ОТДѢЛЪ I.

№ 2. ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗА ной россіи.—**Грамота**, пожалованная митрополитомъ кіевскимъ кимъ Іосифомъ супрасльскому монастырю, 2 февраля 1514 г. Стр. 19.—2) **вилегія** Владислава IV, данная архіепископу смоленскому и черни и всея сѣверя Креузѣ Реускому и его наслѣдникамъ въ санѣ на твер и трисвятскую волости и на разныя церкви въ городахъ, мѣстечкахъ смоленскаго уѣзда и другихъ воеводствъ. 1634 г. октября 12.—Стр. 21.—3) **дѣленіе** гродненскаго земскаго суда по дѣлу, заведенному митропол пріяномъ Жоховскимъ съ старостою плотельскимъ Александромъ Вол возстановленіи богослуженія въ бальской церкви, забранной со всѣми постями и упраздненой покойною матерью послѣдняго. 1677 г. Стр. 34.

ОТДѢЛЪ II.

ЧЕМЪ объяснить быстрое обрусѣніе литвы въ XIII вѣкѣ? Стр. 41.

ОТДѢЛЪ III.

ОБМОЛВКА и недомолвка. Стр. 25. **И. Э.....ъ.**

ОТДѢЛЪ IV.

КЪ БІОГРАФІИ митрополита литовскаго Іосифа. Извлеченіе изъ отчета г. Обер курора св. Сунода, графа Д. А. Толстаго, за 1868 годъ. Стр. 107.

ВИТЕБСКОЙ губерніи, Себежскаго уѣзда село Прихабы (продолженіе). Стр. 1 **Забѣллинъ.**

НЕОБДУМАННЫЙ поступокъ и гибель юноши. Часть вторая. Стр. 138. **М. Вол**

ЧЕРЧЕНСКАЯ пещера (стихотвореніе). Посвящается Н. И. Костомарову. Ст Митрофанъ **Симашкевичъ.**

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ.—**Высочайшее** повелѣн 165.—**О** предоставленіи православнымъ священникамъ права исправл ныя требы по просьбѣ лицъ греко-уніатскаго обряда. Стр. 167.—**Осн** православнаго храма въ Гроднѣ. Стр. 168.—**Объ** учрежденіи един приходовъ въ литовской епархіи. Стр. 171.—**Извлеченіе** изъ всепод шаго отчета г. министра государственныхъ имуществъ. Поземельное уст государственныхъ крестьянъ въ западныхъ губерніяхъ. Стр. 173.—**Рѣдк** четаніе религіозности съ патріотизмомъ. Стр. 181.—**Изъ** картинной галиційскаго сейма. (Флоріянъ Земяловскій). Стр. 182.—**Непогрѣшим** папы. Стр. 189.—**Итальянская** палата о непогрѣшимости папъ. Стр. **Изъ** Рима. Стр. 202.—**Облеченіе** въ форму папской непогрѣшимости. 208.—**Выставка** вещей и лицъ въ Римѣ. Стр. 211.—**Происхожд** Пія IX. Стр. 214.—**Бѣлая**. Стр. 215.—**Ступенька** польскаго въ герц. Познанскомъ. Стр. 217.—Повторительное Объявленіе. Стр. 21

Редакторъ-издатель **И. Эремичъ**